

В КРУГЕ КУНДУЗСКОМ

АННОТАЦИЯ

Кундузский круг – это достопримечательность города на северо-востоке Афганистана, представляющая собой круглую площадь с торговыми рядами. Метафорически, в круговороте событий произошедших в Кундузе, переплелись судьбы людей разных поколений и государств – афганцев, советских солдат, немцев и других. Начиная со времён басмачества, Второй мировой войны, Афганской (1979–1989) и военной операции объединённых сил западной коалиции под руководством США с 2001 года, Кундуз был и остаётся ареной Большой игры.

Героями истории, о которой пойдёт речь, являются шестеро друзей – Костян – Константин Тевс, Руст – Рустам Тукаев, Монгол – Дархан Бадмаев, Стрела – Герман Стрельцов, Сидор – Сергей Сидоренко, Костёр – Иван Костров – они войсковые разведчики Ограниченного контингента советских войск в Афганистане призванные в Советскую Армию в 1984 году из разных регионов СССР.

Их дружба пройдёт испытание на прочность, начиная с первых дней в учебке и в дальнейшем – в ходе боевых операций в Афганистане и по возвращению с войны. Невзирая на тяготы службы, они неизменно были верны воинскому долгу и дружбе.

Рискуя жизнями, с честью выполняли боевые задачи в наиболее опасных операциях Афганской войны – в Панджерском ущелье, Кунаре, Мармоле, Герате. Спасали жизни и мирных афганцев, погибая сами. Их служба была насыщена событиями, иногда и трагикомическими.

В ходе боёв, трое из шестерых друзей погибнут, один из них Константин Тевс (Костян) – поволжский немец из Казахстана.

В наполненной весёлыми и драматическими событиями, саге, есть рассказ «Цугцванг обер-лейтенанта Бруно Тевса». В нём, молодой обер-лейтенант сил специальных операций KSK Бундесвера Бруно Тевс, направленный по

собственной просьбе в спецназ Task Force-47 объединённых сил западной коалиции ISAF в Афганистане, при исключительных обстоятельствах получит от бывшего моджахеда подарок из прошлого.

Это будут - записная книжка и вложенная в неё фотография с шестью советскими солдатами, найденные на месте боя и, принадлежавшие погибшему в Афганистане отцу Бруно - Константину Тевсу.

Бруно, встретиться с моджахедом Исматуллою, который приведёт его на место того драматического боя и расскажет об обстоятельствах.

В ходе службы в спецназе Task Force-47 и участии в спецоперациях, Бруно Тевс столкнётся с цинизмом и бесчеловечностью действий командования сил ISAF, нанёсшей серию авиаударов по гражданским объектам и мирному населению.

В одном из таких авианалётов - по госпиталю «Врачи без границ» MSF, погибнет его любимая девушка афганка Сита Ахмадзай, с которой у него была запланирована свадьба, в другом авиаударе будет убит его близкий друг, собственный корреспондент немецкого журнала Отто Гринберг.

Эти и, другие авиаудары по гражданским объектам и коммуникациям с большим количеством человеческих жертв, оправдываемые ISAF, как борьба с движением талибан и международным терроризмом, произошедшие в провинции Кундуз - в реальности, укрепят в Бруно уверенность в антигуманности преследуемых целей и действий - Бундесвер и сил западной группировки в Афганистане, в целом.

Разочаровавшись в их военной миссии и, своей в частности, он отправится в Москву и по номерам телефонов в отцовской записной книжке отыщет одного из пяти боевых товарищей отца - безногого инвалида Рустама Тукаева - Руста.

Благодаря его рассказу, Бруно сможет пошагово восстановить ход событий, произошедших с его отцом и его друзьями - в Афганистане и, в дальнейшем - по возвращению в СССР.

Трое из них - Стрела (Герман Стрельцов), Монгол (Дархан Бадмаев) и Костян (Константин Тевс) погибли в Афганистане, а выжившие - Иван Костров - Костёр в 1987 году поступит на службу в спецназ КГБ «Альфа» и погибнет в октябре 1993-го года у стен Белого дома в Москве, при выносе из под огня раненного солдата. За

совершённый подвиг, он будет удостоен Звания Героя России.

В момент приезда Бруно в Москву, Ивана Кострова уже 15 лет как не будет в живых. Но, несмотря на это, Бруно очень сблизится с его дочерью – Машей. О жизни Костра по возвращению в Союз и его трагической гибели – расскажут события «Поездка в Ленинград» и «События октября 1993 года».

В них, трое друзей в 1987 году поедут навестить в Ленинград Маму погибшего друга Стрелы – Германа Стрельцова и попадут в передрагу.

А в октябре 1993 года, в дни противостояния Президента и Верховного Совета, вчерашние боевые друзья окажутся по разную сторону баррикад.

У каждого из них свои политические убеждения и служебный долг, но они верны фронтовой дружбе и в нужный момент всегда протянут друг другу руку помощи.

События октября 1993 года расколют общество на две части, по противоположные стороны окажутся те, кто несколько лет назад, плечом к плечу, выполнял воинский и интернациональный долг в Афганистане, вчерашние боевые друзья – афганцы.

Руст, прибывший к Белому дому в момент начала вооружённого противостояния с товарищами из Союза ветеранов Афганистана, поддержавшими Президента Ельцина Б.Н. будет сражён снайпером. Жизнь его будет висеть на волоске, многие месяцы он проведёт на госпитальной койке.

Сергей Сидоренко – Сидор, считавший Верховный Совет и Совет Народных депутатов поборниками действующей Конституции России, выступит на стороне защитников Белого дома и будет тяжело ранен. Жизнь ему спасёт, выполнявший задачу со своим подразделением на стороне Президента Ельцина Б.Н., третий их товарищ – Костёр, офицер «Альфы».

Он, рискуя жизнью, поднимется на объятые пламенем верхние этажи здания и отыщет Сидора в бессознательном состоянии, потерявшим много крови. Костёр вынесет Сидора из Белого дома, а сам, спустя несколько часов погибнет при выполнении задачи.

В середине лихих 1990-х, Сидор станет лидером криминального сообщества и будет осуждён на длительный тюремный срок. Но, несмотря на кручину, он сохранит свои нравственные принципы и верность братству.

Его освобождение из колонии, совпадёт по времени с приездом в Россию Бруно. Отправившимся его встречать у ворот колонии – Русту и Бруно, предстоит вместе пережить покушение на Сидора, чьё нахождение на воле, кому-то будет очень мешать.

Сидор, пожертвав собой, трагически погибнет на глазах Бруно и Руста, спасая чужого малыша.

Руст, лишившийся в Афганистане обеих стоп и, выкарабкавшийся после тяжёлого ранения у Белого Дома в 1993 году, несмотря на тяжёлое увечье, построит себе достойное будущее и станет многодетным отцом.

Он и выступит повествователем истории судеб шестерых друзей – сыну своего погибшего друга Константина – Бруно Тевсу, отставному офицеру Бундесвера объединённых сил НАТО в Афганистане.

В заключение истории, Бруно Тевс и Маша Кострова, объединённые общим несгодьем – потерей Отцов, станут счастливой парой.

ЧАСТЬ I

СОБЫТИЯ октября 1993 года

21 сентября 1993 года.

Москва Кутузовский проспект дом 1.

Было малооблачно, моросил мелкий дождь +12С, к 19.30 уже стемнело. На кухне крупногабаритной трёхкомнатной квартиры Руста собрались трое боевых товарищей – Костёр, Сидор и он сам. Повод встречи радостный – у Руста 20 сентября родился второй сын – Самир.

К этому времени, Костёр уже окончил Московское высшее военное общевойсковое командное училище им. Верховного совета РСФСР и перед выпуском был отобран в подразделение специального назначения – знаменитую «Альфу».

Сидор, успешно завершил обучение на историческом факультете МГУ, но по специальности работать не стал, поскольку ещё во время учёбы, с конца 1980-х начала 1990-х годов, с головой окунулся в бурно развивавшееся кооперативное движение. Решал широкий спектр задач от экономического развития до разрешения конфликтов хозяйствующих субъектов и их покровителей.

Руст, несмотря на отсутствие обеих стоп с отличием окончил экономический факультет Московского института стали сплавов. В конце 1980-х годов он принял активное участие в учреждении всесоюзных и общероссийских организаций ветеранов Афганской войны, в разработке нормативных документов для их социально-медицинской реабилитации и поддержки семей погибших.

В 1991 году, он создал и возглавил самую крупную региональную организацию - Московский городской союз ветеранов Афганистана и стал первым заместителем председателя Российского союза ветеранов Афганистана РСВА. На заработанные организацией средства, всем инвалидам-ампутантам Москвы и Московской области, включая себя, Руст заказал лучшие в мире протезы германской фирмы ОТТО-ВОСК.

Полученное экономическое образование, а также наличие у РСВА квот на экспорт цветных металлов и льгот на экспортную пошлину, позволили Русту заключить крупные внешнеэкономические контракты.

Намедни у Руста родился сын. Он поделился этой радостной новостью с друзьями - Костром и Сидором и, пригласил их к себе на плов. В условленный час, когда гости с пакетами подарков и гостинцев, поднялись к квартире на верхнем этаже, входная дверь в неё была приоткрыта. Это был их первый визит к Русту после его переезда в центр. Уведомив звонком и голосом о прибытии, друзья вошли. В ответ, из дальней комнаты послышался голос Руста:

- Парни проходите - три минуты, и я уже с вами.

Сидор и Костёр, оставив пакеты с продуктами на кухне, прошли вглубь - откуда доносилось глубокое дыхание, физически упражнявшегося человека.

Нерешительно заглянув в дальнюю комнату, они увидели, как на стыковавшейся с полом и потолком, перекладине, с отсутствовавшими по ровную линию, обеими голеньями, Руст бесперечь, чередуя, выполнял выходы силой и подъёмы переворотом.

Каждый мускул на его сбитом теле, был чётко выражен. Его точёная фигура и короткая стрижка отвечали армейскому габитусу.

- Я гляжу, наш друг, абулией и астенией не страдает - пошутил Сидор.

До завершив упражнения, Руст, спорко спустился с турника и, сделав несколько шажков на коленях, запрыгнул на низкий стул. Он не смутился от взглядов

товарищей и, податно надел на культы голеней, стоявшие рядом протезы, предложил друзьям сесть за сервированный в середине зала праздничный стол, а сам включил телевизор и накоротке отлучился в душ.

На столе стояли ваза с фруктами, горка тандырных лепёшек и чайники с пиалами пахта. Руст появился спустя семь минут, в новой белой рубашке, строгих со стрелками чёрных брюках и, повязав фартук, начал хлопотать на кухне. Он наполнил косушки горячей бараньей шурпой, посыпанной душистым укропом и подал к столу.

Руст знал толк в восточном ястве, и когда представлялся случай, охотно кашеварил. Чуть позже, дошёл и плов.

Потомив недолго, он открыл, накрывавшую нацело чугунный казан – большую тарелку и, выпустив пар, сноровными движениями утюрем, наполнил риштанский ляган, рассыпчатым янтарным рисом-девзира и жёлтой морковью-мшак, посыпанных душистой зирой. В центр, отделив от косточек и, мелко, нарезав, он сложил горку кусочков мякоти, молодого карачаевского ягнёнка, по кругу, украсив дольками спелой хурмы и, посыпав гранатными зёрнами.

– Да, ханская снедь! – отметил Костёр: я часто вспоминаю наше афганское бесхлебье и того барана – в Панджшере, что свежевали переводчик Кодиров и покойный Костян. Как нам, до жути, голодным, из-за духовского налёта не удалось его съесть.

В унисон, погрузившись в воспоминания, друзья, улыбнулись.

– Ну вот, с Костяна и начнём – с грустью, предложил Руст, и одев, со спинки стула строгий чёрный костюм с орденской планкой из муаровых лент – двух орденов «Красной Звезды» и медали «За Отвагу», сказал: пусть это будет уже третий тост!

Все трое встали. Сидор, всклень, наполнил гранёный стакан, принесённой им, водки Smirnoff и, накрыв ломтиком лепёшки, поставил на край стола.

Руст и Костёр, по разным причинам, спиртное не употребляли, поэтому каждый налил себе напиток по усмотрению. Выдержав короткую паузу, Руст, с чувством, провозгласил тост:

– Вечная память погибшим в боях! В их числе, нашим друзьям – Стреле, Костяну, Монголу.

Повисла тишина. Её нарушил Сидор: Да! – протянул он:

- «Наша вечная память - кто завидует ей», продолжив, проникновенно, декламировать Твардовского А.Т.:

«Летом горького года, я убит! - для меня, ни известий, ни сводок после этого дня...

И во всём этом мире, до конца его дней -

Ни петлички, ни лычки с гимнастёрки моей...

Наши очи померкли, пламень сердца погас.

На земле, на поверке выкликают не нас.

Нам свои боевые, не носить ордена,

Вам всё это живые, нам отрада одна...

Мы за Родину пали, но она спасена!»

В этот момент часы пробили 20.00 и, с началом вечерних новостей государственного телеканала на экране телевизора появилась ярко-синяя заставка с объявлением «Обращение Президента РФ Б.Н. Ельцина к гражданам России» и через несколько секунд появился, глава государства и неторопливо стал зачитывать его текст.

- Это надо послушать - приневолено объяснил, Руст и, не встретив возражений, сделал звук громче, целиком сосредоточившись на экран.

- Уважаемые Россияне!

Мной подписан Указ «О поэтапной конституционной реформе» - в Российской Федерации сложилась политическая ситуация, угрожающая государственной и общественной безопасности страны....

Друзья, озадаченно переглянулись.

- Съезд народных депутатов и Верховный совет предпринимают систематические и всё более активные усилия узурпировать не только исполнительную, но и судебную функцию...

Уже более года предпринимаются попытки найти компромисс с депутатским корпусом, с Верховным советом. Россияне хорошо знают, сколько шагов навстречу делалось с моей стороны на последних съездах и между ними....

Последние дни окончательно разрушили надежды на восстановление какого-либо конструктивного сотрудничества....

Власть в Российском Верховном совете захвачена группой лиц, которые превратили его в штаб непримиримой оппозиции....

Слушая выступление Ельцина Б.Н., Сидор, раздражённо отводил и возвращал взгляд к экрану, соглядывая, на

увлечённо слушавшего Руста и, не выдававшего эмоций, Костра.

- Верховный совет, как государственный институт находится сейчас в состоянии политического разложения, он перестал считаться с Указами Президента, с его поправками к законопроектам, даже с конституционным правом вето....

Единственным способом преодоления паралича государственной власти в Российской Федерации является её коренное обновление на основе принципов народовластия и конституционности.

Действующая Конституция не позволяет этого сделать, поскольку, в ней не предусмотрен выход из сложившейся ситуации.

Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу; учитывая неудовлетворяющее парламентским стандартам качество работы Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ; принимая во внимание, что безопасность России, и её народов - более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти....

В целях:

- сохранения единства и целостности Российской Федерации;

- вывода страны из экономического и политического кризиса и т.д.

После этих слов, Сидор пересел в кресло, поближе к телевизору и стал пристально вслушиваться.

- Постановляю:

Прервать осуществление законодательной, распорядительной и контрольной функций Съездом народных депутатов Российской Федерации и Верховным Советом Российской Федерации....

Настоящий Указ вступает в силу с момента подписания - Президент РФ Ельцин Б.Н.

- Во как вывел! - воскликнул Сидор, резко вскочив с кресла:

«... Принимая во внимание, что безопасность России, и её народов - более высокая ценность, нежели формальное следование противоречивым нормам, созданным законодательной ветвью власти... Стремясь к ликвидации политического препятствия, не дающего народу самому решать свою судьбу».

А как же Конституция?! Могу компетентно заявить, этим Указом «гарант» нарушил два пункта № 6,11 - 121-й статьи Конституцию РФ, а третьим пунктом № 8, той же статьи - поставил себя вне Закона.

Знал бы народ, тогда - в конце августа 1991 года, какую ошибку совершает, выходя на баррикады в поддержку Б.Н. Ельцина против ГКЧП!

- Сидор! Ты ж вроде не коммунист - со стёбом напомнил Костёр: я понимаю, если б возмущался Руст, получивший свой партбилет в 19 лет - в Афганистане. Там, как известно, кого попало в КПСС, не принимали. Он, в отличие от политиков-ренегатов с обеих сторон, в 1991 году, свой партбилет не сжёг и, не выбросил!

Ну а ты-то Сидор, когда успел идеологией Марксизма-ленинизма проникнуться. Мы тебя помним другим.

Сидор опустил реплику Костра и, продолжил:

- Лукавый красобай, шестилетним правлением вырыл могилу могущественному государству, а крамольный прозелит, забил в его гроб, последний гвоздь. Беловежское соглашение декабря 1991 года - это беспрецедентный гешефт республиканский секретарей КПСС, стремившихся урвать кусок от рухнувшей империи, с благословения США. Прискорбно, что никакое аутодафе, не вернёт нам утраченной великой страны.

Мне вот интересно - продолжал, Сидор, - отчего это - в ближайшем прошлом, первый секретарь Свердловского обкома партии, секретарь ЦК КПСС и первый секретарь Московского горкома КПСС, внезапно и остервенело, возненавидел всё коммунистическое.

Чем же это, родная партия, наделившая властью, обеспечившая всеми благами, а наряду с ней и верные соратники, с кем он, бок о бок, до 60-ти лет боролся за высшие идеалы, его обделили?!

Руст не пожелал искать политику оправдания, а Костёр, как человек системы, сохранив корректность, мнения своего не высказал. Однако все трое понимали, страна скатилась к глобальному потрясению. Руст выключил телевизор, и друзья вернулись к столу.

Сидор, вдруг, вспомнил о своём обещании позвонить студенческому товарищу по МГУ им. Ломоносова М.В., Игорю Малярову - основателю в 1989 году и, первому секретарю Российского Союза Коммунистической молодёжи РКСМ. К тому времени, младшему научному сотруднику кафедры политэкономии. Он извинился и, взяв переносную трубку, отлучился на кухню.

Сидор, действительно, был далёк от коммунистической идеологии, но Игорь Маляров, не прошедший службу в рядах Вооружённых сил, относившийся к Сидору – ветерану-афганцу, кавалеру ордена «Красной Звезды» и двух медалей «За Отвагу» с особым пиететом, на протяжении всего периода знакомства, всячески стремился привлечь его к участию в деятельности РКСМ, посвящая во все политические события.

- Игорь привет! Как ваш I съезд, намеченный на 27,28 сентября, в связи с сегодняшним телеобращением Ельцина Б.Н., не претерпел изменений?! – спросил Сидор. И не дождавшись ответа, продолжил – Ты речь его слушал? И каков будет ваш ответ Чемберлену? – спросил ещё Сидор.

В течение короткого разговора на все вопросы он незамедлительно получил ответы и попутную информацию, поделившись ею с друзьями:

- Наши университетские с филфака, истфака и других факультетов – активисты РКСМ, стягиваются к Дому Советов на митинг в поддержку Верховного Совета и Совета Народных депутатов.

Указ № 1400 признан антиконституционным – Верховный Совет уже принял постановление о немедленном прекращении полномочий Президента и созыве на завтра VII экстренной сессии Верховного Совета с повесткой дня о государственном перевороте.

Этим же постановлением, Верховный Совет, созвал в ближайшие часы – X чрезвычайный внеочередной съезд народных депутатов с повесткой дня «о политическом положении в связи с совершённым государственным переворотом».

Что, по моему твёрдому убеждению, произойдёт в самое ближайшее время – с этими словами, Сидор, возбуждённо, резко встал с места и, упёршись ладонями в спинку стула, начал хронологично выводить – Верховный Совет, получивший копию Указа № 1400, ещё до телеобращения Бориса Николаевича, я уверен, уже запросил экспертное заключение Конституционного суда КС РФ о его законности.

КС-м РФ будет созвано экстренное заседание, и в вынесенном им заключении, данный Указ будет признан – не соответствующим ряду статей действующей Конституции и, служащим основанием к отрешению действующего Президента от должности.

Апропо, другой Указ Бориса Николаевича, от 1 сентября сего года «о временном отстранении от исполнения обязанностей Вице-президента Руцкого А.В.», приостановленный Верховным Советом, и находящийся в данный момент в КС на экспертном рассмотрении, также будет признан антиконституционным.

По логике вещей, чрезвычайный X Съезд народных депутатов выдвинет Руцкого А.В. на должность Президента в ближайшие часы и, очевидно, сразу утвердит.

- Тоже мне авгур! - оценил прогностический пафос Сидора, Костёр.

- А на данный момент, - продолжил Сидор, - уже объявлено о принятии Верховным Советом постановления с обращением «К народам России, Содружеству Независимых государств, мировому сообществу, военнослужащим Российской Армии, сотрудникам силовых министерств, ко всем гражданам России с призывом пресечь государственный переворот, организованный Ельциным Б.Н. и его окружением», а также - создании штаба обороны Дома Советов.

На стихийный митинг, у стен Дома Советов, собралось уже более тысячи, человек, началось возведение заграждений и, милиция стягивает вокруг них плотное кольцо. Мы можем в этом сами убедиться - Сидор кивнул на балкон.

Друзья вышли из-за стола и за Рустом направились на балкон. Дождь к тому времени уже прекратился и к ночи резко похолодало.

Сказанное Сидором подтвердилось, было видно, как к Дому Советов, где проходил стихийный митинг, с разных сторон стекались ручейки народа с плакатами и флагами и стягивались подразделения МВД.

В этот момент из комнаты послышался телефонный звонок, Руст покинул балкон и снял трубку. На обратной стороне связи был Председатель Российского Союза ветеранов Афганистана РСВА Александр Котенёв:

- Рустам, здравствуй! Ты следишь за новостями?

- Здравствуйте, Сан Саныч! Слежу - ответил Руст.

- В это непростое время, мы обязаны поддержать Президента!

Я набросал текст заявления от РСВА с поддержкой Ельцина Б.Н., резким осуждением действий А.Руцкого и Р. Хасбулатова, и отправил в Администрацию Президента РФ, Правительство РФ, в Верховный Совет и Совет Народных депутатов.

- Понимаю, Сан Саныч! - отреагировал Руст.

- Градус накаляется, наверняка потребуется наше участие. Оставайся в Москве и будь на связи! - скомандовал Котенёв.

- Буду в Москве, планов к отъезду нет! - сообщил Руст и, под занавес разговора, спросил:

- Сан Саныч! У меня вопрос.

- Спрашивай - сказал Котенёв.

- Вы уверены, что в ходе возникшего Конституционного кризиса, афганцам следует принять чью-либо сторону и оказаться на острие? Насколько мне известно, на стороне Верховного Совета и Совета народных депутатов, также немало афганцев - поделился Руст.

- Я знаю! - сообщил Котенёв, - но сегодня каждый должен сделать свой выбор - с кем он! Борис Николаевич много сделал для афганского движения, подписал Указ о социальной реабилитации ветеранов-афганцев. Нельзя его предавать!

- Я вас понял! - согласился Руст.

- Хорошо! - сказал Котенёв и повесил трубку.

Руст, снова вышел на балкон, но о разговоре с Председателем РСВА, друзьям не рассказал. Постояв немного и, озябнув, Руст предложил друзьям вернуться за стол.

- Да! Зреет нешуточный переполох - поделился, озадаченный Костёр: нас перевели на усиленный режим.

- Руст! РСВА, конечно же, встанет на сторону Ельцина Б.Н. - неожиданно заявил Сидор: ваш председатель Котенёв А.А. близок к ареопаг. Хотя, таковым - по Конституции РФ, является Съезд Народных депутатов!

- И хорошо, что близок! К ареопагу! - согласился Руст: организации нужна поддержка власти. А как, без помощи государства оказать помощь тысячам нуждающимся в реабилитации и социальной поддержке ветеранам?

- Но ведь, это называется скрытым подкупом - квалифицировал Сидор.

- Как бы, ты, это не называл! Инвалидам и семьям погибших не интересны твои политические убеждения, они пожертвовали здоровьем и жизнями своих близких! - эмоционально парировал Руст: им нужна реальная помощь. Хотя, в идеале, ветеранским организациям, следовало бы оставаться аполитичными и придерживаться принципа Ахимса.

- Могли ли мы, воюя в Панджшере, Кунаре, Хосте и Герате, представить, что уже через 5 лет окажемся по разную сторону баррикад?! - возмущённо спросил, Сидор: назначив вторым лицом государства - героя-афганца, оно же, генерала авиа-штурмовика, мегаломан рассчитывал держать рядом грума и бибабо?!

Бередит его и, камарильи, сознание, другой ретивый афганец - народный депутат, оспаривающий в Конституционном суде правомерность ратификации Верховным Советом - Беловежского соглашения 1991 года, разрушившего Советский Союз. Надо отметить, он имеет высокие шансы.

- Послушай, Сидор! - вскипел Руст, - я боевых заслуг наших звёздных афганцев не умаляю! Однако хотелось бы узнать - какое сатори, наступило у наших доморощенных апологетов заморской демократии - вчерашней партийной номенклатуры из нынешнего Верховного Совета и Совета Народных депутатов, которые, ещё два года назад - в августе 1991 года, сбившись в организованный гурт, с остервенелым остракизмом, «вынесли» верховного главнокомандующего - президента Советского Союза? Наверное, не о том, как сохранить наш «великий и могучий»?!

И потом, раз уж тебя взяли в команду, где есть признанный лидер - ты умерь свой альтер-эго и выполняй указания начальника - тобишь командира, а не согласен с ним - уходи! А заявлять на весь мир, мол - я собрал на шефа чемодан компромата, это не комильфо, каким бы героическим, его прошлое не было - заключил Руст.

- Надо прекратить этот бессмысленный разлад! - вмешался Костёр, видя, что нахлынувшие эмоции друзей уже зашкаливают - У каждого из нас свои убеждения, и мы ими не торгуем!

Для чего мы здесь?! - спросил он товарищей, стараясь отвлечь от бурной дискуссии - Мы пришли поздравить нашего друга с рождением второго наследника.

И поэтому, нашим лучшим пожеланием отцу, будет - вырастить стержневую личность, достойного сына своего народа и защитника нашего Отечества - с патетикой произнёс Костёр.

Посидев ещё немного, друзья, с холодком в отношениях, разошлись. Между тем, Москва погружалась в саспенс.

Предсказания Сидора оказались валидными, состоявшееся поздним вечером 21 сентября 1993 года

экстренное заседание Конституционного суда РФ – признало Указ Б.Н. Ельцина № 1400 и его телеобращение, не соответствовавшими ряду статей действующей Конституции РФ и, служившими основанием для отрешения Президента от должности, что и было оглашено его Председателем, на открывшейся в полночь с 21 на 22 сентября – VII экстренной сессии Верховного Совета РФ.

Её решением, Верховный Совет РФ прекратил полномочия Президента Ельцина Б.Н. и передал их Вице-президенту Руцкому А.В., который отменил Указ № 1400, как антиконституционный. А Верховный Совет, отдельными своими Постановлениями, освободил от должности трёх силовых министров – безопасности, обороны и внутренних дел, назначив вместо них новых.

Назначенное Верховным Советом руководство министерства обороны разослало в воинские части, соединения и в военные ВУЗы телеграммы с требованием срочно прибыть к Дому Советов. От самого же, Минобороны и Генштаба РФ на Знаменке д.14/1, исходил приказ подчиняться только их руководителям.

Утро 22 сентября было облачным. Сидор проснулся рано, угнетённый вчерашним тяжёлым разговором с друзьями, он четко пытался до них дозвониться, сумев лишь оставить голосовое сообщение на домашнем автоответчике Костра. Узнав от Игоря Малярова, время и место сбора РКСМцев, он не смог остаться в стороне и направился к Дому Советов.

По прибытию на место, Сидор увидел, что число митинговавших, по сравнению с вчерашним вечером, резко возросло. Манифестанты выкрикивали политические лозунги и размахивали красным и чёрно-жёлто-белым флагами. РКСМ разбил свою палатку прямо рядом с Домом Советов. Между тем, по приказу руководства штаба обороны Дома Советов, началась запись в добровольческий полк, в состав которого, в числе первых, записался и Сидор.

23 сентября стояла ненастная погода, моросил дождь, в 22.00 в Доме Советов в «связи с государственным переворотом», открылся X Внеочередной чрезвычайный съезд народных депутатов РФ, утвердивший кадровые изменения в руководстве силовых министерств.

В это время, число граждан, пришедших поддержать Верховный Совет и народных депутатов, продолжало неуклонно расти. У Дома Советов шёл непрерывный митинг, сопровождавшийся трансляциями с заседаний Съезда.

Одновременно, в разных частях Москвы между манифестантами и правоохранительными органами происходили вооружённые столкновения. Сторонники Верховного Совета и народных депутатов, убеждённые в скором штурме Дома Советов, получили в штабе обороны автоматы Калашникова АКС-74, блокировали подступы бетонными плитами и баррикадами.

На прилегавшей, к Дому Советов территории, по периметру и, внутри - на этажах, лестничных маршах и переходах - были установлены посты и организована круглосуточная караульная служба. Сидор, как бывший военный служащий, прошедший горячую точку был назначен командиром отряда численностью около ста человек.

24 сентября в Доме Советов была отключена подача тепла, электроэнергия и воды. В ночь на 25 сентября резко похолодало, температура опустилась до 0.С градусов, а утром выпал небольшой дождь со снегом. Все подступы к Дому Советов были блокированы подразделениями МВД.

Несмотря на эскалацию напряжённости между сторонами, в течении всех текущих дней, Администрация Президента РФ и Правительство РФ - с одной стороны, Верховный Совет и народные депутаты - с другой, при посредничестве Патриарха Всея Руси и Председателя Конституционного суда, вели активные переговоры, обсуждали варианты выхода из сложившейся аномии, однако достичь компромисса не удавалось.

26 сентября, ненастье сохранялось, к исходу дня, все кварталы вокруг Дома Советов были оцеплены подразделениями МВД, здание Дома Советов обесточено, подача воды перекрыта. Питавший электроэнергией Дом Советов, дизельный генератор прекратил работу из-за истраты запаса соляры, по этой же причине, остановились водонасосы. Между тем, внешняя температура в ночь на 27 сентября, опустилась ниже минусовой отметки.

28 сентября начались непродолжительные дожди, временами со снегом. Обстановка в городе обострилась, между манифестантами и подразделениями МВД начались столкновения - на участке между Садовым и Бульварным кольцами, на станциях метро Краснопресненская, Баррикадная, площадь Восстания, Новый Арбат, улицах - Дружинниковская, Садово-Кудринская и других.

29 сентября дул порывистый северный ветер, временами падал небольшой мокрый снег. К завершению дня, Правительство предъявило, находившимся в Доме

Советов, сторонникам Верховного Совета и народных депутатов, ультиматум – до 4 октября, сдать оружие и боеприпасы и покинуть здание, личная безопасность им гарантировалась.

1 октября было холодно +1С, но без осадков. Вечером, к оцеплению у Дома Советов стянулось более десяти единиц бронетехники МВД.

2 и 3 октября резко потеплело до +6С, местами противостояния между сочувствовавшими Верховному Совету и подразделениями МВД, стали – сначала, Смоленская площадь, а затем, ставшая отправной точкой, массового несанкционированного шествия, вызвавшего масштабные столкновения – Октябрьская площадь.

С этой площади, огромный поток народа, пополняясь по мере движения, хлынул по Садовому кольцу через Крымский мост, Зубовскую площадь и Новый Арбат, к оцеплению у Дома Советов, рассеивая личный состав МВД и, сметая на своём пути заграждения и технику.

При подходе манифестантов к оцеплению у Дома Советов послышались автоматные очереди и разрывы гранат со слезоточивым газом, возникла паника. Несмотря на это, поток манифестантов продолжил движение к Дому Советов, а подразделения МВД были оттеснены вглубь Конюшковской улицы, находившейся между ним и зданием Мэрии на Новом Арбате – бывшим офисом СЭВ – по направлению к гостинице «Мир».

Услышав стрельбу и, предположив, что она ведётся из окон, стоявшего напротив, здания Мэрии, командование штаба обороны Дома Советов, приказало мобильной группе под командованием Сидора, захватить, это стратегически важное в противостоянии, здание.

Планируя выполнить задачу так, чтобы сохранить жизни вверенных ему людей и военнослужащих МВД, Сидор провёл рекогносцировку и инструктаж.

Управляя действиями двух вооружённых групп, открывших с разных сторон безостановочный огонь над головами, оборонявших Мэрию – военнослужащих МВД, сидевших на броне нескольких БТР и в ЗИЛах-161, он втиснул их через центральный вход, вовнутрь, дав возможность рассеяться, чем спас жизни им и своей группе.

В это время, вытекшая от общего потока, группа манифестантов, поднялась на пандус Мэрии и, овладев стоявшими там БТРами и ЗИЛаами МВД, предприняла попытку ввести в их действие.

После установления контроля над зданием Мэрии, Сидор с группой, захватил гостиницу «Мир», где располагался оперативный штаб по противодействию защитникам Дома Советов.

Утром 3 октября, погрузившись на автобусы спецподразделение «Альфа», в которой служил старший лейтенант Иван Костёр, прибыло к Дому Советов. Из-за сложной обстановки, Костёр, в последние дни, был дома наездами. Однако, он прочёл голосовое сообщение на автоответчике и знал, что Сидор находится в стане защитников Дома Советов.

В это время, по Садовому кольцу к Дому Советов следовало 40 грузовиков и автобусов с военнослужащими МВД, в небе барражировали вертолёты. Костёр беспокоился. Он искал возможность проникновения в Дом Советов, чтобы найти Сидора и помочь ему выйти живым. На удачу, «Альфу» стали привлекать к переговорному процессу с защитниками Дома Советов. По достигнутой между сторонами договорённости, в условленное время, её офицеры получили возможность проходить вовнутрь здания с выделенных подъездов.

Между тем, утром 3 октября, Руст, наряду с другими заместителями председателя и руководителями региональных организаций СВА, был созван в центральный офис Российского СВА - особняк в комплексе зданий управления дипломатического корпуса МИД в Царицыно. На огороженной территории, выстроившись в ряд под парами, ожидали команды выдвинуться в заданный район, автобусы ЛАЗ.

В 21.00 председатель РСВА Александр Котенёв, поручил руководителям организаций обеспечить прибытие своих членов к станции метро Новый Арбат - зданию Министерства обороны РФ на улице Знаменка 14/1. Сев на автобусы, актив РСВА направился к пяти рассредоточенным по городу станциям метро - местам сбора его членов, чтобы доставить их по заданному адресу. Афганцам, проживавшим в центре или поблизости, было рекомендовано прибыть своим ходом.

В промежутке времени с 22.00 до 23.00 в Москву вошла бронетехника Таманской, Кантемировской и Тульской - дивизий, тогда же, последние иностранные журналисты покинули здание Верховного Совета, а по Ленинскому проспекту через Садовое кольцо, в направлении к Дому Советов двигалась колонна из 30 БТР и 40 грузовиков, с

личным составом отдельной мотострелковой бригады, бывшей Особой дивизии КГБ СССР.

Между тем, в 22.30 к зданию Минобороны – МО РФ на Знаменке 14/1, в ЛАЗе наполненном членами Московского городского СВА, прибыл и Руст. Внутренний двор МО РФ был наполнен молодыми людьми в гражданке.

Вскоре, Председатель РСВА Александр Котенёв громко скомандовал:

- Строиться! Равняйся, смирно!

В эту минуту к афганцам вышел министр обороны РФ Павел Грачёв.

Несмотря на апогей конституционного кризиса, он был, внешне спокоен и мобилизован. Увидев перед собой строй афганцев, заметно обрадовался:

- Вольно! – скомандовал министр, и перешёл к напутствию:

- Товарищи афганцы – боевые друзья! Сейчас страна переживает тяжёлые времена, Верховный Совет и Съезд народных депутатов открыто игнорируют власть Президента!

Руководствуясь личными мелкособственническими интересами, они блокировали здравые законодательные инициативы и целесообразные экономические реформы, призывают российское общество к неповиновению власти и вооружённому противостоянию, ввергая его в гражданскую войну.

Я убеждён – в тяжёлый час, на кого, с уверенностью сможет положиться страна, будут афганцы. Спасибо вам, что вы пришли и не обманули моих надежд. Ваша задача состоит в недопущении гибели гражданских лиц – их выводе из Дома Советов и отводе от мест огневого соприкосновения. От имени Верховного главнокомандующего благодарю вас за личное мужество и гражданскую позицию!

В этот момент к министру подошёл его заместитель Георгий Кондратьев и доложил, что к зданию МО на Новом Арбате, подошли коробки Таманской дивизии и взяли его под охрану. Переговорив, накоротке, втроём, Котенёв дал команду афганцам грузиться на броню БТР и направиться к Дому Советов.

- Рустам! – крикнул вслед, удалявшемуся Русту, Котенёв. И, подойдя вплотную, негромко сказал: не подставляйтесь там! Береги людей!

- Обязательно! – ответил Руст и быстрым шагом направился догонять товарищей.

Быстро преодолев расстояние от станции метро Новый Арбат до Дома Советов и, промчав вдоль парадной стороны здания к пересечению Краснопресненской набережной и Глубокого переулка, БТРы с афганцами подверглись обстрелу и были забросаны бутылками коктейля Молотова.

Бронемашина, на которой сидел Руст с товарищами воспламенилась. Спрыгнув с брони объятай пламенем машины, Руст с товарищами укрылись за широкими стволами деревьев.

Стало понятно, обстановка боевая. Не привычно в такой ситуации быть без оружия – думал Руст. БТРы с афганцами заняли позицию на пересечении Глубокого переулка и Краснопресненской набережной – по левому флангу от Дома Советов.

В это время, по параллельной к Краснопресненской набережной – Рочдельческой улице, мимо баррикад в глубине Глубокого переулка, на высокой скорости пронеслись четыре БТР дивизии Дзержинского, попавшие под обстрел со стороны защитников Дома Советов и, открывшие по ним ответный огонь, из башенных пулемётов.

Пролетев Глубокий переулок к пересечению с Краснопресненской набережной – месту, где стояли БТРы Таманской дивизии, со спешившимися и, укрывшимися за стволами толстых деревьев, афганцами, БТРы «дзержинцев», приняли за защитников Дома Советов, и открыли по ним шквальный огонь. В злополучной неразберихе, были созданы удобные условия для работы снайперов, неизвестной принадлежности, залёгших на чердаках и крышах ближайших к Дому Советов, домов.

Одна из пуль, вошедшая сверху в грудь Руста, вылетела из бедра. Его колени подкосились, и он упал. Заместитель Руста по Московскому городскому СВА – Равиль Нигметзянов, оттащил его за дерево и стал осматривать:

– Что у меня?! – с трудом выговорил Руст.

– Ногу прострели! – сообщил Равиль, увидев, источавшее кровь, выходное отверстие на бедре.

– Нет! В районе живота! – уточнил Руст.

Равиль расстегнул кожаную парку, приподнял свитер и рубашку и, увидел входное пулевое отверстие. Аптечки не было. Дотащив Руста до ближайшего военного Урала-4320, афганцы погрузили его в кузов.

Равиль, будучи профессиональным медиком, оценил тяжесть полученного Рустом ранения и, чтобы скорее доставить его на операционный стол, дотащил до военного

Урала и положил в кузов, а сам, сев в кабину, помчал с ним по внутренней стороне Садового кольца в НИИ скорой помощи имени Склифосовского Н.В..

После гибели в Афганистане - в Герате, его родного младшего брата - лейтенанта-танкиста, он, молодой гражданский хирург, обратился в райвоенкомат Казани с просьбой направить его в ДРА и, два года в гарнизонном госпитале Кандагара, спасал жизни советских солдат и афганских граждан.

На подъезде к Склифу, на пересечении с проспектом Мира, Равиль, увидел вдали - у парадного подъезда НИИ на Садовом кольце, военное оцепление и, резко скомандовал водителю Урала:

«Сворачивай налево! Подъедем к Склифу с тыльной стороны. У нас нет времени на уточнение ими принадлежности Руста к стороне конфликта и обстоятельств, полученного им ранения!»

Вошедшая в Руста, сверху - вниз, пуля калибра 7.62 повредила лёгкое, к тому же, в ходе сложной хирургической операции Руст лишился отрезка тонкой кишки, селезёнки, одной почки и вошёл в кому.

Вероятность его выживания была ничтожной. Передав Руста врачам, Равиль покинул Склиф. Сев на Урал, в котором приехал, он поспешил обратно к Дому Советов - к занимаемой афганцами, позиции. Подъезжая к месту оцепления у Дома Советов, между припаркованными на Конюшковской улице автобусами, он обратил внимание на сбившихся в круг, хорошо экипированных спецназовцев, узнав среди них Костра.

- Ты чего здесь делаешь?! - удивлённо спросил Костёр, спрыгнувшего из кабины Урала, Равиля.

- Без берсерков РСВА, говорят, не обойдутся! - невесело ответил, Равиль.

- А Руст, где?! - поинтересовался Костёр.

- А с Рустом, беда! - с грустью сообщил Равиль, - он в Склифе! Подстрелили его, два часа назад в Глубоком переулке.

Костёр изменился в лице.

- И, как его состояние? - поинтересовался он.

- Критическое! - коротко ответил Равиль.

Костёр подробно расспросил об обстоятельствах произошедшего, и вдруг вспомнил о Сидоре. Мысль, что с ним может произойти нечто подобное, если не хуже, становилась навязчивой.

Двое друзей – Сидор и Костёр имели противоположные темпераменты, у одного было трудное детство, он вырос в Ростовском детдоме, второй был взлелеян в любви и заботе в семье московской интеллигенции, но всё же они были духовно близки, их связывала какая-то невидимая нить. Костёр всегда помнил о фляжке воды, переданной ему Сидором в горах Кишима, для него это был поступок.

– В Склифе, говоришь?! – вернулся к разговору Костёр и, услышав команду старшего группы грузиться на БМД-2 тульских десантников, пообещал на днях вместе съездить в Склиф к Русту и убыл на задачу.

В 6.30 – 10 танков Кантемировской дивизии, выстроились на Новоарбатском мосту. В это время, прикрывшись щитами, подразделения МВД, начали оцепление Дома Советов.

В 06.50 по Дому Советов и прилегавшей территории, были применены верные Ельцину Б.Н., части: Таманской, Кантемировской, дивизии, внутренних войск им. Дзержинского, 119-го парашютно-десантного полка Тульской дивизии ВДВ и, сотрудники Смоленского ОМОН.

Обойдя Дом Советов с тыла и, проникнув, через разбитые окна, вовнутрь здания, Костёр, с двумя товарищами, поднялся на третий этаж, где столкнулся с группой вооружённых людей, в числе которых был Сидор:

– Бача! – громко крикнул Костёр.

Сидор обернулся и, что-то, сказав товарищам, подошёл к Костру.

– Здорово! – ровно поприветствовал Сидор – И вас привлекли?!

– Как видишь! – ответил Костёр – Сидор! Ваше положение патовое – морос! Танки заняли исходное положение, будут бить прямой наводкой со всех стволов. Предлагаю тебе выйти со мной за оцепление, я представляю тебя своим агентом.

– Спасибо Костёр! Но я не пойду! Я здесь с 22 сентября. Мы с парнями из Приднестровья стали уже побратимы. Ну, как я им объясню свой уход? Повязан я! Ты давай иди, а там, как Бог положит! – отклонил предложение Сидор.

– Не будь безрассудным! Когда припрёт, ваши вожди, побегут наперегонки сдаваться, а вас – рядовых защитников Конституции перебьют, как куропаток. С мёртвых спроса не будет, а пленных и раненных, вряд ли пощадят! – аргументировал Костёр.

Но Сидор, был не преклонен.

Поняв, бессмысленность уговоров, Костёр с тяжёлым сердцем оставил Дом Советов. Вскоре, по верхним этажам Дома Советов, начали прицельно бить танки Т-80, устроив на верхних этажах пожар. К их орудийным залпам, присоединились пушки БМП-2 и БМД-2, и стук очередей крупнокалиберных КПВТ БТР-80, поражая, также баррикады.

Одновременно с этим, армейские мобильные группы, короткими перебежками, приблизились к Дому Совета и вошли в плотное огневое соприкосновение с его защитниками. Жертвы с обеих сторон росли.

Спустя какое-то время, для вывода женщин и детей, огонь был прекращён, но вскоре, вспыхнул с новой силой. Удерживавшие здание Мэрии, сторонники Верховного Совета, прикладывали усилия прорваться на помощь Дому Советов, но безуспешно.

В 14.00 огонь стих. С тыльной стороны здания, защитники Дома Советов начали выносить раненных и убитых. Используя момент, Костёр повторил проникновение в Дом Советов. Он взмыл по лестнице вверх – за этажом, этаж, пробегая по коридорам и помещениям, вглядываясь в распластанные, застывшие в разных позах, бездыханные тела, и лица раненных, кому оказывали первую медпомощь и тех, кто был ещё строю, но Сидора, среди них не находил.

И вот, взойдя на очередной этаж, почти отчаявшийся Костёр, увидел в конце объятых пламенем коридора силуэт сидевшего, прислонившегося спиной к стене и склонившего голову, человека.

На его, раскинутых, посечённых осколками, окровавленных ногах лежал АКС-74. Это был Сидор.

Услышав шаги, но, не сумев сфокусировать, на подступившего человека, взгляд, изнемогший Сидор, попытался направить на него свой АКС-74, но упадок сил, не позволил ему это сделать.

- Тихо, тихо! Свои! – сказал, подсевший Костёр и, защёлкнув предохранитель, убрал автомат в сторону: ну что, паладин?! Сбылись мои прогнозы?! Ладно, надо уходить! Не то положат нас здесь – ваши или наши.

Костёр взвалил на плечи, истекавшего кровью Сидора, и стал спускаться по лестнице. Вынеся из Дома Советов, он передал его бригаде врачей, только что, подъехавшей кареты скорой помощи и, показав удостоверения офицера «Альфы», попросил, поскорее доставить в лечебное учреждение.

Было 15.00, группа «Альфа» со старшим лейтенантом Иваном Костровым, на броне БМД-2, на высокой скорости двигалась с конца улицы Дружинниковская к зданию Дома Советов.

Проезжая опасный участок дороги, Костёр и товарищи, услышали стрельбу и, увидев оказавшихся в зоне интенсивного обстрела, женщину с маленьким ребёнком, обеспечили им прикрытие и эвакуировали в безопасное место. Возобновив движение и, проехав какое-то расстояние, спецназовцы увидели, лежавшего на проезжей части, раненного солдата.

На ходу, спрыгнув с БМД-2, Костёр схватил его за форму и стал тащить к броне. В этот момент, с одной из ближайших высоток, но не из Дома Советов, по нему выстрелил снайпер. Ранение оказалось смертельным. У Костра осталась жена и маленькая дочь Маша.

ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ

1 октября 1984 года.
Поезд «Москва-Термез».

Здравствуй Андрей!

Пишу тебе с поезда. С Московского городского пересыльного пункта на Угрешской улице, нас привезли на Курский жд-вокзал. Не стал вам об этом сообщать, попрощались ведь уже. Сюда, узнав о месте и времени отправки, довершить солдатские проводы приехала гурьба из родных и близких, друзей, любимых девушек и даже, некоторых - жёны.

Гулянья были шумные, весёлые. Всё что не выпили и не съели на проводах, притащили и украдкой распивали и, закусывали на перроне. Молодёжь горланила песни под гитару, а по соседству, заглушая гомон, громко играл магнитофон, согласно случаю, звучала песня барда Александра Новикова «Вы уезжаете»:

Вы уезжаете, слова уже все сказаны,
Что впереди решили Вы давно.
Мы обменяемся двумя пустыми фразами,
Вы для приличия помашете в окно.

Когда прошла команда «по вагонам», мы быстро заняли места в купе, и состав тихонько тронулся. Звук магнитофона уже заглушил ход ускоряющегося поезда, а я продолжил про себя петь куплеты этой замечательной песни:

Вы уезжаете под мерное стучание,
А я шагаю следом взять билет...
Мы с Вами встретимся, теперь уже случайно.
Туда где Вы, билетов в кассе нет...

Все новобранцы уже знают, что эшелон пойдёт на юг и, перед Афганистаном у нас будет учебка в Средней Азии, но между собой это не обсуждают. Путь нам предстоит долгий, оттого, я и занял место, с возможностью уединиться от не прекращавшегося гвалта – на верхней полке. Оттуда и пишу тебе брат своё письмо, временами отвлекаясь на виды за окном.

В поезде, я познакомился с приличными парнями – Константином Тевсом из Джамбула – «Костяном», с Германом Стрельцовым из Ленинграда – «Стрелой», Сергеем Сидоренко из Ростова – «Сидором», Рустамом Тукаевым из Татарии – «Рустом», Дарханом Бадмаевым из Улан-Уде – «Монголом».

О, вижу – по вагонам пошёл военный патруль – офицер и трое солдат, обыскивают сумки, видимо ищут спиртное. Но, благо, это не по нашей части. Уже дошли до соседнего купе, прости брат, продолжу писать позже.

P.S. Привет Андрей! Вернулся к письму.

Уже проехали прилично, за время в пути – на наших глазах, сбросившие листву стволы деревьев, сменили стройные тополя с зелёной листвой и ветками устремлёнными вверх. Уже остались позади пейзажи средней полосы и бескрайних просторов южно-российской степи, а колёса нашего поезда теперь стучат по выжженной солнцем пустыне кызылкумов и каракумов Западного Казахстана и Туркмении.

Вдоль железнодорожного полотна – сродни, утопленным в землю партизанским землянкам, стояли казахские жилища, из их амбразур на несущийся поезд, не отрывая глаз, глядела орава смуглой детворы. На пути, нашему взору представляли – множество кладбищ с монументальными некрополями и мазарами, барханы и двугорбые верблюды.

Во время кратковременной остановки, мы купили туркменского чурека и кислого молока, было вкусно - не передать. Радушные они - эти казахи, туркмены, узбеки. Порой и денег с нас не брали, угощали бесплатно: лепёшками, яйцами, молоком, простоквашей.

В минуты стоянок на жд-станциях, из поездов, следовавших в обратном направлении, в наши открытые окна пассажиры забрасывали консервы, колбасу, чай, сигареты и другие полезные в дороге вещи. Вот такой наш советский народ сердечный.

P.S. Андрей, привет! Продолжаю писать своё письмо.

Прошло ещё два дня, мы уже как, четвёртые сутки в пути. Поезд, бывает, часами простаивает в пустыне, а населённые пункты пролетает без остановок. Вероятно, чтобы не привлекать лишнего внимания гражданского населения.

Некоторое время назад, мы въехали в южный Узбекистан и, проехав небольшое расстояние, остановились на тихом полустанке. Желая узнать его название, да и вообще, «сверить время с внешним миром», мы прильнули к открытым окнам.

Хочу отметить, что дальнейшие мои наблюдения, произвели на меня глубокое впечатление. Нашему взгляду представился пустынный перрон, на котором было тихо и безлюдно.

Была тёплая туркестанская ночь, в небе ковёр из звёзд, на столбе фонарь с тускло светившей лампой, подталкиваемый тёплым ветерком, поскрипывая, мерно качался, слабо освещая платформу компактного одноэтажного вокзала.

Через минуту из здания вокзала вышел дембель - старший сержант - загорелый, подтянутый, фуражка задвинута на затылок, китель знатно подогнан и добротнo выглажен, золотистые пуговицы кителя расстёгнуты, на петлицах танковые эмблемы, на груди сверкала медаль «За Отвагу».

Не обращая внимания на остановившийся поезд и, созерцавшие из окон лысые физиономии, дембель встал, широко расставив ноги, достал из кармана пачку сигарет и закурил. Вдохнув полной грудью дыма, вскинул голову вверх и, наслаждаясь красотой звёздного пейзажа, о чём-то призадумался.

Мы молча наблюдали за происходившим. Неожиданно, ростовский парень - Сидор, как только смог громко, чтобы солдат наверняка услышал, крикнул: «Служивый, ответь! Два - эти, хреновы года, быстро пролетят?!»

А дембель, не опуская взгляд на Сидора, вновь затянулся и застыл, вероятно, пролистывая в памяти события армейской службы и, выйдя из круговорота воспоминаний, посмотрел в наше окно и негромко, с заметной долей сомнения и улыбкой ответил: «Хрен его знает!».

Так, что брат, «хрен его знает», как быстро пролетят «эти хреновы» - два года. У меня пока всё. Следующее письмо, надеюсь, напишу тебе уже из части. Обними Отца и поцелуй Маму. Твой брат-близнец Иван.

СИДОР

Лето 1981 года.

Ростов-на-Дону.

Сидор - родился в Ростове-на-Дону в районе с характерным названием «Нахаловка» в семье с донскими казацкими корнями. С юношеских лет он был авантюристом, скользившим по грани. Умение красть, ассоциировало Сидора с воровской средой, однако она была ему чуждой. Он был находчив, изобретателен, детально прорабатывал все свои дела и был фартовым.

Детство Сидора прошло в безвременье, когда ему исполнилось четыре года, его отца осудили на десять лет за убийство, нанёсшего оскорбление человека. Вскоре, от сердечного приступа умерла мать, и Сидора отдали в Ростовский Детский дом.

Отец Михаил Сергеевич, вернулся из заключения, когда Сидору было уже 14-ть лет, первым делом, он сразу забрал его из Детдома. Спустя месяц, он привёл в дом молодую жену и напряжённость, и без того, сложных отношениях с сыном, возросла.

Сидор часто не ночевал дома, отсутствовал в школе и состоял на учёте в детской комнате райотдела милиции, при этом, был начитан и эрудирован, имел прекрасную память, интересовался историей, знал и пел разножанровые песни, которые запоминал, услышав единожды.

Отец пытался воздействовать на сына и применял разные меры воздействия, но всё было четко.

Так, в один из дней в середине июня 1981 года, когда Сидор уже закончил восьмилетку и сдал все экзамены, в их квартиру позвонил местный участковый – капитан Юрий Угрюмов. Некоторое время назад, его семья попала в неприятную историю. Ночью, на его дочь, возвращавшуюся с гостей, напали трое подпивших хулиганов.

По горячим следам, участковый Угрюмов быстро установил личности напавших и, давшего им отпор 15-ти летнего Сидора – сына, отбывшего длительный срок, Михаила Сидоренко.

Семейная традиция конфликта с законом, воздержала тогда Угрюмова от контакта с Сидором, однако, предмет предстоявшего разговора был совсем другой. Участковый представился и вошёл. В коридор, из разных комнат вышли Сидор и Отец. Мачеха – Ольга Никитична хлопотала на кухне.

– Михаил Сергеевич, я не по вашу душу. Мне известно, что вы, надлежаще отмечайтесь в райотделе, и на работе по вам нет никаких нареканий, так что, всё в порядке. Мне надо поговорить с вашим сыном Сергеем – объяснил Угрюмов и предложил: давайте, мы с ним сядем на кухне?

Отец встревожился, но эмоций не показал и вопросов участковому не задал. Он согласительно кивнул головой и указал на местоположение кухни.

– Чай заварить? – спросила Ольга Никитична.

– Нет, спасибо, мы недолго – ответил участковый, и стал дожидаться её ухода. Ольга Никитична, поняв это, выключила плиту и вышла, закрыв за собой дверь.

– И так! У меня мало времени, сразу к делу. Я знаю, что ночесь, ты с корешами-мазуриками, сработал на огонёк по хате гагары – Ривки Сойфер, завмага Центрального дома тканей.

Теперь слушай меня сюда: послежде, как сдашь до последней алтушки – всё, что вынесли – он посмотрел на свои «командирские» часы и назначил время: в 3.00 утра, там, где я тебе укажу, порато валишь из города с концами. Аже нет, даю слово батушного мента – сандалянёшь на каторге.

Сидор всё правильно понял и сделал, как было велено. Уже вечером следующего дня с аттестатом в чемодане, он сидел в плацкартном вагоне поезда «Ростов – Москва» и был уверен, что в Ростов он больше никогда уже не вернётся.

В Москве он поступил в профтехучилище, которое закончил летом 1984-го года, после чего призвался в армию и попал в группу «20А» для отправки в Афганистан.

ПОЕЗДКА В ЛЕНИНГРАД

Середина лета 1987 года.
Москва-Ленинград.

Друзья - Сидор, Руст и Костёр в конце ноября 1986 года вернулись с Афганской войны и, вступив в мирную жизнь, начали налаживать быт.

Сидор - кавалер ордена «Красной Звезды» и двух медалей «За Отвагу», пользуясь преференцией ветерана войны, поступил на рабфак исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Руст, пройдя череду госпиталей в Афганистане и Ташкенте, встал на протезы и восстановился на первый курс экономического факультета Московского института стали и сплавов, откуда призывался в армию.

А Костёр, отмеченный двумя орденами «Красной Звезды», выбрал военную стезю и поступил в Московское высшее военное общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР.

По предложению Руста, в дни студенческих и курсантских каникул, друзья решили навестить в Ленинграде, Маму, погибшего Стрелы - Людмилу Васильевну. Она приезжала к сыну на Присягу в Сурхандарью и угощала всех шестерых - Костяна, Монгола, Стрелу, Руста, Костра и Сидора, купленными в базарной чайхане самсой и пловом.

Поездка осложнялась тем, что записная книжка, содержащая домашние - телефон и адрес Стрелы, была утрачена раненым Рустом вместе с разрезанным медиками маскхалатом перед хирургической операцией в гарнизонном госпитале Шинданда.

Как бы то ни было, трое друзей - Руст, Сидор и Костёр тронулись в путь. Сев в поезд Москва-Ленинград и, проговорив в пути всю ночь, утром они прибыли на Московский вокзал.

Город встретил их пасмурной погодой. На площади перед вокзалом, выстроившись в ряд, стояло два десятка такси со светящимися зелёными огоньками. Одеты в модные комплекты джинсов и курток «MONTANA» и «US TOP», купленные в афганских дуканах, белых кроссовках ROMIKA,

с яркими спортивными сумками наперевес, друзья привлекли внимание тщедушного, курносого, в потёртой кожаной куртке и несуразной оранжевой кепке, таксиста.

- Куда ехать?! - спросил он с прищуром, цвиркнув в сторону.

- Полюстровский проспект - с нежеланием ответил Руст, оценив моветон таксиста.

Название проспекта - было единственным, что он помнил из адреса Стрелы после перенесённой тяжёлой контузии. Дом и квартира, по отрывочным воспоминаниям, были то ли 20 и 25, то ли наоборот, а может, и ни то и ни другое.

- Какой дом? - спросил таксист.

- Давай пока на Полюстровский, а там будет видно. Начнём с дома 20! - дал целеуказание Костёр.

Таксист посмотрел с опаской и указал на свою белую Волгу ГАЗ-24. Руст сел вперёд, Сидор и Костёр на заднее сиденье.

После сорока минут езды по широким проспектам и улицам Ленинграда такси въехала в безлюдную заброшенную промышленную зону со старинными, с царских времён, буро-кирпичными домами, ожидавшими переселения и сноса, у друзей возникло недоумение.

- Ты куда нас везёшь?! - с напором спросил Сидор.

- Так срежем, путь будет короче, - ответил таксист, заметно, егозя.

Проехав ещё немного, он остановил машину у железной телефонной будки и, сообщив, что забыл дома что-то выключить, срочно вышел на минутку позвонить. Он снял трубку и, начав с кем-то говорить, отвернулся. Через некоторое время он повернулся, пристально поглядел на ожидавших в машине друзей, провёл рекогносцировку и кому-то доложил.

Подвоха никто не ждал, пока четверо крепких молодцев, скоро-вышедших из подъезда и быстро обежавших вокруг такси, резко не открыли передние и задние двери, и не приставили к горлу каждого из друзей финские ножи:

- Деньги и ценности, выкладывай быстро! Иначе порежем на ремни! - прогорланил один из налётчиков.

Паузы не было, Сидор, Костёр и Руст мгновенно мобилизовались, резко схватив налётчиков за руки и, затянув в салон такси, начали жестоко бить и душить.

Четвёртый участник гоп-компании, сунувшийся в салон через водительскую дверь, безуспешно старался нанести удары по молотившим его корешей кулаками и головами,

Костру и Сидору, а затем попытался разжать руки Руста, заключившего в клещи и заставившего хрипеть от удушья третьего поделщика.

Таксист с ужасом наблюдал за происходившим из телефонной будки. Избиение внутри салона перенеслось на тротуар, где, спустя 5 минут, Сидор добивал крайнего налётчика, лицо которого напоминало мякоть переспевшего арбуза. Трое его корешей, к тому времени уже обработанные Костром и Рустом смирились с разгромом и, бросив его, хромя, держась за бока и, вытирая с лица кровь, спешно удалились.

Как только смятые гопники покинули место нападения, из окон, завешанного сохнувшим бельём дома, послышался женский крик: «Бандиты! Ты посмотри, что среди бела дня делают, а?! Сейчас в милицию позвоним!»

- Вакханалия! - отметил Сидор, сплюнув на тротуар кровавую слюну.

- Видел бы покойный Стрела, как родной Ленинград принимает его боевых товарищей, наверняка, расстроился бы?! - взгрустнул Костёр.

Не ожидая такого исхода и не сумев скрыть смятения, таксист подтвердил подозрения друзей в своей причастности к группе налётчиков.

- Ну что штопарь-закоульщик, привёз нас на гоп-стоп?! Будешь теперь нас возить по городу нашармака, - вынес вердикт напуганному и, приготовившемуся к худшему таксисту Сидор, - пока не найдём искомого адреса или наш контуженный товарищ, на удачу, его вдруг не вспомнит! Или нам просто вызвать милицию?! Выбери, клевет презренный!

Таксист, кляня заставивших его негодяев, выбрал первое. Друзья заехали сначала на Полюстровский проспект дом 20 квартира 25, потом в дом 25 квартира 20, а затем и по другим - со схожими цифрами с 0,2,5, адресам, но не находили квартиры Стрельцовых.

При проверке очередного адреса, следовавшие к подъезду друзья, услышали за спиной визг шин, рванувшего с места такси.

- Сбросил кандалы, падлюка! - пошутил Сидор.

- Вот незадача! - огорчился Костёр.

- Надо искать Районный военкомат РВК, к которому прикреплен Полюстровский проспект, - предложил Руст.

- Верная мысль! - поддержал Сидор.

Узнав от одного из прохожих адрес ближайшего РВК, друзья направились к нему. Уже через пятнадцать минут они стояли у его дверей.

Был вечер пятницы. Рабочий день к тому времени уже закончился, дверь в РВК была заперта и на стук никто не отвечал. Друзья обошли здание с тыльной стороны и, обнаружив там служебный вход, постучались. Из-за двери, без политес, спросили: Чего надо?!

- Здравствуйте! Мы ветераны-афганцы, приехали из Москвы навестить маму, погибшего в Афганистане нашего товарища - громко проговорил Руст: его звали Стрельцов Герман Владимирович. Могли бы вы дать нам домашний адрес Стрельцовых?

- Ничего не скажем! РВК таких сведений не даёт! Приходите в понедельник в 8.00 к дежурному.

- Вы наверно не поняли?! - мы из Москвы, и не можем ждать до понедельника - объяснил Костёр, - У нас в этом городе никого нет! - объяснил Руст.

Голос за дверь окончательно перестал отвечать.

Отчаявшись получить от дежурного РВК адрес Стрельцовых, друзья сели на ступеньки служебного входа и стали думать, что делать дальше. Внезапно, морок внутреннего двора РВК осветился яркими фарами, съехавшихся с двух сторон, милицейских УАЗов, с включёнными мигалками и воем сирен.

Выбежавшие из УАЗов два наряда патрульно-постовой службы РОВД, ничего не выяснив, пустили в ход резиновые дубинки, не давая друзьям вставить даже слово.

Остановить шквал ударов словами не удавалось. Поэтому друзья прибегли к силовому сдерживанию, умерив пыл, запредельно усердствовавших блюстителей порядка.

Прикрывая от ударов дубинками голени, надетые в протезы, лежавший на земле Руст прогорланил:

- Нам кто-то объяснит, в чём наша вина?!

- Сейчас мы повезём вас в РОВД и там продолжим объяснять, в чём ваша вина! - прокричал с одышкой дебелый старший лейтенант с чёрными усами в виде подковы, заковывая в наручники, уложенных лицом на асфальт, друзей, - А ещё наши сотрудники снимут в травмпункте побои и на вас откроют уголовное дело по статье 191 часть 1 - за неповиновение и оказание сопротивления сотрудникам милиции с применением насилия и угроз при исполнении ими обязанностей службы.

Громко захлопнув дверь отсека для задержанных, самодовольный старший лейтенант прильнул запотевшим лицом к оконной решётке и ехидно проговорил:

- А с учётом устойчивой группы - каждый из вас получит по пятёрке!

- Милый чудак! - пошутил, севший у решётчатого окна, с измазанным лицом и рассечённой губой, Сидор, встряхнув с себя пыль и, обнаружив на джинсовой куртке отсутствие вырванных с корнем пуговиц.

- Ничего не скажешь, радушный приём! - поддержал юмор Костёр, - сначала гопники, потом служащий РВК, а под занавес и родная милиция поучаствовала. Что будет дальше, не берусь даже предсказать.

- А мы не к ним приехали! - с серьёзностью напомнил Руст, сжимая от боли, высунутые из протезов обе культы голеней, посиневшие от ударов резиновыми дубинками.

- Это правда! - согласился Костёр.

- Ну как ты? - участливо поинтересовался Сидор, у вложившего культы обратно в протезы, Руста.

- Штатно! В Герате было хуже! - с лёгкой улыбкой ответил Руст.

Через десять минут УАЗ подъехал к Районному ОВД и друзей препроводили в камеру предварительного заключения - в простонародье «обезьянник».

В течение текущих вечера и ночи со всего района туда свозили и допрашивали участников чрезвычайных происшествий, внутрисемейных разладов и, прибывшую на матч 18-го тура 50-го юбилейного Чемпионата СССР с Ленинградским «Зенитом», горячо-темпераментную торсиду Тбилисского «Динамо», успевшую поспорить с автохтонными любителями футбола. А о друзьях-афганцах забыли, словно их и не было.

- Оно может и к лучшему, - думали друзья, - чего будить лиха.

Не докучая дежурному вопросами, они удобно расположились на деревянных скамейках и, повспоминав события армейской службы и погибших товарищей, заснули.

Наступило утро. Дверь в камеру отворил принявший дежурство интеллигентного вида, светловолосый капитан.

- Тихо! Тихо! Посторонись! Вас, уроженцы чайного края допросим потом! - уведомил он смятых в кулачной сече, горланивших без остановки болельщиков «Динамо-Тбилиси» и, протиснувшись к мирно лежавшим на скамейке Сидору, Русту и Костру, спросил: А вы, поборники джинсового стиля, за какой подвиг загремели?!

- Да не было никакого подвига! - ответил Руст.

- Не было говоришь?! Ну пойдём со мной, расскажешь всё обстоятельно! А дружки твои подождут в камере! - заключил дежурный.

Руст прошёл за дежурным в комнату, где стоял мигавший лампами большой пульт и куча телефонов, не прекращавших звонить.

- Я прочёл в «Книге учёта лиц, доставленных в РОВД» и «Журнале учёта материалов об административном правонарушении», что вчера около 19.30, группа нарушителей общественной безопасности была в дверь Районного военного комиссариата, требуя впустить их вовнутрь.

На требование дежурного по РВК отойти от здания дебоширы не реагировали, нецензурно выражались и угрожали рукоприкладством, - поделился записями дежурный-капитан, - что можешь пояснить по данному поводу?! Только коротко!

- Не было этого! - возразил Руст, - мы вели себя пристойно. Объяснили, что приехали из Москвы навестить Маму, погибшего в Афганистане, друга. Понеже номер дома и квартиры, где он жил у нас не сохранился, а только название проспекта, мы решили обратиться за помощью в Райвоенкомат. А добраться до РВК обстоятельства нам позволили только вечером.

Вчера, как известно, была пятница - конец рабочей недели, и военкомат был уже закрыт. Нам не оставалось ничего другого, как обратиться к дежурному по РВК, чтобы он помог с адресом. Он же отказался войти в наше положение да ещё цинично послал нас до понедельника. К тому же, вызвал наряды милиции, задержавшие нас с применением силы.

- Хорошо! Покажи мне свой паспорт и назови полное имя матери, погибшего друга, - попросил капитан.

- Вот мой паспорт! - Руст протянул его капитану, - а Маму покойного друга зовут - Стрельцова Людмила Васильевна, она живёт на Полюстровском проспекте - ответил Руст.

Капитан пролистал паспорт, убедился в Московской прописке и вернул его.

- Сейчас я запрошу по базе - сказал он и, сняв трубку, заговорил: база, посмотрите мне: Стрельцова Людмила Васильевна - Полюстровский проспект!

Через тридцать секунд, ему ответили, и он, порвав пополам чистый лист бумаги, комментируя вслух, написал: дом 5 квартира 20 и номер домашнего телефона.

- Держи адрес! Сейчас наберём ей по телефону - уже намерился капитан.

- Не надо! - остановил его Руст. Лучше не бередить её раньше времени. Мы подъедем и на месте всё решим - резюмировал Руст.

Капитан выпустил из камеры Сидора и Костра и, сопроводив друзей к выходу, приготовился закурить. В этот момент в дверях ему встретился водитель одного из вчерашних УАЗов патрульно-постовой службы РОВД.

- Гриша! Подбрось афганцев на Полюстровский 5! - обратился капитан.

Друзья переглянулись.

- Нет, спасибо! Мы лучше своим ходом - немедля ответил Руст с улыбкой.

Утро было пасмурным, откуда-то слышалась песня популярной в конце 1980-х группы Мираж - «Звёзды нас ждут сегодня».

Пребывая в приподнятом настроении от обретенной свободы, друзья остановили такси и, купив по пути торт и цветы, приехали на Полюстровский дом 5.

Найдя нужную квартиру, Руст позвонил в дверь. На удачу, послышались шаги, и через несколько секунд дверь отворила высокая седая женщина.

Глаза у Мамы, как и у Стрелы - голубые, голубые - заметил про себя Руст.

- Здравствуйте Людмила Васильевна! Вы нас не узнали? Мы Герины армейские друзья!

- Боже мой! Ну, конечно же, узнала. Проходите ребята! - пригласила она войти.

Заметив её смятение от нахлынувших чувств, наполнивших глаза слезами, друзья сконфузились. Они передали цветы и торт на кухню и, помыв руки, направились в зал. Проходя мимо маленькой комнаты, их взгляд зацепился за висевший на стене большой портрет с улыбающимся Стрелой. Друзья на мгновение оцепенели.

- Проходим дальше! - тихо скомандовал Руст. Зайдя в зал, друзья расселись в мягкие кресла и на диван. Наверху серванта, в вертикальном положении, стоял катушечный магнитофон МАЯК-203, с бобинами и, заправленной лентой. Было впечатление, что Стрела - поклонник творчества советских рок-групп Динамик, Круиз, Карнавал и Воскресенье, лишь ненадолго вышел,

выключив его. За стеклом в рамке стояла большая школьная фотография.

- Ребята, помогите мне раздвинуть стол - попросила, принёсшая вазу с цветами, Людмила Васильевна.

Друзья дружно встали, сноровисто выдвинули и соединили две столешницы воедино, накрыли их скатертью и помогли засервировать.

- Скоро будут готовы вареники с картошкой, Гера их обожал, - поделилась Людмила Васильевна, - я как чувствовала, налепила с запасом и положила в морозильник. Герини одноклассники всё время меня навещают, и на кладбище к нему ездят. Бывает, приеду, а на могилке цветы свежие - помнят. Спасибо им!

Друзья молчали, опустив голову. На их сердцах лежал тяжёлый груз - ведь они вернулись живыми, а её сын Герман - Стрела погиб. Каждый из них вспоминал тот бой и думал, можно ли было предотвратить его гибель, а с ней, Монгола и Костяна.

- Вот и собрались, - произнесла, утирая слезу, Людмила Васильевна.

- Мы все хорошо помним, как вы приезжали к Герману на Присягу в Сурхандарью - начал Руст, - как угощали нас шестерых пловом и самсой. Их вкус у нас до сих пор на языке.

Людмила Васильевна улыбнулась.

- Герман, наверняка писал вам о нас, и всё же, я напомним наши имена: я - Рустам Тукаев, справа от меня - Сергей Сидоренко, слева Иван Костров. Нас было шестеро - трое: Герман, Константин и Дархан погибли.

У нас нет для вас слов утешения, - продолжил Руст, уже стоя, их ещё не придумали для матери, потерявшей единственного сына. Но мы постараемся, хотя бы частично заменить вам Германа.

Сидор взял с разрешения Людмилы Васильевны, висевшую на стене гитару и, настроив её, запел песню барда-афганца Юрия Кирсанова:

«Не надо нам громких тостов,
Не надо бокалов звона,
Не в радость нам эта водка,
Что в кружках у нас сейчас.
Останутся в памяти нашей
Запыленные батальоны,
И погибшие наши ребята,
Что всегда будут жить среди нас.

Первый тост - за ушедших в вечность,
Пусть же будет земля им пухом.
Мы запомним их всех живыми,
Тихим словом помянем их.
Тост второй - за удачу и смелость,
За ребят наших, сильных духом,
Чтоб остались душой молодыми,
И друзей не бросали своих.

На суровой земле афганской,
Под чужим, неласковым небом,
Родилась наша крепкая дружба,
Что в бою выручала не раз!
За нее третий тост поднимем,
И поделимся солью и хлебом,
Пусть же вечная будет та дружба,
Здесь навеки связавшая нас!»

Поговорив ещё и, отведав любимых Гериных вареников, друзья предложили Людмиле Васильевне поехать к Стреле на могилу. Погода оставалась пасмурной, изменившись к перемененно дождливой. Друзья взяли такси и выдвинулись к Северному кладбищу.

На пути - проспектах и улицах города, время от времени встречались болельщики «Зенита», сбившиеся в ватаги для похода на стадион имени С.М. Кирова. Когда добрались до кладбища, к месту, где были похоронены, погибшие в Афганистане воины-интернационалисты, взору друзей предстал длинный ряд свежих могил.

С фотографии на памятнике крайней могилы, глядел молодой лейтенант-лётчик в парадной форме. Под именем была высечена эпитафия:

«Ты моя радость, моё горе,
моя любовь, моя печаль».

- Этого парня привезли давеча, и памятник на могилу поставили сразу, вопреки правилам, - сообщила проходившая мимо Людмила Васильевна, заметив интерес друзей к трогательной эпитафии и личности погибшего.

Свежие захоронения афганцев заслоняли могилу Стрелы, поскольку она осталась уже в глубине. Дойдя до неё, друзья увидели, выгравированные в светло-бордовом граните, фотографию и имя: Стрельцов Герман Владимирович Воин-интернационалист. На могиле лежали несколько букетов свежих роз и гвоздик.

- Молодцы одноклассники! - подумали Руст, Сидор и Костёр.

- Здравствуй сынок! Вот и друзья к тебе приехали - произнесла Людмила Васильевна. Она немного постояла, глядя на фотографию сына и, полив водой на тряпку, начала вытирать памятник от пыли. Это произвело, на безмолвно наблюдавших, со спины Людмилы Васильевны, друзей тяжкое впечатление. Между тем, с фотографии на памятнике, улыбался всем присутствовавшим, Стрела.

- Великая Отечественная война застала меня полугодовалым ребёнком в Пскове - начала рассказывать о себе Людмила Васильевна на пути к выходу из кладбища. - Кроме меня, в семье были ещё старшие - сестра 1938-го и брат 1939 года рождения. Нас - троих маленьких детей и маму, отправили в концентрационный лагерь близ Кенигсберга, а освободили части Красной Армии.

После войны, окончив среднюю школу, я поступила в Псковский политехнический институт, где познакомилась со своим будущим мужем Владимиром Стрельцовым. Вскоре мы поженились, и у нас родился сын Герман.

Жили мы счастливо, пока в 1971 году Владимир не погиб в автомобильной катастрофе. Так, я стала вдовой с четырехлетним сыном на руках. Всю жизнь я проработала на одном из крупных оборонных предприятий и не стремилась устроить личную жизнь, посвятив себя целиком сыну Гере.

Школу он окончил на хорошие оценки, однако в институт решил поступить, уже отслужив в Армии. Дождавшись исполнения 18-ти лет, в октябре 1984 года, очевидно, как и вы все - первой группой призывников, Гера был направлен в Туркестанский военный округ в Сурхандарью. Что произошло дальше, вам известно.

Вернувшись на Полюстровский проспект к Людмиле Васильевне, друзья сходили за продуктами, и Руст приготовил узбекский плов. За ужином помянули Стрелу, а затем, любопытствуя, друзья заглянули в комнату, где висел его большой портрет. Там, в их глаза бросились последствия соседского затопления. На потолке и в углах до самого пола были видны, осыпавшаяся местами штукатурка, высохшие подтёки и отклеившиеся обои.

- Да, это новый сосед сверху залил меня ещё в конце зимы - прокомментировала аварию Людмила Васильевна, выносившая из зала столовую посуду, - он человек видный - директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, куда стекаются все городские фарцовщики.

Соседи говорят он купил квартиру молодой любовнице. Когда делал ремонт, решил поменять и трубы. А его ремонтники что-то недоработали. За полгода несколько раз ходила в ЖЭК и к владельцу верхней квартиры, чтобы устранили последствия потопа – всё бесполезно.

- А мы с ним завтра обязательно познакомимся! – заверил Руст, – и обязательно найдём решение вопроса.

Между тем, по телевизору, со стадиона им С.М. Кирова началась трансляция матча Чемпионата СССР по футболу между Ленинградским «Зенитом» и Тбилисским «Динамо».

Костёр был яростным болельщиком Московского «Спартака» – давнего оппонента «Зенита», поэтому с интересом засел у телевизора, Людмила Васильевна мыла на кухне посуду, а Руст с Сидором, переместились в комнату Стрелы и продолжили вечер воспоминаний.

Погода на стадионе была облачной +17С. В начале встречи, хозяева поля неизменно теснили гостей и, на 8-й минуте, ведущий форвард «Зенита» Владимир Клементьев, хлётким ударом в верхний угол, забил в ворота динамовцев Тбилиси зрелищный гол – счёт стал 1:0.

Из окон и балконов ближайших домов, послышались крики и свист, ликовавших болельщиков «Зенита». Игра продолжилась, и шум стих. Внезапно, сидевшие в комнате Стрелы за беседой – Руст и Сидор услышали, доносившиеся с верхнего этажа крики.

- Ты слышал?! – спросил Руст у Сидора.

- Слышал! – подтвердил Сидор.

Через мгновение их заглушил усилившийся, там же, звук телевизора, транслировавшего матч.

- Сидор! А ну-ка кликни Костра, сходим – разведаем, что там происходит! – предложил Руст.

- Ребята, вы куда?! – бросила вслед выходящим из квартиры Русту, Сидору и Костру, Людмила Васильевна.

- Мы скоро вернёмся! – заверил Руст, прикрывая за собой дверь.

Друзья быстро поднялись на этаж выше, к квартире, находившейся над Людмилой Васильевной и, повернув ручку незапертой двери, вошли вовнутрь. В квартире пахло сигарным дымом, стоял полумрак. Свет исходил от тускло светивших на стенах старинных бра и длинного торшера с жёлтой ажурной тканью в ближнем углу зала. Что происходило внутри зала, из прихожей было не видно.

Первым шёл Руст, вторым Сидор, третьим Костёр. Ещё в прихожей Руст заметил под туалетной дверью полоску

света и, дав Костру сигнал «прикрой», двинулся с Сидором дальше.

Медленно ступая по фигурному ореховому паркету, вдоль стен, оклеенных финскими обоями Sandudd и предметов антикварной мебели стиля Bouille эпохи короля Людовика XIV, друзья двигались в зал на громкий звук телевизора.

Перед входом в зал Руст увидел сидевшего в антикварном кресле со связанными, с обильным волосяным покровом, – ногами и руками эндоморфного лысоватого мужчину с трёх дневной щетиной и кляпом во рту, в белой майке и цветастых семейных трусах.

Напротив него, вплотную, широко расставив ноги, в джинсах Lee Cooper и фирменной ветровке Marimekko, что-то пытался с помощью горячего утюга, коротко-стриженный битюг.

В глубине зала, на парном антикварном кресле сидела идентично связанная с кляпом во рту, молодая, с изящными формами дама. Локоны её волнистых каштановых волос были раскинуты на верхнем кружеве короткой, пурпурного цвета, шёлковой сорочке.

Рядом, не отвлекаясь на неземную красоту, закинув руки за голову и ногу на ногу, сидел на диване и, отрешённо следил за ходом матча «Зенит» – «Динамо-Тбилиси», не страдавший от большой громкости, ригидный крепьш.

– Аха, их трое! Чем же их ошеломить? – думал Руст.

В этот момент открылась дверь туалета и показался третий член преступной группы. Руст кивнул Костру и тот точным ударом в подбородок втолкнул падавшего господвижника обратно в туалет.

Между тем, шла шестнадцатая минута матча, на стадионе начался проливной дождь. Судья Эдуард Дидур назначил штрафной по воротам хозяев поля. Пробить его тренер тбилисцев Кахи Асатиани доверил Отару Коргалидзе. Сильным ударом он поднял мяч над стенкой и направил в дальний, от вратаря, верхний угол.

Раздосадованный пропущенным голом, сидевший на диване бандит вскочил и проматерился, сподвигнув Руста к решительным действиям.

Он резко выдернул из электросети кабель телевизора и, вытащив из грудного кармана джинсовой куртки, красное «удостоверение инвалида войны», в закрытом виде, вплотную, чтоб нельзя было разобрать надпись, приставил к носу, остолбеневшего с утюгом, мучителя.

- ОБХСС! Отдел борьбы с хищением социалистической собственности! До подхода опергруппы и сотрудников Прокуратуры, всем оставаться на своих местах! - прогорланил, вошедший в роль, Руст.

Бандиты были обескуражены.

- Вот мы попали! - подумали они: выходит директор «Берёзок» Яков Иткин был в разработке по статье о хищении в ОБХСС?! И нам паровозом за его грехи чалиться?! Однако, не слишком ли молоды и модно одеты, эти опера?! Скорее мошенники, залётные - предполагали бандиты.

Выяснение достоверности оперативников ОБХСС, вломившихся в квартиру Иткина требовало времени. Не дав им опомниться, Сидор схватил за горлышко, стоявшую на мраморной столешнице вместе с вазой фруктов и коробкой сигар Partagas, матово-зелёную бутылку с объёмным теснением буквы «N» и золотистой надписью «SAMUS NAPOLEON» и, разбил о голову пытавшего утюгом лиходея, рассыпав на мелкие осколки.

Преступник рухнул на пол, прямо к ногам хозяина квартиры. Янтарного цвета, элитный коньяк разлился по полу, донося дуновеньем букет ароматов переспевшего инжира, спелого персика и цветочной ванили, с тонами грецкого ореха и древесными нотками тика и палисандра.

Потрясённый увиденным, доселе увлечённо смотревший трансляцию матча, второй член банды робко попытался встать с дивана, но увидев суровый взгляд Сидора и жест вытянутой рукой - остаться на месте, безропотно подчинился.

Руст, переступил через распластанного посреди колотого стекла, державшегося за голову, стонавшего бандита и, подойдя вплотную к объекту пыток, высунув из его рта кляп, спросил:

- Телефон у вас где?

- Там в углу - он кивнул головой в сторону связанной спутницы. Руст, зазывно махнув рукой, подозвал Сидора и на ухо сказал:

- Запри дверь и держи с Костром оборону! Так, чтобы никто не выскользнул! Отворишь, когда приедет милиция!

Отыскав переносную телефонную трубку и, предусмотрительно, не развязав хозяина квартиры, Руст, нажал у него на глазах две кнопки - 02.

Когда на обратной стороне связи ответили «Милиция!» - Руст приложил трубку к его щеке и приказал - говори!

Обрадованный тем, что вторая группа, оказалась не преступной, хозяин квартиры, грассировал, как печатная машинка:

- Приезжайте, пожалуйста, срочно! Меня зовут Иткин Яков Ильич - я директор магазинов «Берёзка» на Морской набережной 9 и 15. На меня совершено нападение!

- Ваш адрес?! - строго спросили на проводе.

- Полюстровский дом 5 квартира 22 - продиктовал Иткин.

Услышав о вызове милиции, сидевший на диване преступник - поклонник футбола, вскочил и понёсся к выходу, но был остановлен железным кулаком Костра.

Милиция приехала быстро. Её сотрудники развязали сладкую парочку, а остальных участников происшествия, в их числе - Руста, Сидора и Костра, заковали в наручники и, повели к выходу. Услышав в подъезде шум и, увидев подъехавшие милицейские машины, Людмила Васильевна с тревогой в душе - не стряслась ли беда с ребятами, вышла на лестничную площадку.

В это время, по ней, в сопровождении вооружённых сотрудников милиции, с защёлкнутыми за спиной наручниками спускалось шесть человек. За ними шли, прихрамывавший Яков Иткин и его прекрасная спутница.

- Людмила Васильевна! Не беспокойтесь! Ложитесь спать - успокоил Руст, пообещав, - мы к утру непременно будем!

- Давай, давай! Не размусоливай! - сказал низкого роста, неказистый милиционер с круглым лицом и не соразмерно большой фуражкой, сопровождая арестованных до милицейского УАЗа.

- О, старые знакомые! Что вдругорядь военкомат штурмовали?! - поинтересовался у входа в РОВД, вышедший покурить, добродушный капитан, продолжавший дежурство по части.

- На этот раз всё посерьёзнее! - посмеялись друзья в ответ.

После письменных объяснений Якова Иткина, его пассии Киры Вайсман и, самих друзей, под утро их отпустили. Иткин вызвал свою служебную чёрную Волгу ГАЗ-24 и, отпустив водителя, сам сел за руль. Молодая пассия села вперёд, а Руст, Сидор и Костёр сзади.

Прибыв на Полюстровский проспект уже под утро, прощаясь на лестничном марше с изнемождёнными друзьями, Иткин произнёс:

- Ребята! Жду вас завтра в 13.00 к себе на обед!

Поспав утром подольше и, взяв с собой Людмилу Васильевну, друзья откликнулись на приглашение Якова Иткина разделить обеденную трапезу.

К этому времени, следы ночного происшествия были уже устранены, а на стол были поданы, привезённые из ресторана гостиницы «Астория», изысканные блюда и деликатесы, типа белужьей и кетовой икры, стерляди горячего копчения, сёмги и балыка.

На горячее был Судак «Орли» под соусом тартар и отбивные бараньи котлетки на косточке. Из спиртного на столе были бутылка водки «SMIRNOFF» и бутылка французского коньяка «SAMUS NAPOLEON».

- Что же они хотели от вас? - поинтересовался Руст у Иткина, не прикосаясь к яству.

- Видите ли, - объяснял Иткин, - я директор двух магазинов «Берёзка» на Морской набережной, дома 9 и 15. Наши магазины торгуют аудио, видео и бытовой техникой и другими дефицитными товарами за валюту и Внешпосылторговские чеки. Это вид денег такой - называется «Чек Внешпосылторга». Его платят гражданам, работающим или служащим за границей.

- Мы знаем, что такое чек, - сообщил Руст, - в Афганистане получали чеки, хоть и не помногу.

- Так вы афганцы?! - возбудился Иткин. - Ну, ладно. Давайте, сначала я отвечу на ваш вопрос: на злобу дня, Постановлениями ЦК КПСС и Совета министров СССР в рамках «Перестройки» и «Гласности», объявлена борьба с привилегиями, за равенство и социальную справедливость.

Правительство СССР приняло решение - с первого января 1988 года ликвидировать систему торговли «Внешпосылторг».

Это привело к возникновению ажиотажного спроса на нашу продукцию. Речь идёт о импортной - видео, аудио и бытовой технике, также об одежде.

У наших магазинов стали выстраиваться огромные очереди. Владельцы чеков готовы платить сверх много больше, лишь бы скорее отоварить их до объявленной даты закрытия. С 1988 года торговля в магазинах «Берёзка» будет осуществляться только по безналичному расчёту.

Так вот, учитывая, что наши магазины находятся в так называемом «Бермудском треугольнике», где вращаются элементы с разным родом занятий - от фарцовщиков и жриц любви, до бандитствующих элементов, вчерашний инцидент - лишнее тому подтверждение.

Следует отметить, что эти элементы, стремятся установить контроль над очередью – используют льготные удостоверения ветеранов и инвалидов Афганской войны, по закону, обладающих правом отоваривать чеки и, замыкают на себя, держателей крупных сумм в чеках и валюте, обслуживая их потребности.

– Схема понятна! – сказал Руст: Яков Ильич, – У нас к вам земной вопрос. В ходе ремонта вы затопили квартиру многоуважаемой нами Людмилы Васильевны.

На протяжении полугода она безуспешно пытается добиться от вас восстановительного ремонта. У нас к вам настоятельное предложение – обеспечьте нас обоями, клеем и подручными средствами, и мы в ближайшие часы, сами сделаем ремонт. А то, знаете ли – дела в Москве не ждут. Установить площадь затопленной спальни, труда не составит – она идентична вашей. Поэтому – пожалуйста!

– Конечно, конечно! – заверил Иткин, – сегодня вечером у вас всё будет. Простите, мне неловко, что так произошло. Может всё же я дам вам рабочих?

– Мы бы не хотели перекладывать эту почётную миссию на посторонних людей и, с удовольствием выполним её сами. Так что, только материалы! – с улыбкой заключил Руст.

Так и договорились. Уже вечером в дверь Людмилы Васильевны позвонили и сообщили, что привезли обои. Они оказались той же фирмы, что и у Якова Иткина – финской Sandudd и не на одну комнату, а на всю квартиру. К ним прилагались клей и инструменты.

Через три дня квартира Людмилы Васильевны была обклеена новыми обоями, а друзья Руст, Сидор и Костёр с чувством выполненного долга уехали в Москву.

ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ

7 октября 1984 года.

Сурхандарьинская область Узбекская ССР.

Учебка ТуркВО.

Здравствуй Андрей!

Прошло уже три дня, как мы прибыли на самый юг Советского Союза в приграничный с Афганистаном город Термез Сурхандарьинской области Узбекской ССР в учебную воинскую часть Туркестанского военного округа – «ТуркВО».

Здесь мы пройдём трёхмесячную подготовку до отправки в Афганистан. Младший сержант – командир нашего отделения, по приказу командира роты отвёл нам полчаса, чтобы мы написали домой письма, и успокоили своих близких.

В ночь приезда в Термез из жд-вокзала мы погрузились на КамАЗы и поехали куда-то в пустыню. Приблизительно в 3.15 утра мы стояли у штаба учебной воинской части, расположенной в двух километрах от афганской границы.

Нам сообщили, что первый месяц службы нам предстоит отпахать на полигоне в пустыне Термезского района, здесь пройдёт наш курс молодого бойца КМБ, и мы примем присягу. Два крайних месяца будем проходить подготовку в Горном учебном центре в Шерабадском районе «ГУЦ ШЕРАБАД», согласно военно-учётной специальности.

Только мы прибыли в часть и построились перед штабом, к нам сразу стянулись старослужащие, пришедшие чем-то поживиться. Заметив на запястье Сидора электронные часы с семью мелодиями «Citizen», двое дедов предприняли попытку их отнять.

Но Сидор оказался не из робкого десятка, и левым крюком, уложил одного из дедов, второму, сделал подсечку, Стрела.

Стычку заметили подошедшие, трое в маскхалатах. Их старший, невысоко роста, без знаков отличия, произнёс – «с этих потом и начнём» и, обратившись к строю, громко спросил:

«Мастера спорта, кандидаты в мастера, разрядники – боксёры, самбисты, борцы, дзюдоисты, каратисты, а также, – тут он сделал паузу и продолжил, – те, кто по недоразумению, как принято говорить, имел нестыковки с законом – шаг вперёд!»

Ну, подумал я, пробил мой час – идёт отбор в какое-то специальное подразделение и, оказался прав. Первым делом они подошли к Сидору и Стреле:

– В разведроту служить хотите? – спросил старший.

– А ты кто? – спросил его Сидор.

– Не ты, а вы! – поправил его старший: я командир 2-го взвода разведывательной роты лейтенант Крылов.

– Я обладатель коричневого пояса по карате – ответил Сидор.

– И я готов! Кандидат в мастера спорта по дзюдо – резво сообщил о себе Стрела

Лично я, сомневался в коричневом цвете пояса у Сидора, но рукопашным боем, он действительно владел неплохо.

Другие парни – Руст оказался кандидатом в мастера спорта по боксу, Монгол – мастером спорта по классической борьбе, Костян, также, кандидатом в мастера по боксу, ну и я, как тебе известно, мастером спорта по самбо и дзюдо.

Когда, старший лейтенант Крылов закончил отбор, он ещё раз спросил: «Товарищи курсанты! Служба в разведроты тяжела, но почётна! Уверены, что хотите там служить?!» Все в один голос, чётко ответили: Так точно!

Так, что брат-Андрей, мы шестером: Сидор, Стрела, Руст, Монгол, Костян и я, Костёр, попали служить в разведывательную роту учебного полка.

От штаба, в сопровождении двух разведчиков в маскхалатах, как выяснилось потом, сержантов, организованным строем мы направились в расположение разведроты.

Приближаясь к палаткам разведчиков, мы слышали усиливавшийся звук игравшего магнитофона с песней Александра Новикова «Город Древний»:

Зря остроги и темницы,
Душу тешили царице,
Всё текло через границы,
За бесценок, задарма.

Из каптёрки, стоявшей напротив палаток разведроты, откуда доносилась музыка, по-пластунски выползал солдат в выцветшем калифе, без верхней формы и обуви. С обеих сторон, его осыпали тумаклами, двое в маскхалатах, не давая возможности привстать. «Ползи, давай! Будешь знать, как у разведчиков красть!»

Выпроваживая их, из каптёрки, навстречу нам, вышел белокурый, красный, как варёный рак, с голым торсом, старшина разведроты, сибиряк из Томска – Толстопёров.

Окинув нас взглядом, он спросил: «Видали? Вот как бывает с теми, кто покушается на имущество разведчиков».

Нас сразу распредели по трём взводам, и развели по палаткам.

Учебная часть, где я служу, представляет собой городок из зелёных брезентовых палаток. Чтобы ты мог

себе представить – сквозной проход, делит внутреннее пространство палатки с залитым

бетонным полом, на две половины. Ширина его около двух метров – это расстояние между стоящими поперёк двухъярусными кроватями с пустотелыми матрасами, выцветшими, прохудившимися до дыр, с асимметричными углами и, торчащей бахромой одеялами, с посеревшими от пыли простынями и бесформенными подушками.

Когда по прибытию в роту мы зашли в палатку, было около 4.00 утра, старший сержант заместитель командира взвода Дмитриенко, строго скомандовал: «Всем отбой! Быстро разделись и легли на свободные койки!»

Уже светало, не успели мы сомкнуть глаза после бессонной ночи, как вдруг послышался громкий крик старшины Толстопёрова «Рота подъём!» Мы недоумевали: «Как же так, Ведь только ж легли?», а старшина наращивал тембр: «Рота подъём! Выходи на построение!» С корабля на бал – подумал я про себя. Вот и началась наша служба. И вспомнился мне дембель на тихом полустанке, ответивший Сидору – «Хрен его знает, как быстро пролетят эти два года».

Сержанты, приступили к нашей муштровке, приказав, ещё пять раз повторить команды «Рота подъём! Выходи строиться! Рота отбой!» После многократных повторов, команды стали выполняться совсем с другой скоростью. Тебе Андрей, наверно смешно, а нам тут совсем не до веселья.

За медлительность в выполнении команд, по оценке старшины и сержантов – в рамках солидарной ответственности, применяется целый комплекс физических упражнений, одним из которых является: отжимание на кулаках, от плавившегося под знойным солнцем асфальта. На счёт «раз», упёршись кулаками в асфальт, горизонтально опускаем тело, максимально близко к асфальту, но, ни в коем случае не касаемся, на счёт «два» поднимаем и держим ровной линией на вытянутых руках.

Смена команд «раз» на «два» происходит с длинными паузами и это, скажу тебе братец, здорово осложняет выполнение упражнения. Подолгу бывают такие отжимания – по часу, по два.

Если кто-то, не выдержав, завалится или прильнёт к асфальту, чтобы перевести дух, и это заметит старшина или сержант, то обречёт всю роту на дополнительное время, что сразу вызовет недовольные возгласы и склоки.

Вместе с тем, могу брат похвастаться общими достижениями в выполнении команд «подъём» и «отбой». За время, пока горит, зажжённая сержантом спичка, всей ротой – как один, мы успеваем – «раздеться» до трусов, аккуратно сложить форму на табуретку, уложить портянки на сапоги, лечь в кровать и укрыться простыней. За это же время, всей ротой успеваем «одеться», покинуть палатку и занять место в строю.

Сейчас я с улыбкой вспоминаю, как мама нас не могла добудиться, чтобы выпроводить на первую пару в институт. Да, хорошее было время. Только в армии начинаешь ценить гражданку, с её вольной жизнью, сном и харчами.

Жаль брат, что уровень твоего зрения, не позволил нам пойти служить вместе, вдвоём, несомненно, нам было бы легче. Но, учитывая, что нас через три месяца направят в Афган, это даже к лучшему. Да, вот ещё, успокой отца с матерью, чтобы не переживали, скажи мол оставят меня в учебке, сержантом.

Ну да ладно, служить мне осталось – уже не два года, а всего лишь год, одиннадцать месяцев и три недели. На этом у меня пока всё. Как представиться возможность напишу, а то уже слышу команду сержанта закругляться. Обними отца и поцелуй маму. Брат-близнец Иван.

АФГАНИСТАН. СОЛДАТСКАЯ ПАЛАТКА

1 февраля 1984 года.

Афгано-Советская граница Хайратон,
Кундуз Афганистан.

Выдался солнечный безветренный день +8С, было свежо, но не зяблось. На сопредельной стороне моста через Амударью КамАЗы высадили молодое пополнение на маленький аэродром приграничного с СССР, афганского города Хайратон, а через два часа, на его взлётную полосу сели транспортные Ми-8МТ, перебросившие их на аэродром города Кундуз в северо-восточной части Афганистана.

К этому времени на пересыльном пункте Кундуза, обок с аэродромом вновь прибывших ожидали начальник разведки полка капитан Василий Прохоров, командир разведывательной роты старший лейтенант Борис Налётов и старшина разведроты прапорщик Киселёв.

Быстро отобрав пополнение для полковой разведроты – Ивана Кострова, Константина Тевса, Дархана Бадмаева, Германа Стрельцова, Сергея Сидоренко и Рустама Тукаева, капитан Прохоров и старший лейтенант Налётов, удалились на постановку задачи к начальнику разведки дивизии. А прапорщик Киселёв, повёл молодых разведчиков организованным строем напрямик через взлётную полосу в стоявший по обратную сторону аэродрома, полк.

Полковая разведывательная рота была задействована в разных по масштабу войсковых операциях, как на северо-востоке страны, так и в других её частях, проводила засады и реализации разведданных.

Прибыв в расположение части, молодое пополнение увидело, как на фоне выстроенных в ровную линию зелёных выцветших палаток, медленно тянулся строй, не в ногу шагавших, изнемождённых боевых рот – это осыпанный жёлтой пылью, с опустошёнными взглядами и потрескавшимися губами, увешанный грудой оружия и пулемётными лентами – полк возвращался с боевых действий.

После прохождения банно-прачечных процедур в виде обычного горячего душа, прапорщик Киселёв привёл вновь прибывших, к стоявшей в центре первого ряда, палатке разведроты.

У её входа, двухметровый атлет, ловко жонглировал 24-х килограммовой гирей, подле него, черпая эмалированной кружкой из ведра, один боец тоненькой струйкой поливал намыленного по пояс, другого.

Увидев молодое пополнение, они приостановились, умывавшийся выпрямился, вытер с глаз мыльную пену, молча окинул их взглядом и, вадно махнув товарищу рукой, продолжил мытьё.

Внутри палатки на входе, стояла «буржуйка» с трубой, вытянутой вверх, и два ведра с каменным углём. Внутреннее пространство палатки разбивал проход, по обе его стороны стояли двухъярусные кровати, вразброс светили пять керосиновых ламп. Все присутствовавшие в палатке чем-то занимались.

В ближнем углу, сидя у швейной машинки «Zinger», один – со сноровкой портной, ушивал дембельский ПШ. Напротив него, другой – дородный боец, упёршись ногами в ножки кровати, силой тянул за концы обёрнутую по кругу брезентовую ременную ленту, шлифуя плотно намотанный на железную спинку кровати кожаный ремень.

Сидевший на той же кровати, третий, отрывом войлока, с пастой Гойи, золотил, изогнутую солдатскую пряжку.

За буржуйкой в центре прохода, стоял четвёртый – он был в трусах и сапогах. Поверх была надета парадная шинель, которую он сам же начёсывал металлическим гребнем. Рядом с ними, поставив на табуретку кирзовый сапог, ножом скашивал наращенный дембельский каблук, пятый.

Два таджика – тарджимона, переводчика с языка дари, отрешённо играли в нарды, тихо общаясь на таджикском языке. Рядом с ними лежал и читал книжку, восьмой. Подальше, лёжа, что-то курил и о чём-то думал, слушая портативный японский транзистор, девятый.

В дальнем углу, обособившись от всех, десятый ваял одиннадцатому наколку на уровне сердца – группу крови на фоне патрона.

В углу напротив, семеро сидевших на нижних койках и лежавших на верхнем ярусе, пели под гитару песню Игоря Морозова:

«Прости, что я не добежал до вражеского дзота,
За сто шагов в прицел попал чужого пулемёта,
Прости за то, что в том бою не думал о тебе,
В чужой стране, в чужом краю, на выжженной земле...

Все, находившиеся в палатке войны проигнорировали появление шестерых из молодого пополнения, продолжив заниматься своими делами.

В середине левого ряда, две койки были аккуратно застелены. Поверх одеяла, от изголовья к изножью по диагонали был растянута белый кант. У изголовья, на железной спинке кровати, в рамках за стеклом, были прикреплены две фотографии. С них, на фоне бронетехники смотрели двое улыбающихся молодых парней.

– Так, молодёжь! На эти кровати не садимся ещё двадцать дней, пока сороковины не истекнут, традиция здесь такая – предостерёг, зашедший после физической разминки, атлет.

Молодые переглянулись, повисла тишина, которую нарушил гнусавый голос щуплого, невысокого роста, бойца, с высоким лбом, утиным носом и выдвинутой вперёд нижней челюстью.

– Вешайтесь духи! – произнёс он с ехидной улыбкой, уменьшив звук транзистора.

- Отвали, Лепёха! По нашей традиции у них есть десять суток вольных - вмешался, вытиравшийся полотенцем атлет, - парни, всё в порядке! Осмотритесь пока, войдите в курс дела.

Я Капуста! Есть кто с Алтайского края?! - спросил он, вглядываясь в лица.

Молодые молчали.

- Нет, никого оттуда?! - переспросил Капуста и, резюмировал, - а может, оно и к лучшему.

- Садитесь. Это теперь и ваш дом! - по-доброму произнёс Капуста и продолжил, - если повезёт, то на двадцать один месяц и до двух лет!

- Это, если повезёт! - вмешался сидевший спиной и, строчивший на швейной машинке, битюг с рябым лицом и наколкой на правом плече и, выдержав паузу, продолжил, - а если не повезёт, то, на меньше.

Чувствуя неловкость, молодые расселись на стоявшие у изножья кроватей, табуретки, сбитые, из двух в одну.

Лепёха заметил в руках Монгола, забитый под завязку рюкзак.

- А это что такое? - спросил он, и дёрнул рюкзак на себя.

Монгол, держал его крепко и не выпускал из рук. Лепёха дёрнул рюкзак с усилием ещё раз. Завязалась потасовка. Монгол насупил брови и, как пушинку бросил Лепёху через туловище поворотом, распластав на бетонный пол.

С разных концов палатки, в миг слетелись все, кто до этого был чем-то занят, за исключением, продолжавших играть в нарды и не пожелавших участвовать в кафирских разборках, двух тарджимонов.

Начался жёсткая сеча, шестерым молодым - Монголу, Стреле, Русту, Костяну, Сидору и Костру, противостояли более тридцати человек. Учитывая физический потенциал молодого пополнения и наносимый ими урон, старики пустили в ход, сбитые вдвое, стулья, пока стычку криком «Амба», не остановил Капуста.

Он протиснулся меж конфликтных сторон, плотно подступил к Монголу и, потянув вниз, поправил на нём хб с выдранными верхними пуговицами. На оголившейся шее блеснули пять с пятикопеечную монету, шаманских медных зеркал, висевших на чёрном кожаном шнуре.

- Я гляжу, вы все спортсмены, костоломы и даже шаманы, среди вас имеются - начал Капуста, - но предупреждаю сразу! Тратить силы и время на облом не

будем! А попросим ротного убрать вас из подразделения - служите в другом месте!

В разведроты, традиционно вся ответственность лежит на старослужащих. Требования просты - техника должна быть на ходу, вооружение исправно, боеприпасы в достатке, провиант в избытке, палатка в чистоте, рота в полку - дерзкая, а меж собой - дружная.

Поясняю до тютельки! Сейчас в роте четыре призыва: вы - духи, отслужившие три месяца и, прибывшие сегодня из учебки. Затем, те, кто старше вас на полгода - старые духи, прослужившие девять месяцев. После них идут черпаки, те, кто отдал Родине год с лишним. За ними идём мы - деды, за спиной которых уже более полутора лет службы.

Да! Чуть было не забыл, замыкают цепочку гражданские, то бишь - дембеля. Но они все уже уволились. В роте ещё остался один ихтиозавр, особо полюбившийся командованию по кличке Арманд - вон он, на койке и читает книжку. Ему уже ничего не нужно и, ничто не грозит! Поэтому лежит себе, плюёт в потолок. На операции, он уже не ходит - не положено. До конца месяца, всё равно уволят - потому что, край.

Далее - на боевых все равны! Нет ни стариков, не молодых! Пока рота находится в расположении, ватажимся по призывам - деды с дедами, черпаки с черпаками, духи вместе - и старые и новые. Ближайшие три месяца, пока сроку службы старых духов не исполнился год, они будут пахать наравне с вами.

Когда же, начнёт вестись Приказом министра обороны СССР «о мобилизации и демобилизации из рядов СА СССР» - это в конце марта, переводящим старых духов в черпаки, их взгляды на вас, начнут суровиться, а щёки надуваться. Они преднамеренно начнут обострять с вашим призывом отношения, ведь духовщина для них будет уже пройденным этапом. А вам, отслужившим на тот момент всего полгода - предстоящие полгода, надлежит пахать уже одним.

А вы учебку-то, где прошли? - отвлётся от темы Капуста.

- В Шерабаде! - ответили молодые.

- А ротным, кто был - спросил Капуста.

- Ровба! - в один голос ответили все шестеро.

- О, Ровба - командир авторитетный!

К сведению, в палатке сейчас находятся только деды и черпаки, не считая Арманда. Старые духи бороздят

просторы полка и окрестности дивизии. Посмотрим вечером, что намоют – сказал Капуста и направился в конец палатки, туда, где кололи группу крови.

Всё было ровно так, как и рассказал Капуста, старые духи сначала высокомерно сторонились, но деваться им было некуда, посему постепенно начали вводить в курс дела.

На следующий день после завтрака – Капуста донёс Арманду благую весть – его военный билет был оформлен для демобилизации, и ему надлежало выйти на прощание со знаменем полка. Арманд быстро переоделся, на его парадном кителе сверкали орден «Красной звезды» и медаль «За отвагу».

Проводить его высыпала вся разведрота. В это время у штаба части, скопилось более двух десятков, таких как и он – особо полюбившихся командованию дембелей с парадными шинелями и однотипными тёмно-серыми дипломатами.

На их груди блистали ордена «Красной Звезды», медали «За Отвагу» и «За Боевые Заслуги». Вскоре, двое бойцов из комендантского взвода, вынесли из штаба части, полковое знамя. Вышедший за ними, подтянутый офицер – начальник штаба полка в звании майора, раздал дембелям военные билеты и скомандовал строиться. Они сложили дипломаты и шинели в одном месте и, построились.

Майор скомандовал – Равняйся! Смирно! К прощанию со знаменем полка приготовься!

Дембеля, один за другим, строевым шагом, подходил к знамени части и, преклонив колено, прикладывались к полотнищу губами. После этого из громкоговорителя, установленного над дверью штаба полка, громко заиграл марш прощания Славянки и, дембеля начали проходить торжественным маршем, держа равнение на знамя.

– Эта традиция повелась со дня формирования полка в 1941 году – в суровые дни Великой Отечественной войны, она сохранялась во время Венгерского восстания 1956-го и Пражской весны 1968-го годов, чтится, и по сей день – в Афганистане – объяснил молодым Капуста.

Торжественность момента потрясла Костяна, Монгола, Руста, Стрелу, Сидора и Костра до глубины души. Вместо дембелей с наградами, чеканивших шаг мимо знамени полка под звуки марша Прощания Славянки они представлял себя. Но мысль о том, что счастливый момент этот, ещё очень далёк, бередила.

День затухал, солнце клонилось к закату, выцветший под палящим солнцем зелёный палаточный городок, раскинутый в десяти шагах от взлётной полосы аэродрома Кундуз, созерцал на десятки винтокрылых Ми-8 и Ми-24, устало склонивших свои лопасти и, набиравших сил перед новым днём. А молодым разведчикам предстояло вхождение в боевую среду и испытание войной.

МОНГОЛ

Октябрь 1984 года.

Сурхандарьинская область Узбекской ССР - учебка.

За два месяца до отправки в Афганистан.

Дархан Бадмаев - Монгол, был уроженцем города Улан-Уде столицы Бурятии. Он родился и вырос на берегу Байкала. Положительный, простодушный и надёжный парень - зело благочестивый. На вид, это был маштак с азиатским типом лица и сломанными, как у многих борцов, ушами.

Имя - Дархан, родители выбрали ему не случайно, Монгол принадлежал к известной сыздавна династии кузнецов - дархан удха, унаследовавшей и шаманское мастерство боо удха, а из шаманских династий, как известно, выходили, как шаманы, так и кузнецы.

По бурятским преданиям кузнечному ремеслу шаманов-кузнецов научили духи, спустившиеся с верхнего мира. Наличие удха - корня шаманского происхождения, позволяло Монголу стать шаманом - избранником бога, посредником между верующими и сверхъестественными силами.

По отцовской - халуунай линии, Монгол унаследовал удха белых шаманов - сагаанай удха, творивших благо, за что в народе, их род стал почитаем. По линии матери - хари, к Монголу перешёл корень чёрного шамана - харын удха, сила его заключалась в покровительстве злых духов.

Состоящие у них на службе, шаманы харын удха способны своими камланиями ранить души, нести болезнь и даже смерть. Но у бурят принято считать, что харын удха - это не значит плохо, просто у каждого свои задачи.

В сущности же, Монгол принадлежал к хоёр тээшээ ябадалтай, обладавшим двумя силами, одновременно и, сагаанай удха и, харын удха - белого и чёрного, шаманов.

31 октября, после вечерней поверки, Монгол обошёл каждого из шестерых друзей и сообщил:

- Я договорился со старшиной Толстопёровым, что он отпустит нас шестерых - Костяна, Руста, Стрелу, Сидора, Костра и меня, выйти ночью за пределы части - в пустыню, чтобы я смог совершить традиционный для конца октября обряд изгнания злых духов. Так что, будьте готовы выйти в 1.00, когда в роте все уже заснут! - сообщил Монгол.

У друзей, это вызвало неподдельный интерес. Чем же это, Монгол посулил старшине, что тот дал разрешение, за которое мог серьёзно поплатиться? Но не стали любопытствовать, оставив вопрос на потом и, единогласно согласились.

В 1.00, как и договорились, все шестеро собрались у выхода из палатки. Дул порывистый ветер, моросил мелкий промозглый дождь.

Накоротке, заглянув по просьбе Монгола в каптёрку, друзья достали из угла гремевший содержимым габаритный куль, и лежавшую у выхода большую связку досок. Распределив меж собой груз, они дошли до края части, просочились сквозь колючую проволоку и удалились вглубь пустыни.

- Монгол! Ты нам ничего не хочешь сказать? - прервал тишину Стрела.

- В конце октября, открывается граница между мирами, и я обязан облегчить переселение духов умерших, витающих среди людей, в нижний мир, в этой связи, по традиции, мне необходимо исполнить тайлаган - камлания, или проще говоря, молебствия, сопровождающиеся ритуальными танцами вокруг костра с боем в бубен - поведал Монгол.

- Ты к доктору должен пойти и сказать - лекарство он даст, если болен! - пропел с фиглярством Сидор.

- Тайлаган проводят в культовом месте - на берегу водоёма, у подножия и, на вершине горы, в пустыне - не обращая внимания на позёрство Сидора, продолжил Монгол - поскольку, гора, большая вода, вековое дерево, пустыня, имеют своего духа.

Кондибобер Монгола, исперва друзьями воспринимался, как розыгрыш, но неизменность его серьёзного лица, наскоре вызвала у друзей громкий смех.

- Ну, хорошо, это ваши традиция и обряд, а мы здесь, что делаем?¹ - твёрдо спросил Руст.

- Лично я предпочёл бы поспать. Завтра, не свет, не заря, подъём в пять утра и марш-бросок - поддержал Руста, Костян.

- Но мы ведь друзья - произнёс потухшим голосом Монгол, - а обряд принято совершать в кругу близких и друзей.

- Допустим. Но, как ты объяснил причину нашего отлучения старшине - поинтересовался Стрела.

- Сказал, как есть - ответил Монгол.

- Как есть?! - возбуждённо переспросил Сидор - То есть, ты сказал: Старшина Толстопёров! Сил никаких нет, хочется вокруг костра побегать и до одури в бубен постучать? А, он душевно проникся и, на камлания тебя благословил, отпустив ночью в пустыню с пятью товарищами - так что ли?! - выпытывал Сидор.

- Но почему же? Не сразу - стушевался Монгол и, пояснил - Я нашёл к старшине подход, и о многом с ним смог договориться, в том числе и о тайлагане.

- Давай Монгол, батушно раскладывай! Что это, за подход такой? - давил Сидор.

- Это не столь важно! - уклонялся Монгол.

- Ну, а всё-таки? - не унимался Сидор.

Монгол немного поразмыслил и сдался:

- Золото! Я дал ему золото!

- Золото?! - воскликнул Сидор - Какое золото?!

- Самое обыкновенное! - пластина червонного золота 999-й пробы весом 30-ть грамм - уточнил Монгол.

- Да ты Монгол, лакшевый фраер! - балагурил Сидор - Во времена, а?! Бурятские нувориши в армию цветняк тащат!

- А как ещё старшину задобрить? - согласился Руст с Монголом, - Только так!

- Он шутит! - не поверил Костян.

- Совсем нет! - возразил Монгол - Могу поведать, как это было: я дал ему золото, которое взял из дома и тайно хранил в разных местах.

- А не круто ли - 30-ть грамм червонного золота Старшине, а? - впечатлился Стрела.

- Уходя в Армию, я предвидел, что золото мне наверняка пригодится - разоткровенничался Монгол, - в этом сентябре я пропустил тайлаган закрытия Небесных врат, по независившей от меня причине, посему для меня важно это сделать сейчас.

Поймите вы! - объяснял недоумевавшим друзьям Монгол - Этот кусок золота - ничто, по сравнению с моей

душевной потребностью провести камлание, оно сродни глотку воздуха – моя воля и стремление к жизни.

– «Огни в моих топках совсем не горят, в котлах не сдержат мне уж пару» – пропел строки из старой матросской песни, забавлявшийся Сидор.

– Вот старшина, а? – негодовал Костёр.

– А що ви хочете?! Життя, як вонно є! – перешёл на братскую мову Сидор, предложив со стёбом – Якщо тайлаган для нашого гарного бурятського хлопця цей важливий, було б треба допомогти випустити йому пар, дивишся и нам, вид його роскошництва, яка – золота пластина обломится.

– Монгол, ты нас потряс! – возгласил Руст – советский парень, комсомолец, мастер спорта по борьбе, лучший выпускник улан-удинского медучилища – и на тебе!

– Лучший, в скором будущем – зубной техник и золотарь Забайкалья, на поверку оказался примитивным шаманом – добавил с иронией Костян.

Когда все желавшие высказались, Монгол, показал место, куда нужно сложить доски и разжёт костёр. Ветер быстро раздул языки пламени, а Монгол достал из куля рукодельные боогей тоног – предметы шаманской утвари и облачился в боо хояг – шаманское платье, всерьёз, назвав его доспехом шамана. Друзья безмолвно переглянулись и продолжили наблюдать.

Боо хояг, было изготовлено из новенькой плащ-палатки, оно имело вырез для головы и подвязывалось тесёмки сзади. Спереди, от груди вниз тянулись разноцветные длинные ленты с хонхо – колокольчиками на концах. На спине белым цветом было изображено – мировое древо, над ним жёлтые – солнце, луна, звёзды. Низ боо хояг был обвешан – то ли лисьими, то ли заячьими шкурками и обшит по краю скатертной бахромой.

К запястьям и локтям, а также поперек груди и спины – в ряд, были подвешены десятки маленьких бубенцов и колокольчиков. На спине ниже плеч, Монгол прикрепил гусиные перья, ассоциировавшиеся с крыльями для передачи шаману птичьего облика. Колокольчики и бубенцы при движении, бряцали и создавали шум.

На голове Монгола был майхабша – металлический венец из обода и двух изогнутых поперечен, на которые сверху были прикреплены рога джейрана. Пятеро друзей вновь переглянулись.

– Мама моя, родная! Сгинь, нечистая сила! – сквозь смех, прогорланил Сидор.

- А как же азбука всего материализма и, следовательно, марксизма?! - спросил Стрела и, поинтересовался: Монгол, ты вообще, комсомолец?!

- «Он враг коммунизма, он, в общем, аскет! Как все за границей, он ходит молиться, а где-то хранится, его партбилет» - декламировал со смешками, Сидор.

Друзья пересмеялись, но промолчали.

- Монгол! Это Толстопёр тебя обеспечил предметами для шаманской утвари? - догадался Руст - Он?!

- Кто ж ещё?! - без сомнений предположил Сидор - А где бы наш батушный друг, всё это жукнул? Да, за 30-ть грамм червонного золота, старшина и сам легко облачится в боо хояг, наденет на голову майхабша с ветвистыми рогами и пустится в пляс вокруг костра, рьяно побивая в бубен.

Друзья расселись вокруг костра. Монгол достал из кармана варган - восточный щипковый музыкальный инструмент, размером чуть длиннее спичного коробка, очевидно, привезённый из дома, приложил его к зубам и, закатив глаза, лёгким касанием кончика среднего пальца - назад и вперёд, начал бой по тонкому металлическому язычку инструмента, издавая неземной, магический звук.

В процессе игры, он податно манипулировал губами, языком и горлом, изменяя тональность бурдонного звука, и вызывая артикуляционные звуки, типа: эй-я, ой-я, ай-я, ий-я. Растягивая и прерывая вдох, он удлинял и укорачивал звук, а давя кончиками пальцев на диафрагму, во время боя, вызывал его эхо-образность.

Поиграв на варгане, Монгол взял в руки хэсэ - бубен, заимствованный у кого-то в части, по факту узбекский дойра и, прежде чем начать камлание, начал несведущих в шаманских делах просвещать:

Чтобы изгнать враждебных духов и исцелиться, я наперво, должен их вселить в себя, это называют онгод ороод - погружением в состояние неистовства. Посему, наперёд, прошу вас, не пугаться - предупредил Монгол.

- Э нет, этот макабр не для меня! А вдруг ты кони двинешь?! Тебе будет уже всё равно, а нам одна дорога - в дисбат! - сарказмировал Сидор.

Монгол, сохранил серьёзность и продолжил:

- Прежде чем выйти в ябдал - путешествие и начать движение вокруг костра, ударяя орба - колотушкой в хэсэ, я закрою лицо повязкой, чтобы злые духи меня не узнали и не забрали с собой. В это время, ценно чтобы

вы вытянули к огню руки и, в ритм боя, переваливаясь с боку на бок, громко кричали уа, уа, уа.

Когда же, я остановлю движение, встану на одном месте, подниму над головой хэсэ и доведу удары до максимальной частоты – он показал, как это будет выглядеть, и продолжил: в этот момент, вы громко кричите, и топайте ногами – и паки продемонстрировал, как это должно быть. Друзья снова переглянулись и пересмеялись.

– Но прежде чем, хэсэ – волшебный конь окажется в моих поводьях, и я начну в него бить, я должен призвать его дух снизойти ко мне и стать моим союзником – онгоном. А пока... – тут Монгол протянул Костру хэсэ и орба с меховым наконечником и изогнутой рукояткой: будет хорошо, если, ты – Костёр, предварительно в него постучишь. Это не моя прихоть – такая треба.

Друзья пересмеялись и посмотрели на Костра. Он слегка сконфузился, но просьбу выполнил. Затем, Монгол встал перед костром, поднял голову к небу и постоял в ожидании духа бубна несколько секунд. В это время Костян и Стрела подбросили в костёр досок.

– Монгол! – прервал предвкушение полёта, Руст – Я, так и быть останусь, но в тайлагане этом, участвовать не буду.

– Хорошо – согласился Монгол и, закрыв лицо защитной повязкой, отправился в путешествие. Размеренно переваливаясь с ноги на ногу и, качая головой, он неторопливо двинулся вокруг костра, ударяя в бубен и ведя горловое пение.

– «Унылую песню заводит, про Родину что-то поёт» – смеясь баясничал Сидор.

Постепенно, ритм боя в хэсэ, отождествлявший цокот копыт волшебного коня, стал нарастать, сочетаясь с криками – уа, уа, уа, и с бряцанием колокольчиков и бубенцов с боо хояг, создав общий шумовой фон и, позволив сознанию Монгола единиться с духами.

В кульминации, дух бубна целиком овладел Монголом, управляя скоростью его движений и ритмом ударов, плавно погружая в состояние онгод ороод – глубокого транса. Участив бой до дробы и, громко прогорланив нечленораздельное, Монгол рухнул прямо у костра и начал биться в конвульсиях.

Это ввело друзей в смятение, они предположили, что у Монгола произошёл сбой. Тот же, Сидор, короткое время назад, потешавшийся над ним, оцепенел.

- Подождём! - предложил Руст, сдержав за рукав, вскочившего с места Костра, желавшего привести Монгола в чувство.

Неизвестно, сколько, это продолжалось, но в один момент Монгол резко замер.

- Улетел! - с облегчением констатировал Костян.

- Да, уж! - выдохнул Стрела.

- Вот и вся недолга - прокомментировал Сидор и пропел - «Увидел на миг осветительный свет, упал, сердце больше не билось».

Друзья глядели на распластанное, обездвиженное тело Монгола и не отводили глаз, их чувства разнились, были - весёлость, оторопь, ярость и сочувствие. Руст и Стрела - неистовствовали, а Костян, Костёр и Сидор - по-дружески забавлялись.

- «Напрасно старушка ждёт сына домой, ей скажут она зарыдаит...» - пропел по-утёсовски Сидор.

Ветер в пустыне внезапно стих, угли костра, покрывшиеся серой золой, уже дотлевали, как вдруг, Монгол начал подавать признаки жизни - открыл глаза, пошевелился, потянулся и медленно привстал.

Как ни в чём не бывало и, не помня произошедшего, лучившийся счастьем, Монгол молча достал из мешка десять банок стущёнки и, подкрепляя благодарность крепким рукопожатием, стал раздавать каждому по две штуки. Когда дошёл до Руста, тот со словами «Да пошёл ты!», отвернулся.

- Не переживай Монгол, не пропадёт пожива, мы разделим её меж собой - успокоил, улыбающийся Сидор и пропел старую 1916 года, песню:

«Ах, зачем эта ночь, так была хороша?! Не болела бы грудь, не страдала б душа...».

На обратном пути, друзья, молча, шли по пустыне и, каждый думал о своём. Впереди, быстрым шагом шли Руст и Стрела, за ними Костян и Костёр, чуть подотстав, в обнимку брели, блаженный Монгол с кулем боогей тоног за спиной и жизнерадостный Сидор, напевавший, по случаю, старую 1880 года песню сибирских острожников:

«По диким степям Забайкалья, где золото моют в горах, бродяга, судьбу проклиная, тащился с сумой на плечах».

Когда друзья зашли в палатку все ещё спали. Услышав шебаршение, старшина Толстопёров, беспокойно ожидавший возвращения друзей, привстал, окинул их взглядом,

визуально насчитав нужное количество, проматерился шёпотом и снова лёг, повернувшись в другую сторону.

ЗАСАДА в АЛИАБАДЕ

Кундуз Афганистан, начало февраля 1985 года.

Разведотдел штаба дивизии. По агентурным данным начальника разведки дивизии подполковника Захарова в один из кишлаков уезда Алиабад должен был прибыть караван одной из исламских партий с оружием и боеприпасами. Он вызвал к себе начальника разведки полка капитана Прохорова и поставил задачу организовать засаду.

В рамках выполнения приказа, командир разведроты Налётов приказал ответственным зарядить аккумуляторные батареи радиостанций и бинокли БН-2 «Реликвия» для ведения разведки в ночное время, пополнить боеприпасы, получить сухой паёк и до вечера лечь отдыхать.

Накануне, молодых закрепили на штатные должности: Монгола - Дархана Бадмаева, согласно его гражданской специальности, назначили разведчиком-санинструктором; Руста - Рустама Тукаева старшим разведчиком; Сидора - Сергея Сидоренко - разведчиком-снайпером; а Костяна - Константина Тевса, Костра - Ивана Кострова и Стрелу - Германа Стрельцова - разведчиками-пулемётчиками.

Когда начало смеркаться, переодетая для засады разведрота с оружием вышла на построение перед палаткой. Старший лейтенант Налётов ставил боевую задачу и проводил инструктаж:

- Объясняю, в большей степени, для молодых, он посмотрел, на Стрелу, Руста, Монгола, Костяна, Костра и Сидора - после спешивания с брони, при выдвигании на рубеж, головному дозору и основной группе строго держать интервал и дистанцию. Если дозор заметил, что-то подозрительное надо остановиться и поднять руку - вот так - он показал, как это следует сделать и продолжил:

- Это будет сигналом для всех - остановиться. Когда дозор сядет, то же самое делает и основная группа. В случае, освещения местности ракетой, всем залечь и не вставать, пока она не догорит.

Если в ходе наблюдения будет обнаружена группа противника до трёх человек, стараться брать живьём, если их окажется больше, ликвидировать. На особый

случай – всем необходимо запомнить пути отхода к месту, куда прибудет броня.

Начальник разведки капитан Прохоров, одетый в горный костюм и новенький бушлат, вместе с замполитом роты старшим лейтенантом Хромовым, командирами взводов старшим лейтенантом Демичевым и лейтенантом Викуловым, стоял за спиной Налётова, и глядел на разведчиков.

После инструктажа, Демичев и Викулов тщательно осмотрели увешанных оружием и радиостанциями «Р-143»; «Р-147»; «Р-159»; «Ромашка», разведчиков и чтобы исключить шум, позволивший духам их обнаружить, приказали, традиционно, попрыгать на дорожку. Затем разведчики сели на броню и, выйдя на трассу «Кундуз-Баглан» на высокой скорости выдвинулись в южном направлении в район засады.

Прибыв в заданный район в уезде Алибад, разведчики на среднем ходу спрыгнули с брони, а она развернулась и сразу убыла в полк. После километра пути, разведрота расположилась на увале между двумя кишлаками. На позиции, рядом с Рустом, Сидором и Костяном, оказался и начальник разведки капитан Прохоров.

Руст включил бинокль БН-2 ночного видения и, чередуясь с Сидором и Костяном, начал вести наблюдение.

Удачно выбранная позиция давала широкий обзор местности, позволяя обнаружить духовский автотранспорт или караван с вьючными животными ещё на дальних подступах.

Молодых клонило ко сну, Руст налив в ладони воду, опрыснул глаза, Костян ущипывал себя в грудь, а Сидор, не морщась хрумкал сочной луковицей.

Прошло три с лишним часа, уже брезжил рассвет, внезапно в извилистой рвине Руст увидел головной дозор духов.

– Идут, товарищ капитан! – возбуждённо сообщил он начальнику разведки.

– Сколько?! – спросил капитан.

– Метров триста – ответил Руст.

– Народу, спрашиваю сколько?! – раздражённо уточнил вопрос капитан.

– Впереди трое, а за ними ещё человек десять – двенадцать, идут с навьюченными лошадьми и верблюдами.

Капитан Прохоров сразу же передал по связи Налётову, а тот командирам взводов. По цепочке обратно донеслось «приготовиться к бою, без команды не

стрелять!». Стали ждать, пока караван поравняется с занятой ротой позицией, чтобы максимально поразить его.

Но, неожиданно, по прибывшему каравану со стороны ближайшего кишлака был открыт кинжальный огонь. В ответ на это, из глинобитных строений кишлака напротив, другой отряд, вероятно, тот, которому принадлежал груз, открыл ответный плотный огонь. Между двумя кишлаками завязалась перестрелка, усилившаяся применением миномётов.

По радиосвязи прошла команда Налётова – «огонь, ни в какую из сторон не открывать, ждать моей команды!» Молодые пребывали в недоумении. Что же всё-таки произошло? Кто были те, стрелявшие по каравану, опередившие их? Может это были свои, не знавшие о засадных действиях разведроты? Терявшимся в догадках молодым – Русту, Монголу, Стреле, Сидору, Костяну и Костру оставалось ждать окончания боя либо приказа командира роты Налётова открыть огонь.

В ходе перестрелки конфликтовавших отрядов, старший лейтенант Налётов, вышел по радиостанции на связь с артдивизионом полка, указал координаты и, скорректировав точки нанесения дымовыми снарядами, вызвал удар артиллерии по окраинам обоих кишлаков. В результате, противоборствующие стороны спешно покинули местность.

– Без меня, меня женили – иронично досадовал капитан Прохоров.

– Товарищ капитан! А что это было?! – поинтересовался Руст.

– Старая история – им бы у себя внутри разобраться. Наряду с джихадом против нас, идёт междоусобная борьба между отрядами исламских партий моджахедов, за контроль над территориями. В провинциях Кундуз, Баглан, Тахар, отряды «Исламской партии Афганистана» Гульбеддина Хекматияра активно противостоят отрядам партии «Исламское общество Афганистана» Бурхануддина Раббани.

Говоря по существу, первые блокируют вторым коммуникации из Панджшерского ущелья на север, парализуя взаимодействие Панджшерского фронта с северо-восточным – охватывающим, вышеназванные провинции. Этим же маршрутом осуществляется тыловое обеспечение отрядам партии «Исламское общество Афганистана» в северных провинциях – Фарьяб, Джаузджан, Балх, Сари-Пуль и Саманган.

Схема проста, кто контролирует больше территории, тот получает больше иностранной помощи, в первую очередь от саудитов и американцев – провёл короткий ликбез Прохоров.

Когда огонь стих, разведчики вызвали броню и, погрузив груз каравана полтора десятка крупнокалиберных пулемётов ДШК, столько же миномётов, гранатомётов и другого вооружения направились на сторожевую заставу третьего батальона. Он располагался на кряже вскрай трассы «Кундуз-Баглан» в окрестности Алиабада.

– Да хороший куш! – отметил с удовлетворением Налётов.

– Всегда бы так! – пожелал капитан Прохоров, добавив, – что значит хорошая работа агентуры и, немедля доложил об итогах засады начальнику разведки дивизии Захарову.

На днёвку, когда засадные действия растягивались на несколько суток, разведрота оставалась в расположении полковых сторожевых застав и охранений. Они находились на удалении от главных сил полка в полной изоляции и в окружении сил неприятеля – в Алиабаде; в Северном, Центральном и, Южном Баглане; Ханабаде; Талукане; на мосту Банги.

Их сложные боевые будни, суровый окопный быт в сжатом пространстве при слабом освещении керосиновых ламп, скудном однообразном питании, редкой передаче писем, полном враждебном окружении, под постоянным миномётным огнём и, – реактивных снарядов, вызывали у разведчиков сочувствие и уважение.

Сторожевая заставка в Алиабаде, состояла из взвода роты 3-го батальона, взвода танкового батальона. Она представляла несколько врытых в землю помещений, танка и БМП-2, замаскированных сеткой, на участке общей площадью тридцать соток, который был огорожен забором с колючей проволокой и минным полем. Одним словом, служба здесь была не сладкой.

Едва, разведчики разгрузили трофейный арсенал, как начался обстрел из миномётов.

– Да весело тут у вас! – отметил громким голосом Монгол, забежавшему за ним в землянку, с голым торсом сильно загоревшему бойцу охранения.

– Привычное дело! То миномёты бьют, то РС-ы – знай себе, перебегай да тарься – невозмутимо ответил он, с ярко выраженным южным акцентом.

- И что часто бьют - продолжал интересоваться Монгол.

- Бывает по-разному - ответил боец.

В это время в землянку спустился старший лейтенант Налётов.

- Когда миномётный огонь прекратится, всем помыться и сразу лечь отдыхать - приказал Налётов, предупредив: Вечером выходим на засаду.

С наступлением темноты пришла броня и разведрота выступила на юг в направлении Джалавгира к предгорью Яккабадам.

Ночью существенно похолодало +7С. Добравшись до заданного района, разведчики спешили с брони и, разбившись на головной дозор и основную группу, выдвинулись на задачу.

Успев преодолеть несколько километров в сумраке, разведчики застали, как забрезжил рассвет. В утренней туманной дымке, головной дозор оттянулся от основной группы, скрывшись за кромкой следующей сопки и, потеряв с ней радиосвязь.

- Тукаев! - обратился озабоченный Налётов к Русту.

- Я! - откликнулся Руст.

- Надо догнать дозор и остановить! Куда они разогнались?!

Руст, бегом поднялся на взгорок и, также быстро спустился на дно лога. Когда Руст оказался в самом низу, сквозь плотный туман, он разглядел, обернувшись на шум и, оторопевших, трёх вооружённых духов.

Оценив численное превосходство, духи не предприняли срочных мер, пока не увидели, что Руст, резко изготовился к стрельбе с колена и открыл огонь короткими очередями. Они кинулись в бегство по петляющему ущелью, не давая Русту прицелиться. Трассирующие пули, как заколдованные, пролетали мимо тел и между ног, но не попадали в духов.

Руст продолжал преследовать и вести стрельбу. Увидев, что пуля Руста поразила их товарища в ногу, двое других, повесили его АКМ на плечи и, взвалив раненного на себя, побежали дальше.

Услышав стрельбу, основная группа и головной дозор, подступили к обеим кромкам вершин и открыли огонь в низину лога. Руст, поняв, что дальнейшее преследования духов, чревато поражением от своих же, прибился спиной к склону и выждал пока стрельба сверху не прекратилась.

Когда разведчики спустились на дно ущелья, то капитан Прохоров увидел, как из места, по которому, он ещё пять минут назад, вёл интенсивный огонь, появился Руст. От нахлынувших эмоций, он схватил его за грудки и сильно оттолкнул.

- Ты что делаешь смертник?! Я ж тебя чуть не убил!
- нервно прокричал Прохоров.

Руст, понял душевное состояние начальника разведки, и обиды не затаил. Духи скрылись, засада расстроилась, а разведрота, сначала вернулась в Алибад, а затем выдвинулась в расположение части.

Вернувшись в полк, броня разведроты заехала в парк техники, и заняла свои места. Парк был таким же постоянным местом обитания разведчиков, как и палатка.

По ночам здесь кипела жизнь, сюда разведчики тащили добытые на стороне материальные средства - продукты и амуницию, разжигали очаги, готовили домашнюю еду - из сбитой в фарш тушёнки и консервированного картофеля, жарили котлеты и драники, пекли оладьи, готовили плов.

НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ ВАСИЛИЙ ПРОХОРОВ

Капитан Василий Прохоров был невысоко роста маштак, с круглым лицом и узким лбом, с ярко голубыми глазами, русыми волнистыми волосами, в тон густым чапаевским усам - одним словом, типичный уроженец центрального черноземья.

Он родился в деревне Дёмино Курской области, восьмым по счёту, в семье ослепшего в результате ранения, инвалида Великой Отечественной войны Василия Кузьмича Прохорова.

После восьмого класса поступил в Киевское суворовское военное училище, а затем на разведывательный факультет Киевского высшего военного общевойскового командного училища имени М.В. Фрунзе, которое закончил с отличием и, стал офицером войсковой разведки.

Сказать, что карьера его была успешной, навряд ли. К своим тридцати годам, он был ещё капитаном и поступить в Высшую Военную Академию имени М.В. Фрунзе не стремился. Вместе с тем, у разведчиков полка капитан Василий Прохоров пользовался большим уважением.

Это была его вторая командировка в Афганистан. С 1980-го по 1982-й годы в должности командира взвода

разведроты в звании лейтенанта, он походил службу в этом же полку.

Поэтому, когда в 1983-м году, спустя год после возвращения в Союз, встал вопрос о возвращении в Афганистан или отправке в Германию, Венгрию или Чехословакию, он, с радостью выбрал первое и попросился в родной полк.

За три неполных года службы в Афганистане, он был награждён тремя боевыми орденами – «Красного Знамени» и двумя – «Красной Звезды».

ОПЕРАЦИЯ В КИШИМЕ И ДЖАРМЕ АФГАНСКОГО БАДАХШАНА

Первая половина февраля 1985 года. День выдался ясный и безветренный +10С, грело солнце. Разведрота, только что провела строевой смотр перед выходом на частную войсковую операцию в районах уездов Кишим и Джарм провинции Бадахшан.

Перед строем, рядом с её палаткой стояли: командир – старший лейтенант Борис Налётов, прибывший накануне – его заменщик старший лейтенант Леонид Петров, начальник разведки полка капитан Василий Прохоров, замполит роты старший лейтенант Хромов и командиры взводов – старший лейтенант Демичев и лейтенант Викулов.

Старший лейтенант Борис Налётов, высокий, с восточным типом лица, чёрными волосами и усами, громко скомандовал:

– Рота! Равняйся, смирно! Вольно.

Товарищи разведчики! Представляю вам старшего лейтенанта Петрова – с сегодняшнего дня, он ваш новый командир.

Я горд, что прошёл эту войну вместе с вами. Разница в чинах и званиях не мешали нам, спасать друг другу жизнь, есть с одного котелка и делить в горах последний глоток воды. Как командир роты, главной своей задачей, я считал сохранение жизней своих подчинённых, и пусть меня простят родные и близкие, погибших наших товарищей, чьи жизни я уберечь не сумел.

Желаю, чтобы, как и у меня, у каждого из вас, на этапе службы наступил счастливый момент, когда придёт время проститься с Афганистаном. Вернувшись домой, мы с гордостью скажем: Мы защищали южные рубежи нашей Родины и помогали афганскому народу строить справедливое общество.

Но! – Налётов сделал короткую паузу, и продолжил: несмотря на то, что я уже не командир разведроты, выхожу с вами на крайнюю операцию, чтобы быстрее ввести в курс нового командира старшего лейтенанта Петрова.

Когда Налётов распустил строй роты, к нему подошёл начальник разведки капитан Прохоров и сказал:

– Борис Алексеевич! Плохая примета ехать на «боевые», когда заменщик уже в полку – временем, проверено.

– Товарищ капитан! Петров в Афганистане – второй день и было бы полезным, за несколько дней поделиться с ним накопленным опытом. Возможно, это сохранит жизни нашим бойцам – объяснил Намётов.

– Вы уже за штатом, поэтому приказывать я не стану, но, с приметам на войне шутки плохи – предостерег капитан Прохоров. На этом вопрос был исчерпан.

Разведрота – со старым и новым командирами, с начальником разведки, в составе подразделений полка, на собственной броне покинула пункт постоянной дислокации южнее Кундуза.

Бронетехника разведроты – пять БМП-2 и три БРМ-1 (боевые машины пехоты и боевые разведывательные машины) – отличалась от других подразделений – скоростным передвижением, привязанными к кончикам длинных антенн, лисьих хвостов и сидящим поперёк, в разнородной амуниции, личным составом.

Внешний вид разведчиков соответствовал «форме одежды «номер восемь», что добыли, то и носим» – начиная от маскхалатов и горных комбинезонов, заканчивая, разного рода свитерами, олимпийками и пёстрыми афганскими шерстяными носками, до колен и выше, и, непременно, поперёк штанов. На головах были разные головные уборы – от панам до спортивных шапок. Вместо берцев – белые импортные кроссовки.

Перед выходом на боевые действия, разведрота погрузилась на собственную броню – пять БМП-2 и три БРМ-1 и, дождавшись, прочтения командиром полка приказа на совершение марша, первой в колонне покинула расположение.

Выехав из парка техники через КПП-2 за пределы части, сидевшие на броне разведчики, тут же направили стволы вверх, сняли предохранители и передёрнули затворы, то же было приказано сделать и молодым. Спустившись с возвышенности, на которой располагался полк, броня проехала по длинной пихтовой аллее с

высокими кронами, пятьсот метров и, выйдя на трассу Кундуз-Баглан, повернула на север.

Старики с серьёзным видом, жестами рук приказали молодым быть внимательными и смотреть по сторонам. Молодёжь поняла серьёзность момента и была готова к изменению обстановки.

Вместе с тем, ей было интересно созерцать на средневековую страну, бело-жёлтые глинобитные жилища кишлаков, вдоль трассы, и рядом с ними, прямоугольные наделы земли, движущихся по обочине дехкан, транспортирующих грузы на запряжённых ишаками повозках или тащивших их за собой, схватив за оглобли.

Было, также любопытно наблюдать, как жители ближайших кишлаков, вышедшие в ожидании подъезда автотранспорта, сбивались у дороги в отдельные группы по половому признаку.

Мужчины, всегда пребывали стоя, некоторые провожавшие, держали за узду своих ишаков. Они с интересом и, в основном, доброжелательно, глядели на шурави.

Женщины же, неуклонно и повсеместно, привлекавшие повышенное внимание советских солдат, садились в тесный круг, на расстоянии более десяти метров от мужчин. Незамужних и, тех, что были помоложе, всегда располагали спиной - к мужчинам, к дороге, и уж тем более к шурави, хотя в моменты, когда внимание со стороны блокстителей к ним ослабевало, они украдкой, с любопытством, посматривали в сторону иноземцев.

При подходе новых людей, они, как по команде, резко встали, и, также дружно, сели. Все, без исключения, женщины были облачены в разные цвета, паранджи. Голубой, в котором предстали изящные фигуры дам молодого и среднего возраста - превалировал, а тёмные тона - бордовый и темно-синий, был в меньшинстве - на грузных и невысоких женщинах преклонного возраста.

Дождавшись подъезда бурбухайки - ряженного и расписного, как хохломская роспись, старо-древнего, навьюченного горой поклажи, автотранспортного средства, весь народ набился в него до предела и тихонько поехал.

На подъезде к Кундузу, число придорожных ветхих деревянных лавок, с выстроенными в ряд бутылками Кока-Колы и Фанты, увеличилось, как и высыпающих на дорогу, афганских пацанят, от стоящих без штанов, чумазных младенцев, не умеющих ещё говорить, до тринадцати, четырнадцатилетних юношей.

При виде советских солдат, каждый из них считал своим долгом сделать характерный жест – вытянув руку, поднять большой палец и выпрямить мизинец, что означало – «чарса купить не желаете?!».

При въезде в Кундуз по обе стороны дороги, друг за другом, тянулись одноэтажные, за редким случаем, двухэтажные обветшалые здания и, размещённые в них, большое количество лавок, дуканов, чайхан. У входов стояли их хозяева – пуштуны, таджики, сикхские индусы, этнические арабы, узбеки, а хазарейцы, в основном, занимались обслугой.

От расположенных в торговом ряду чайхан, исходил ароматный запах тандырных лепёшек и, приготовленного на углях тлевшего хвороста, шашлыка и кебаба. Хворост, покупался тут же на улице, фашины завешивали по обратную сторону чаш, на которых вместо весов клались гладкие камни. Железные весы были в дефиците.

На знаменитом кундузском кругу была толчея из бурбухаек, навьюченных животных, мотоциклистов, стоявший на постаменте регулировщик движения в белой форме с аксельбантами и фуражке с приподнятой тульей, активно жестикулировал и дул в свисток.

Едва успев внюхаться во вкусные запахи, но не успев выделить слюну, колонна, на большой скорости промчала через Кундуз и направилась в сторону Ханабада.

При движении по трассе «Кундуз-Файзабад» колонна полковой техники подверглась вооружённым нападениям, подрывам на противотанковых минах и фугасах. Мятежникам удалось вывести из строя свыше десятка единиц бронированной и автомобильной техники.

Несмотря на это, к позднему вечеру текущих суток, разведрота достигла, заданного рубежа в долине Дарайи Вахши уезда Кишим, запланированного под площадку подскока транспортных вертолётов Ми-8МТ. Отсюда, с восходом солнца, предстояла погрузка на борта и вылет десантных групп в район горного этапа операции.

После ночёвки на бронетехнике, демонтажа с башен БРМ-1и БМП-2, крупнокалиберных пулемётов ДШК и автоматических гранатомётов АГС-17 с треногами, усиливавших огневую мощь десанта, разведрота высадилась в горном районе долины реки Машхад. Экипажи машин остались ждать их возвращения на месте.

Высадившись первой, разведрота сокрушила группу мятежников и захватила «духовский» склад с оружием. Боеприпасы взорвали, а трофей распределили среди

личного состава. Дополнительно, к штатному оружию и демонтированному с брони тяжёлому вооружению – ДШК и АГС-17, добавились трофейные ДШК, ручные противотанковые гранатомёты РПГ-7, китайские АКМ-47, английские винтовки «Ли-Энфилд» и «Ли-Мэтфорд», имеющие, также название «БУР». Ко всему вооружению были коробки со снаряжёнными лентами.

Через трое суток дневного передвижения и ночёвок, физические силы разведчиков и, запасы питьевой воды были на исходе. Взвод, в котором, разведчиком-пулемётчиком служил Костёр, восходил на вершину последним.

В замыкании идти было всегда тяжелее, преодолевая последние сто метров, Иван услышал хорошо знакомый голос, напевавший стихи из старой лагерной песни: «Машины не ходят туда, бредут, спотыкаясь, олени».

Костёр поднял голову и увидел, сидевшего сверху на большом валуне и свесившего ноги, довольного Сидора. Разозлившись, он набрал в лёгкие, как можно больше воздуха и выдавил: «Сейчас я заберусь, и покажу тебе оленя».

- Не надо на меня базлать! – ответил Сидор, продолжив смеяться: ты ноги, побыстрее передвигай!

Когда Костёр взошёл на вершину, злость к Сидору, сразу куда-то улетучилась. Разве можно было злиться на Сидора? Несмотря на всеобщее изнеможение, Сидор, в отличие от других был свеж и пребывал в приподнятом настроении.

Увидев у Костра, растрескавшиеся в кровь губы, он сменил весёлость на серьёзный тон:

- «Братан! У тебя вода-то есть?»

- «Нет у меня воды!» – резко ответил Костёр.

- Да ты кипи! На вот, возьми – сказал Сидор и, достав из рюкзака полную фляжку воды, словно с барского плеча, передал Ивану.

- «Ого!» – изумился Костёр, но, прежде чем взять флягу, произнёс: Подумай! До следующей воды, поди, ещё долго, смотри не пожалей!

Костру было неловко, но он взял воду у Сидора. Предыдущей ночью, в его отсутствии, когда он нёс караульную службу, кто-то залез в его рюкзак и похитил две фляжки с водой.

Когда Костёр обнаружил пропажу, то волну поднимать не стал. Он начал пристально соглядатать за окружением,

стремясь заметить нетипичное поведение, которым бы злоумышленник сам себя выдал.

Наблюдение перешло к сидящим особняком на взгорке и снедавшим, дедам, в момент, когда Лепёха поднёс в общий котёл две фляжки с водой. Поймав глазами пристальный взгляд Костра, Лепёха понял, что подтвердил его подозрения и не смог скрыть свою егозу. Так Костёр установил для себя, кто причастен к краже его воды.

Доказанность вины в содеянном, грозили Лепёхе полной дискредитацией и изгнанием из разведроты, но к несчастью Костра, фляжки не имели характерных отличий, и поэтому о пропаже и своём подозрении, он никому не рассказал и аспиду Лепёхе, скабрёзный проступок сошёл с рук. Не упуская случая, напакостить молодым, увидев хорошее настроение и барский жест Сидора, он взбесился:

- Ты чего душара тут куражишься и воду разбазариваешь?

- Твоё какое дело? - ответил Сидор и, добавил: Моя вода! Что хочу, то и делаю! Захочу, так - вылью всю!

- А если ранен будет кто? Где мы воду будем брать?! - с этими словами, он торопливо подступил к Сидору сзади и ударил прикладом своей винтовки СВД в спину.

К удивлению друзей, Сидор, на это, лишь зло усмехнулся, никак не ответив и, не выдав эмоций, расслабленно остался сидеть на месте.

Дождавшись наступления темени и отхода обидчика по нужде, Сидор незаметно прокрался к месту его ночлега, переложил в сторонку его спальник, откинул постеленную под ним плащ-палатку, достал из кармана гранату Ф-1 и, выдернув кольцо, силой вдавил запалом в скальный грунт, зафиксировав на боевом взводе. Затем, обратно расправил плащ-палатку, потянув за углы, сгладил складки и вернул на прежнее место, лежавший поверх спальник, и удалился. Сидор был уверен - взорвавшуюся гранату примут за духовскую растяжку, оставшуюся незамеченной.

До самого утра, он не сводил глаз, со спавшего, застывшего в одном положении Лепёхи, ожидая, когда, наконец, тот сдвинется с места и прогремит взрыв.

Утром, с общим подъёмом, ничего не подозревавший Лепёха, начал свёртывать плащ-палатку в рулон. Оголив место, где лежала граната, он снял нагрузку со сжатой чеки, вдавленной в горную твердь, и послышался характерный щелчок.

За мгновение, Лепёха перевёл взгляд с гранаты на Сидора, и с Сидора на гранату, а затем прыгнул и, схватив, бросил её на дно ущелья.

Граната взорвалась в воздухе. Поняв, чьих, это рук дело, Лепёха, побледнел и, перезарядив свой АКС-74, дал очередь над головой Сидора. На лице Сидора не дрогнул ни один нерв, он был спокоен и испепелял взглядом напуганного Лепёху. На взрыв и стрельбу сбежались офицеры роты, но узнав суть произошедшего, оставили оргвыводы до прибытия в расположение.

Надо отметить, что в разведроту, Лепёха попал за месяц до прихода молодого пополнения, вследствие ротации в его бывшей роте, понёсшей большие потери. Он притворился мёртвым, оставшись лежать на поле боя среди погибших. А когда духи спустились на дно ущелья, стали добивать раненных и забирать оружие и, приблизились к нему, он вскочил и рванул вверх, петляя между валунами и, ускользая от длинных автоматных очередей.

Прошло двое суток. Ночью, неожиданно, выпал тонкий слой снега. Учитывая, что запасы воды были уже израсходованы, разведрота и приданные ей артиллерийские корректировщики и авианаводчики, сбитые в группы, начали организованно соскабливать с валунов и каменистой осыпи снег, и сваливать в имеющиеся ёмкости.

За час, Костян, Руст, Стрела, Монгол, Костёр и Сидор, вместе с солдатом – помощником офицера-арткорректировщика, наполнили до половины трофейный крохотный заварочный чайник, вскипятили на сухом горючем, оттаявшую бурю жидкость, бросили в неё пантоцид и, лимонную кислоту, пакетик заварочного чая, кусочек сахара – всё из сухого пайка и, встав всемером в круг, передавали следующему, сделав маленький глоток.

Солдат-арткорректировщик, до которого дошла очередь, по виду, на много старше других срочников, вероятно призванный в СА, уже после института, пылко произнёс: «Эти горы, этот чайник и этот наш круг, мы будем помнить всю свою жизнь».

Задачи горного этапа были уже решены, разведрота, заняв очередную высоту, ожидала прилёта вертолётов и обозначила своё месторасположение оранжевыми дымами – сигнальными ракетами с оранжевым дымным следом. Вскоре, зависшие низко, Ми-8МТ, погрузили разведчиков и трофейный арсенал и покинули район.

На площадке подскока, уставший от переходов, десант ожидали экипажи бронетехники, приготовившие ёмкости с

питьевой водой и горячий обед. Разведчики помылись, приняли пищу и продолжили марш дальше на восток в район Сар-Э-Санг уезда Джарм.

К вечеру того же дня, разведрота прибыла на место новой площадки подскока. До начала сумерек, старший лейтенант Налётов изучил рельеф местности и решил, в примыкавших к извилистому сухому руслу реки, стволами вперёд, спрятать восемь единиц ротной бронетехники, вернув на их башни, демонтированные, на время горного этапа, крупнокалиберные пулемёты ДШК.

- Ваша БРМ-1 встанет здесь - приказал Налётов Капусте, указав на ближайший к предгорью овраг и пошутил: если ночью пойдут духи, с вами, точно, не разминутся.

И взяв с собой нового ротного Петрова, пошёл ставить задачу другим экипажам.

Разведчики распределили часы ночной караульной службы - одни легли спать, другие, сразу же приступили к несению дежурства. Первые часы после отбоя, по обыкновению, выбрали старослужащие.

Была промозглая ночь. В экипаже под командованием старшины Капустина, из молодых были Стрела и Монгол. На этой же машине, остался новый ротный Петров, вернувшийся после обхода позиций роты с Налётовым и, занявший для отдыха один из десантов БРМ-1.

Минула полночь, пришла очередь молодых. Монгол, отстояв свои два часа, с трудом растолкал Стрелу:

- Стрела, вставай! Теперь твоя очередь!

Стрела, смочил водой из фляжки глаза, достал из разгрузки целиком снаряжённый магазин, заменил им частично израсходованный и заступил «на фишку».

Первый час дежурства, он кружил у БРМ-1, меняя направление движения. Чтобы не замёрзнуть и не клониться в сон, время от времени, приплясывал и приседал. Когда начал моросить мелкий дождь, Стрела забрался на башню БРМ-1, накрылся с головы плащ-палаткой, и, заняв место наводчика-оператора, свесил ноги в люк.

Чтобы, чем-то себя занять и не заснуть, он взялся за ручку крупнокалиберного ДШК, закреплённого на треноге к башне, и стал водить его тяжёлым стволом, из края в край, считая количество раз. При достижении цифры «девяноста пять», его глаза сомкнулись, и он медленно припал головой к ручке пулемёта.

Внезапно, как ударом тока его пробудило, то ли фырканье лошади, то ли рычание верблюда, но он широко раскрыл глаза и увидел перед собой в туманной дымке, проходивший мимо, и не заметивший советской бронетехники, духовский караван, состоявший из более, чем из трёх десятков вьючных животных – верблюдов и лошадей в сопровождении двадцати вооружённых духов.

Наудачу Стрелы, механизм пулемёта был на боевом взводе, и сразу, был им применён. Непрерывным кинжальным огнём из ДШК в упор, фронтально и косоприцельно, Стрела укладывал в штабеля, стиснутых в тесном пространстве сухого русла, мятежников и несчастных животных, пока не закончилась лента. В мгновение, «со всех стволов», к расстрелу каравана присоединились – Капуста из пушки БРМ-1 и башенного пулемёта ПКТ, Монгол и разведчики из соседних машин.

Когда же огонь прекратился, и наступила тишина, к БРМ-1, с которого, накалив докрасна ствол, из ДШК поражал Стрела, первым подошёл Сидор. Он был в шлемофоне, обмотан пулемётной лентой, с ПКМ наперевес и припевал:

«Я начинаю нервничать, ведь нервы не сучок,
Я нажимаю ласково на спусковой крючок,
И хладнокровно трассеры по воздуху летят,
И я хочу того же, чего они хотят!» (автор Валерий Петряев)

– Ну, ты Стрела и намолотил! Аж целую кучу! – прокомментировал Сидор и, отстранившись для осмотра последствий стрельбы, снова пропел:

– «Такая тишь над городком, таким покоем дышат дали...» (ст. Э.С.Калмановского муз. М.Л.Матусовского)

– Осмотреть содержимое каравана! – скомандовал Налётов.

Рота, предвкушая поживу трофеем, стала активно вскрывать все кули и корзины, но к всеобщему разочарованию, за исключением оружия, которым были вооружены сопровождавшие, иного, в караване не оказалось. Но, было обнаружено большое количество горного камня с сине-фиолетовыми вкраплениями, о чём сразу было доложено в штаб 40-й Армии в Кабул.

Утром на месте ликвидации каравана, пребывавшие в приподнятом настроении, начальник разведки капитан

Прохоров, бывший и действующий командиры разведроты Налётов и Петров, построили личный состав.

- Объявляю всему личному составу благодарность! Командиру роты старшему лейтенанту Петрову, рекомендую - тут, он замялся и, обращаясь к Налётову, спросил: где этот боец?

- Рядовой Стрельцов выйти из строя! - приказал Налётов.

- Есть выйти из строя! - чётко ответил Стрела и, выйдя, повернулся лицом к строю.

- За своевременное обнаружение, решительность и умелые действия при ликвидации вражеского каравана, рекомендую рядового Германа Стрельцова представить к правительственной награде - медали «За Отвагу».

Затем, капитан Прохоров провёл подобный ликбез о захваченном в караване грузе:

- Товарищи разведчики! Довожу до вашего сведения: В забитом вами караване отряда партии «Исламское общество Афганистана» Бурхануддина Раббани, перевозился добытый в недрах «Сар-Э-Санг» афганский лазурит. Замечу! Лучший, по качеству в мире!

Отсюда, из уезда Джарм провинции афганский Бадахшан, отряды Ахмад Шаха Масуда и Абдула Халеда Басира, контролирующие добычу лазурита, через перевал Дора, транспортируют его на сопредельную территорию - в долину Читрал в Пакистане, а оттуда, он переправляется в Пешавар.

Там лазурит извлекают из скальной породы, обрабатывают, а затем продают по всему миру. Средства, вырученные от продажи, лидеры исламских партий направляют на вооружение, а следовательно на дестабилизацию военно-политической обстановки в Афганистане.

Когда начальник разведки закончил свою речь, новый командир разведроты Петров распустил строй. Старшие призывы тут же разошлись, горделиво проигнорировав поздравления в адрес молодого, а Лепёха, проходя мимо, недовольно поглядел на Стрелу искоса.

Первым, Стрелу поздравил Капуста:

- Молоток! Шаришь!

Потом подошли обрадованные успеху товарища: Костян, Рус, Монгол, Костёр и Сидор. Глядя на довольного Стрелу, Сидор с улыбкой отметил: «Как Христос - и спокоен, и тих».

Для Стрелы и Монгола, караван был настоящим боевым крещением.

Посмотрев, на сложенный в сторонке груз с лазуритом, Петров не удержался и спросил Налётова:

- На какую, интересно, здесь сумму?

- А зачем нам это знать?! Наше дело военное - вой себе! - не задумавшись, ответил Налётков.

В полдень из Кабула прибыли три «коровы» - транспортных вертолёт Ми-6 с группой офицеров афганского министерства госбезопасности, которые с ужасом осмотрели последствия боя, а затем попросили разведчиков загрузить весь трофей с каравана на борта и убыли.

Спустя час с позиций снялась и разведрота. Она возвращалась с операции, продвигаясь сначала на запад, к населённому пункту Кишим, а затем планировала повернуть строго на север и, выйти на трассу «Файзабад-Кундуз».

Первой в колонне, поднимая клубы пыли, неслась БРМ-1 командира старшего лейтенанта Бориса Налётова с тремя членами экипажа и пятью разведчиками на броне, среди них были: заменщик Налётова - старший лейтенант Петров, старшина роты прапорщик Геннадий Киселёв и трое старослужащих - сержантов.

Второй - шла БМП-2, в которой, командирское место занимал начальник разведки Василий Прохоров, на броне этой машины из молодых, находились: Сидор, Костёр и Руст, а за ними двигались все остальные.

Едва колонна проехала Кишим, как сидящие на броне БМП-2, ехавшей в колонне второй, внезапно были оглушены мощным взрывом. На их глазах, впередиидущая БРМ-1, взлетела на воздух, а они были закиданы фрагментами человеческих тел и обрызганы кровью, в ушах громко гудело. Над объятый пламенем БРМ-1 поднялся высокий чёрный гриб.

После подрыва командирского БРМ-1, по колонне с двух сторон был открыт плотный огонь. Наводчики операторы нырнули в люки и открыли огонь из башенных пушек и пулемётов. Находящиеся на броне разведчики, спрыгнули и прильнули к каткам, усилив ответный огонь штатным оружием.

Начальник разведки сразу же запросил помощь авиации. Через двадцать минут, после обработки Ми-24 НУРС-ами по примыкавшим к трассе, глинобитным

развалинам, мятежники отступили и стрельба прекратилась.

Произошедшее произвело на молодых разведчиков тяжёлое впечатление. Фрагменты тел и личное оружие погибших, отброшенные на много метров, подобрали. Тела погибших сложили в несколько плащпалаток и вместе с ранеными эвакуировали вертолётами Ми-8МТ.

Раненные при подрыве - один разведчик, скончался в госпитале на следующий день, а старшина роты прапорщик Киселёв, через неделю. Потери разведроты при подрыве составили восемь человек убитыми.

По прибытию в полк, с наступлением утра, Капуста, и взятые им Руст, Сидор, Костёр, Костян, Монгол и Стрела привезли из гарнизонного морга восемь цинковых гробов с погибшими товарищами для прощания у палатки роты перед их отправкой на «чёрном тюльпане» на Родину.

Была непогодица +12С, тихо падал снег и, ложась на цинковые гробы с окошками, установленные в ряд на табуретках, тут же таял. Разведрота построилась для прощания с товарищами и ждала подхода командования полка. Командиры взводов Демичев и Викулов стояли особняком и негромко что-то обсуждали.

«Идут» - предупредил кто-то из строя, и офицеры роты, спешно поправив на себе форму, тут же повернулись в сторону, откуда подходили командир полка подполковник Остроумов и начальник разведки капитан Прохоров. При их приближении старший лейтенант Демичев громко скомандовал:

- Рота, Равняйся! Смирно! Равнение на середину!

И строевым шагом направился к командиру полка на доклад:

- Товарищ подполковник! Личный состав разведывательной роты для прощания с погибшими построен!

И, доложив, повернулся и стал рядом с комполка лицом к строю.

Вольно! - дал команду командир полка Остроумов и с горечью в голосе, произнёс краткую прощальную речь:

- Товарищи разведчики! Сегодня мы прощаемся с нашими боевыми товарищами - старшими лейтенантами Налётовым и Петровым, старшиной роты прапорщиком Киселёвым и пятью разведчиками - они, пожертвовав своими жизнями, с честью выполнил свой воинский и интернациональный долг, и навечно останутся в наших сердцах. Пусть земля им будет пухом.

После Остроумова выступил начальник разведки Прохоров. В его глазах проступили слёзы, ведь за время совместной службы со старшим лейтенантом Борисом Налётовым, он не однажды попадал в сложные передраги, но выходил с минимальными потерями. Он был ещё более краток:

- Товарищи разведчики! - сказал, он, с дрожью в голосе: сегодня у нас тяжёлый день - мы скорбим о погибших наших товарищах. Вечная им память!

- «Явилось начальство, пришёл капитан и вечную память пропели» - тихо напел, стоявший в строю, Сидор. («Раскинулось море широко» стихи Зубарев Г.Д.)

СИДОР и КОМАНДИРСКАЯ КОЛБАСА

Кундуз 1985 год.

Первые месяцы службы в Афганистане.

Воскресенье март 1985 года. Костян и Сидор вышли из столовой и разговорились. За беседой, они по кругу обходили, разделенную на три строения, полковую столовую.

В тыльной части строений, за распахнутыми дверями одного из служебных входов, их внимание привлёк повар офицерской столовой, который, достав у них на глазах из холодильника овал колбасы, начал её ловко нарезать.

В Афганистан мясные продукты доставляли в консервированном виде, и колбаса была исключительной редкостью. Костян, не придав значения увиденному, в отличие от Сидора, который унёсся мыслями в другое место и потерял интерес разговору. Заметив это, Костян хлопнул его по плечу и удалился.

Утром объявили полковое построение, на котором командир полка А.И. Остроумов дал оценку действиям полка в завершившейся армейской операции, отметив особо отличившиеся подразделения. Завершив официальную часть, командир перешёл с серьёзного тона на свободный и начал рассказывать случай, приключившийся с ним прошлой ночью:

«Месяц назад, я попросил отъезжавшего в отпуск в Союз зампотыла полка навестить мою семью. Просьбу мою он выполнил, заодно, передав мне, вместе с письмами, гостинец - приготовленную женой домашнюю колбасу. Желая угостить заместителей, да и самому поесть, я передал её повару офицерской столовой, попросив, чтобы подал на

стол к ужину. За вечерним столом, обсуждая с заместителями ближайшие задачи, я совсем забыл о домашней колбасе.

Прошедшей ночью, я решил пройтись по палаткам подразделений и проверить, как отдыхает личный состав полка. Обходя палатки, одну за другой, добрался до расположения разведывательной роты. Разведчики уже отдыхали, а у обогревавшей палатку раскалённой буржуйки, вороша кочергой угли, истопником сидел молодой солдатик».

После этих слов командир полка направил взгляд на строй разведывательной роты: «Ну, где ты там, покажись нам! Разведчик, выйди из строя!» Из заднего ряда, сделав три шага вперёд, вышел и повернулся лицом к строю Сидор.

Опустив голову, он с трудом сдерживал смех. Командир полка продолжал: «В одной руке у него, значит кочерга, а во второй огромный такой бутерброд с уложенными сверху нарезанными кусочками колбасы. А он ещё меня не видит. Я незаметно приблизился из-за спины и, положив руку на его плечо, тихо спросил:

«Сынок! А ты колбасу-то, откуда взял? А он, повернулся вполоборота и, глядя на меня честными глазами, ответил: Нашёл». После непродолжительной паузы, обращая свой вопрос к личному составу полка, командир спросил: «Так скажите мне! Где в Афганистане колбасу найти можно?» Полк хором захохотал. Сидор вернулся в строй, и с этого дня, он стал известной в полку личностью.

ПАНДЖШЕРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ июня 1985 года

Пишгор. Панджшерское ущелье июнь 1985 года. Поздний вечер 22.30. Временная ставка Панджшерского фронта.

На горной террасе в одноэтажном строении, в плохо освещённой комнате, застеленной верблюжьим ширдаком, сложив по-турецки ноги, сидело, более тридцати моджахедов – шло заседание Наблюдательного совета Панджшерского и Северо-восточного фронтов, обсуждался вопрос о боевом слаживании. Докладывал – полевой командир Сафиулла-хан из Панджшера:

– «БисмиЛляхи Рахмани Рахим! – начал он истово с Басмалы – Вчера, отряд наших моджахедов провёл успешную операцию по захвату одного из пяти гарнизонов правительственных войск в Панджшерском ущелье в Пишгоре

- речь идёт о батальоне «Коммандос» Министерства госбезопасности общей численностью в 450 военнослужащих.

Операция по захвату гарнизона состояла из нескольких этапов. Сначала, на протяжении месяца мы методично распространяли листовки со списками фамилий военнослужащих батальона и именами их членов семей с угрозами неминуемого возмездия. Дополнительно к этому, внутри гарнизона, наши люди сеяли панику, подстрекали к саботажу и вспышке мятежа.

В дальнейшем - за две недели до захвата, мы отрезали гарнизон от поставок продовольствия и горючего, и привели в негодность каналы электроснабжения. Стало расти недовольство среди личного состава, тем самым были созданы предпосылки для проникновения и бескровного захвата гарнизона.

На заключительном этапе наша артиллерия нанесла удары по сторожевым заставам, расположенным на высотах, господствующих над Пишгором и провела массированный обстрел гарнизона из миномётов, после этого начался штурм.

В ходе штурма - командир гарнизона, его заместитель и заместитель начальника центрального корпуса вооружённых сил ДРА генерал-майор Ахмад Ад-дин, находившийся в тот момент в Пишгоре, оказали вооружённое сопротивление и были убиты.

Правительственная делегация в составе 11-ти человек, накануне прибывшая из Кабула в Пишгор и 150 военнослужащих батальона «Коммандос» - офицеров и солдат, сохранивших верность официальной власти, были арестованы и конвоированы нашими моджахедами в другое место.

По итогам боя было подбито 4 танка, захвачено - 400 автоматов АКМ-47, 10 миномётов, 4 артиллерийских орудия, 12 радиостанций, 6 автомобилей, значительный запас продовольствия и обмундирования.

Выслушав все доклады, итоговое слово взял Ахмад Шах Масуд:

- «БисмиЛляхи Рахмани Рахим! С взрывами складов в гарнизоне Руха и захватом гарнизона в Пишгоре, шурави, неминуемо начнут войсковую операцию в Панджшерском ущелье.

Первоочередная задача - гуманитарная, она состоит в эвакуации жителей долины с особо опасных участков.

Главной военной задачей Панджшерского фронта, вижу удержание второстепенных ущелий, прилегающих к главной долине. Для этого необходимо использовать огневую мощь наших опорных пунктов, сочетая с внезапными нападениями мобильных групп на растянутые по долине силы Советских войск - в тыл и с флангов, минировать дороги и устраивать завалы, склонив их к прекращению операции.

Следующее утро. Аэродром Кундуз. Погода была ясной. Десантные группы услышали гул запущенных двигателей и свист раскрутившихся лопастей Ми-8МТ и, погрузившись на борта, полетели в район операции.

Разведрота высадилась в верховье Панджшерского ущелья на одной из высот в районе населённого пункта Пирьях - юго-восточнее Пишгор, её задача состояла в недопущении стягивания атакующих мобильных групп противника из второстепенных ущелий к главной долине.

Головной дозор - Капуста, Стрела, Сидор и, Костёр с пулемётом в замыкании, вёл за собой основную группу - командира роты капитан Середу, приданного разведроте, штатного переводчика полка с языка дари старшего лейтенанта Абдулло Кодирова, Лепёху, Монгола, Руста, тарджимонов Ахмедова и Курбанова, командиров взводов Демичева и Викулова и, остальную часть разведроты. В замыкании шёл пулемётчик Костян. Рота двигалась по оврингу, опоясывавшему крутой склон горы.

Пройдя некоторое время в пути, дозор натолкнулся на пещеру-склад. О недавнем присутствии в ней мятежников свидетельствовали тлевшие угли очага, горячий чайник и приготовленная еда.

В глубине пещеры Костян и Стрела обнаружили двадцать английских винтовок Ли-Энфилд и Ли-Мэтфорд - «Lee-Enfield» & «Lee-Metford», больше известных со времён англо-бурских войн (1880-1881, 1899-1892) как «БУР» с солидным запасом патронов калибра 7,74, а также два крупнокалиберных пулемёта ДШК и к ним несколько коробов со снаряжёнными лентами.

- Оружие и боеприпасы уносим с собой! - приказал капитан Середа. Руст, стоявший особняком у дальнего ящика начал доставать из него БУРЫ и обнаружил лежавшую среди винтовок чёрную лаковую коробку с серебристым теснением ВЕРЕТТА 92. В миг, поняв, что это, дабы избежать лишнего ажиотажа, быстро запихнул коробку за пазуху своего горника.

Весь пещерный арсенал разведчики забрали с собой, часть боеприпасов взорвали. Трофей шёл в копилку боевой деятельности разведроты, поэтому пришедший на место погибшего в Кишине старшего лейтенанта Леонида Петрова, новый командир разведроты капитан Середа, планировал показать его командованию полка, чтобы добиться для личного состава наград и поощрения.

Так, дополнительно к транспортируемым разведчиками - личному оружию, боеприпасам и тяжёлому вооружению - ДШК и АГС-17, с их телами и треногами, добавился трофейный арсенал. Оттого, на шеях и плечах разведчиков появились соединённые льняной верёвкой пары коробов от ДШК со снаряжённой лентой и, по паре винтовок БУР.

При переброске вертолётами на другую высоту, выпрыгнувшим с этим грузом, сложно было не то что встать, даже отползти в сторону и, прыгавшие следом сваливались им на головы.

После окончания высадки, капитан Середа указал роте на вершину, куда надлежало взойти. Молодым разведчикам, загруженным горю оружия её достижение казалось невероятным. Ближайшей их задачей после высадки было просто встать, а уже потом, не думая - можешь или нет, взбираться в гору, неся на себе тяжёлую поклажу.

В эти часы, они спиной чувствовали, прикованные взгляды стариков, наблюдавших за их преодолением. Одно дело дерзнуть в палатке, другое показать себя в горах.

Твёрдой поступью, выдерживая темп, размеренно - за шагом шаг, тысячу раз, молодые разведчики повторяли про себя заученную в учебке фразу: «Врёшь, не возьмёшь!», - и медленно поднимались в гору. В минуты общего привала, не садились, ибо понимали - если сядут, встать, и, идти потом будет значительно тяжелее.

Посему, в минуты короткого отдыха, поставив БУРЫ прикладами на горную осыпь, подав тело вперёд, чтобы распределить тяжесть груза, с ног на спину, опирались ладонями о горную кручу, и отдыхали отведённое время, стоя. А уже к вечеру, добравшись до конечной, походного дня вершины, скидывали с себя рюкзак, коробка, БУРЫ и личное оружие и, отдыхали без задних ног, запрокинув назад голову.

Поход следующего дня был таким же продолжительным и трудным, но, учитывая вхождение в ритм и привычку к переносимой тяжести, передвижение было существенно легче.

Фляжки разведчиков, к тому времени были уже пусты, а на пути испоредь встречались жёлтые лужи неизвестного происхождения – то ли не успевшие испариться дождевые осадки, то ли следы, опорожнившихся ишаков, но тогда это было неважно. Жидкость набирали во фляжки вместе с мутной тиной, бросали в неё дезинфицировавший пантоцид, лимонную кислоту из сухпайка и, спустя минуту, пили.

Следующим утром, оставив на высоте один взвод с лейтенантом Викуловым, командир разведроты Середа, приданный роте штатный полковой переводчик с дари старший лейтенант Кодиров и два взвода со старшим лейтенантом Демичевым, спустились в долину для разведки местности и набора воды. Когда подошли к каменистой стремнине реки Панджшер, капитан Середа громко предупредил:

– Воду много не пить, иначе будет тяжело идти!

– Духи, это вас касается! – прогорланил Лепёха, недобро поглядев на молодых.

Руст, стоявший выше всех по течению, не спеша помыл руки, потом лицо, и стал было, набирать, в сложенные ладони, воду для питья, как вдруг заметил её багряный цвет. Он стряхнул ладони, привстал, и посмотрел вверх по течению.

– Товарищ капитан, смотрите! – воскликнул Руст, показав рукой на воду.

Все враз перевели взгляд вверх по реке, нёсшей в бурном потоке по всей ширине русла огромное количество тел расстрелянных афганцев, которые переворачивались, накоротке цеплялись за валуны, наваливались друг на друга и проплывали дальше.

– Это афганский батальон «Коммандос», уведённый людьми Ахмад Шаха из захваченного гарнизона в Пишгоре – с досадой произнёс Середа, добавив, – вот они и отыскались!

Разведчики были огорошены, но расспрашивать командира роты не стали и, дождавшись, пока течение унесёт тела, набрали во фляжки воду и покинули урез.

Пройдя по долине, они вышли на местность, где столкнулись с не сочетавшимися друг с другом глинобитными постройками брошенного афганского кишлака и волейбольной площадкой.

Складывалось впечатление, будто команды, надясь завершив игру, удалились в раздевалку. Весь инвентарь, скамейки для игроков и наблюдателей, судейская вышка и

не снятая со стоек сетка, были в свежем состоянии. Разведчики поняли – это духовская база.

У глинобитной постройки, служившей им казармой, стояли десять, привязанных к жердине ишаков, а обок на пажити, пощипывая траву, медленно перетекала отара из двадцати овец, судя по всему, предназначенная, для снелания. Учитывая, что к завершению третьего дня этапа операции, сухой паёк, был уже съеден, ответ на то, – что будем, есть? – был найден.

– Товарищ капитан, неплохо было бы свежего мяса поесть – предложил, Капуста, не отводя взгляда от овец.

Вмале поразмыслив, ротный согласился:

– Кто у нас умелец по свеживанию овец? – спросил Середа.

– Тевс Константин – воскликнул Сидор, добавив: он из южного Казахстана и мастерски этим владеет.

– Кодиров, берёшь рядового Тевса, ловите некрупного барана, быстро свеживаете, и покидаем местность – приказал Середа переводчику.

– Товарищ капитан! А почему некрупного-то?! – недовольствовал Лепёха, – давайте наоборот – дебелого! Не мы, так, духи их съедят.

Костян, попросил Монгола достать из санитарной сумки, смотанную в круг, силиконовую трубку от капельницы и сделал два отрезка.

Попытки догнать и схватить, хоть какого-то барана, успехом не венчались, отара ускользала, уводя за собой вглубь ущелья и, удаляя от сил роты.

Отчаявшись поймать руками, Кодиров прибег к помощи оружия, выстрелив из своего АКМ-47 с ПВС – глушителем для бесшумной стрельбы в хвост отары. Когда они с Тевсом подошли ближе, то увидели, что подстрелили самого крупного барана. Успев, выпустить кровь, уложили животное на спину и, Костян приступил к свеживанию.

Сноровистым движением ножа, он сделал надрезы в обе нижние части бараньей голени и, вонзив под шкуру трубку от капельницы, начал в каждую вдвигать ртом воздух.

Баран стал быстро надуваться, собранный под шкурой воздух отделил её от туши. Легкими похлопываниями, Костян, равномерно распределил воздух по всей туше и, спорко, острым лезвием ножа, отделил шкуру от мяса.

Внезапу, послышались, бьющие издали, одиночные выстрелы, спешно переросшие в короткие очереди. Кодиров и Костян, живо сообразили – открытая местность не позволит им дотянуть до рубежа, где осталась ждать

рота, и без слов, рванули к ближайшему укрытию, находившемуся в ста пятидесяти метрах, но в противоположном направлении.

Они бежали, крепко держа за ноги барана, но когда огонь духов достиг высокой плотности, и, стало ясно, что с грузом не добежать, Кодиров крикнул - «Бросай барана!»

Костян разжал пальцы, и понёсся со своим ПКМ наперевес, к порубежному дувалу, уже налегке. Забежав за угол, он стоял, наклонясь, упёршись ладонями в колени, стараясь отдышаться, ожидая появления Кодирова.

Но того, всё не было. Зачув неладное, Костян выглянул из-за дувала и увидел, как за клубами садившейся пыли, поднимал руку, лежавший, раненный Кодиров.

Оценив обстановку, вобрав в лёгкие больше воздуха, порато срываясь на короткие перебежки, падая и переворачиваясь, Костян по-пластунски, дополз до Кодирова.

По ползшим на открытой местности в укрытие, шурави, духи били с двух сторон. Для недопущения достижения ими рубежа основной группы, разделявший их участок активно простреливался. Основную группу разведчиков, пытавшуюся прийти на помощь товарищам, духи сдерживали устойчивым огнём, не давая высунуть головы.

Когда Костян и Кодиров заползли за полуразрушенную глинобитную стену, возникла кратковременная пауза, позволившая Костяну, осмотреть рану и вколоть промедол.

- Ну что там? - выдавил занемогший болью Кодиров.

- Пуля вошла в поясницу и спряталась глубоко - констатировал, осмотревший пулевое отверстие Костян и, вынув из рамочного приклада своего АКС-74 индивидуальный перевязочный пакет, быстро наложил повязку.

Меж тем, к заблокированным от основных сил, Кодирову и Костяну с противоположных склонов, петляя промеж валунов, стали стягиваться духи.

Костян, притиснул приклад своего ПКМ к плечу и, прицельно, экономя патроны, поражал цели короткими очередями.

Сдерживаемая, духовским огнём, основная группа, вела непрерывный огонь по подножью, не давая духам сойти со склонов и взять офицера и разведчика в плотное кольцо.

Командир разведроты Середа вызвал на помощь авиацию. Через 20 минут прилетели две пары боевых Ми-24 и стали обрабатывать ближайшие склоны реактивными снарядами. Это повергло духов бегство.

Когда удары по целям были отработаны, огонь стих. Вскоре под прикрытием пары Ми-24 в долине приземлился вертолёт Ми-8МТ, и переводчика Кодирова эвакуировали в госпиталь. Не возвращаясь за бараном, разведчики пополнили фляжки водой и вернулись на удерживаемую высоту.

Прошло двое суток. Шёл третий этап операции.

Панджшер, поражал своим величием. В дали, под куполами плывших белых облаков, горделиво возвышались заснеженные вершины Гиндукуша, а плавно паривший в потоках тёплого воздуха, огромный беркут, длиною в метр и размахом крыльев - в два с половиной, вызывал у разведчиков взбуждение. Лепёха взял орла на прицел своей снайперской винтовки.

- Не надо этого делать! - предостерег, стоявший рядом Монгол - Орёл творец земной тверди, его истребление предвещает пагубу.

- Плевал, я на ваши шаманские запуски! - надменно произнёс Лепёха и, точным выстрелом, сразил птицу.

Монгол покачал головой, но промолчал.

Стемнело. Рота, распределив время караульной службы, легла на отдых. Неожиданно тишину нарушила серия приглушённых взрывов где-то внутри горы.

- Что это?! - поинтересовался лейтенант Викулов у капитана Середы.

- В этой местности добывают бериллы, похоже, взрывают горную породу - предположил Середа.

- Что добывают? - переспросил Викулов.

- Изумруды! - уточнил Середа.

- Товарищ капитан - возбудился Викулов, после короткой паузы, - разрешите мне со взводом под прикрытием сверху до восхода солнца спуститься и разведать обстановку?

- Игорь! - раздражённо, обратился Середа к Викулову - я понимаю, у солдат, вечно шило в заднице, но ты-то, офицер опытный и повидавший! Ты что, приключений на задницу найти хочешь?!

- Да я не за бакшишами! - оправдывался Викулов: Подумайте! Стали бы горняки рвать породу, зная, что в этот момент, над их головами, находятся шурави?

Конечно, нет! Поэтому мы, непременно, застанем их врасплох, глядишь и, трофеев возьмём.

- Разработку изумрудов ведут люди Ахмад Шах Масуда, это крайне опасная затея! - предостерег Середа, но подумав несколько секунд, сказал - Хорошо! Обязательно возьми опытных бойцов и пару пулемётчиков. Мы вас прикроем сверху.

Отдохнув немного, за два часа до рассвета, лейтенант Викулов, Капуста, Лепёха, Сидор, Монгол, Руст, Костян, Костёр, тарджимоны Ахмедов и Курбанов с личным оружием быстрым шагом, но нешумно, стали спускаться в ущелье.

Когда до дна ущелья оставалось меньше пятидесяти шагов, они увидели полосы светящихся фар белого микроавтобуса, направленных на широкий вход в рудник и, что-то загружавших в него, пятерых, невооружённых людей, трое из которых были в европейской одежде.

- Крикни им, чтобы остались на месте - приказал Викулов Ахмедову.

Тот громко крикнул: Дар джоятон биистед!

Они обернулись, но увидев, спускавшихся к подножью шурави, быстро сели в микроавтобус и сорвались с места. Ход автосредства пресекли короткие очереди, по колёсам и в заднюю дверь.

Услышав их, Середа вышел на связь:

- Викулов! Что там у тебя за стрельба?!

- Товарищ капитан, задержали микроавтобус с людьми, они без оружия, быстро обыщем, допросим и отпустим. Если разрешите, поверхностно, не углубляясь, осмотрим штрек и назад.

- Давай недолго! - приказал Середа и вышел из связи.

Когда разведчики подошли к расстрелянному автотранспорту и направили свои стволы на сидевших в нём людей, то из салона спешно высыпали трое европейцев, горланивших что-то по-немецки, крепко напуганный водитель-афганец и статный азиат.

Последний был одет в традиционный перухан из дорогостоявшей материи тёмно-синего цвета и пуштунский головной убор в виде пилотки из серебристой каракульчи. Он был спокоен и держался с достоинством.

Микроавтобус TOYOTA, оказался мобильной геммолого-минералогической лабораторией, оснащённой современным западногерманским оборудованием.

В его багажном отделении были обнаружены геммологические микроскопы, измерительные приборы, разный геологический инструмент, карты местности, спальные мешки, консервированные продукты и портативные японские радиостанции Yaesu.

- Бойцы! Слушай мою команду! - громко приказал лейтенант Викулов - Стрельцов и Бадмаев, направили стволы на входную зону рудника! Тукаев и Тевс - встать за моей спиной и держать на прицеле задержанных! Костров и Сидоренко, наблюдать за противоположным склоном! Ахмедов и Курбанов, допросить водителя!

- Тевс! Ты же у нас немец?! Переведи, что они говорят! - приказал Викулов.

Костян коротко опросил немцев и доложил Викулову:

- Они утверждают, что маркшейдеры - горные инженеры из ФРГ, помогают панджшерцам разрабатывать руду - перевёл Костян.

- Пусть покажут свои паспорта! - потребовал Викулов.

Костян перевёл приказ лейтенанта, немцы сразу достали бордовые книжицы с изображением орла и передали Викулову.

- Товарищ капитан! - вышел на связь с Середой, Викулов - Мы взяли немцев - инженеров.

- Хорошо! - ответил Середа: не задерживайтесь, уходите!

Поколе, Викулов и Тевс занимались немцами, Ахмедов с Курбановым допрашивали водителя-афганца, Капуста осматривал салон подвижной лаборатории, а Костёр, Стрела, Монгол, Руст и Сидор держали кого-то под прицелом и вели наблюдение, Лепёха, заметив, внезапно нахлынувшую калгазу фешенебельного азиата, подвёл его к открытой задней двери автомобиля и, заставив положить ладони к крыше кузова, начал активно его обыскивать.

В ходе обыска азиат заёрзал и крепко схватил втиснутую в его внутренний грудной карман Лепёхину руку, не давая, что-то оттуда вынуть.

Разгневанный противодействием, Лепёха ударил его прикладом своего СВД в грудь и силой вытащил толстый кожаный бумажник с ярко-зелёной книжицей с надписью ISLAMIC REPUBLIC OF PAKISTAN PASSPORT и, приставив ко лбу ствол своего СВД, прошипел - Дар джоят бист! - что означало - стой, где стоишь!

- Товарищ лейтенант, у нас в руках пакистанец! - самодовольно доложил Лепёха Викулову, продолжая держать азиата под прицелом.

- Вот его паспорт! - он передал документ Викулову, а бумажник оставил себе.

Утратив интерес к пакистанцу, Лепёха оттолкнул его в сторону и начал шарить в багажнике микроавтобуса. Выбросив оттуда геологический инструмент, измерительные приборы и спальные мешки, он заметил в углу небольшой алюминиевый ящик габарита 40/30/20, связанный в петлях тонким тросом, скреплённым в кончиках сургучной печатью и, опломбированным.

На нём лежал большой плотный конверт, судя по всему с сопроводительными документами, также с сургучной печатью. Поживу заметил и надзиравший вназирку, Сидор. Почуввав большой куш, Лепёха пронзил пакистанца взглядом и, приняв его уструшни за подтверждение своей догадки, каверзно улыбнувшись, потянулся за ящиком.

Вшайрай, пакистанец резко бросился к багажнику, с силой оттолкнул Лепёху в сторону, приподнял плотный войлочный настил, достал, припрятанный под ним, АКМ-47 и дал по нему короткую очередь, враз, сосредоточив на себя огонь из нескольких стволов.

Лепёха схватился за живот и тихо застонав, завалился у заднего колёса микроавтобуса, абие войдя в агонию. Этой же очередью через заднюю дверь, зацепило, находившегося в салоне, Капусту.

Не выдержав драмы развязки, водитель-афганец, рванул по ущелью, но был настигнут короткой пулемётной очередью Костра.

- Этот готов! - констатировал Монгол, определив отсутствие у Лепёхи пульса на сонной артерии и, накрыв его с головой плащ-палаткой, перешёл к осмотру раны Капусты.

- Пуля прошла в сантиметре над сердцем, состояние ургентное! - сообщил Монгол Викулову.

Капуста хрипел и тяжело дышал. Монгол вколол ему промедол и сделал перевязку.

Викулов вышел на связь с Середой.

- Почему снова стрельба? - опередил его с вопросом, ротный.

- Товарищ капитан! У нас один двухсотый и один трёхсотый! - коротко доложил Викулов.

- Твою мать! - отреагировал Середа.

И, немедля, приказал четверым, ведущим на склоне наблюдение, разведчикам, взять две плащ-палатки и спуститься в ущелье для помощи в эвакуации раненного и убитого.

Тем временем, Викулов приказал Костру и Стреле держать немцев на прицеле, а Сидору и Костяну, крепко связать им руки.

- Уходим! - приказал Викулов.

Спустившиеся разведчики переложили обоих на плащ-палатки и, пустив вперёд, конвоируемых немцев, стали быстро поднимать их вверх. Цепь замыкал, забравший из микроавтобуса ТОУОТА, какие-то вещи и спальные мешки, Сидор.

Светало. Едва рота поднялась на высоту, капитан Середа вызвал вертолёт. Состояние Капусты оставалось критическим, рота была удручена.

- Товарищ капитан, до госпиталя не дотянет! Разрешите попробовать нашим методом? - обратился Монгол к Середе.

- Каким - вашим? - поинтересовался капитан.

- Шаманским ведовством - пояснил Монгол.

- Выбор невелик, пробуй! - согласился Середа.

Монгол сел рядом с неподвижным телом Капусты, снял с шеи кожаный шнур, удерживавший на запаянных по реверсу петлях, пять круглых, в пятикопеечную монету, медных «толи» - шаманских зеркал, обвил его до предела и отпустил. Пока толи вращались, Монгол молился духам, прося их о даровании Капусте жизни.

Затем, он достал из рюкзака фляжку с водой, и положил её на аверсы пяти толи. Спустя короткое время, Монгол вытащил толи, вытянул из петель шнур, положил все пять зеркал вдоль оси тела раненного Капусты, от горла до пояса, и, аверсом, каждой медной окружности, стал, поочерёдно прикладывать к ране Капусты, и, в таком же порядке, выкладывать их на земле.

После этого, он достал три среза коры кедра - каждая, размером в ладонь, разжёг их тремя разными спичками и, приподняв, одной ладонью, Капусте голову, замахами другой, стал задуть за шею кедровый дым.

Пока дым окуривал Капусту, Монгол приложил к зубам варган и, закатив глаза, лёгким касанием пальца, начал бой, издавая магические звуки - эй-я, ой-я, ай-я, ий-я.

В завершении, взяв в руки одну из головешек, тлевшего кедра, он три раза обвёл вокруг тела Капусты. Когда кедр догорел, Монгол собрал весь пепел, высыпал во

фляжку с водой и, приподняв Капусте голову, влил ему в рот.

Изневесть, вдали послышался звук приближавшихся вертолётов Ми-8МТ, разведчики пустили сигнальные ракеты с оранжевым дымным следом, обозначив своё место расположения.

В повисшие в воздухе вертолёты Ми-8МТ, едва касавшиеся колёсами горной тверди, разведчики погрузили погибшего Лепёху, раненного Капусту, трёх пленных немцев и трофейный арсенал, взгромождённый на гору, десятью вьюченными ишаками, уведёнными с духовской базы, и дабы ужотко не служили инсургентам, при отлёте, застреленными.

Вертолёты приземлялись на аэродроме Кундуза. Стоял июньский зной +40С. В окне иллюминатора были видны, ожидавшие на взлётной полосе, две «буханки» – медицинских УАЗ-452 и стоявшие – заместитель командира полка по политической части подполковник Скворцов и начальник особого отдела майор Семёнов.

Капусту, выгрузили первым. В этот момент, он пришёл в себя, и у разведчиков затеплилась надежда, что старшина выкарабкивается. За ним вынесли покойного Лепёху. Из других бортов начали выгружать трофейный арсенал и высадили пленных немцев.

Оттягивавший момент схода с борта и, остававшийся в числе последних, Сидор был всполошён, он понимал, что встречавшие на взлётной полосе, замполит полка и начальник особого отдела, это «про ящик». Он быстро прогнал в голове все варианты, и окликнул, впередистоявшего Викулова:

- Товарищ лейтенант! Я уходил с рудника последним и забрал из ТОУОТА баул с тремя духовскими спальниками. Вы же знаете цену спальникам в горах?! Когда же я взошёл на вершину, внутри одного из них обнаружил вот этот алюминиевый ящик и, какие-то ещё документы – Сидор протянул их офицеру.

Лейтенант приподнял ящик за ручку и, оценив его увесистость, с ухмылкой, сквозь густые русые усы, повторил, – обнаружил, говоришь?! Ну конечно же, он ведь совсем невесомый! Ладно, эквилибрист, потом всё расскажешь! – заключил Викулов. Сжав подмышкой ящик и, прихватив конверт с документацией, он спрыгнул с борта.

Пока шла разгрузка трофейного арсенала, Викулов, подошёл к стоявшим в сторонке и, ожидавшим дальнейших указаний, трём пленным немцам. Он всучил одному из них

ящик и, пригрозив пальцем, сделал наставление – «смотри не потеряй!», а конверт с документами оставил себе.

– А вы, следите, чтобы Ганс этот ящик, куда-нибудь не припрятал – иронично наказал Викулов, конвоировавшим немцев, Костру и Стреле.

Тем временем, капитан Середа раздал роте приказы и направился на доклад к замполиту Скворцову и особисту Семёнову, сразу попав под перекрёстный допрос и, начав оправдываться.

После недолгого разговора Середа приказал Костру и Стреле подвести к ним трёх пленных немцев, к которым на ходу каптировался и Викулов. Получив разрешение от старших по званию подполковника и майора, обратиться к капитану Середе, Викулов коротко доложил командиру роты о находке, объяснив также причину не позволившую ему в суматохе своевременно о ней доложить.

Подробно изложив суть событий, произошедших у рудника, он передал вышестоящим офицерам конверт с документами. Затем, Викулов бойко забрал из рук немца алюминиевый ящик и, положив на металлическое полотно взлётно-посадочной полосы, оттянул в стороны два тросика, скреплённые сургучной печатью воедино и, вскрыл его. Ящик был всклень наполнен зелёными камнями разного размера и формы.

Замполит Скворцов и особист Семёнов изумились трофеем, глядя на их радостные лица, капитан Середа с облегчением выдохнул.

Панджшерская операция июня 1985 года завершилась взятием большого количества оружия и боеприпасов. Потери в разведроте полка были минимальные.

ОПЕРАЦИЯ «МАНЁВР»

20 мая 1986 года, время 00.30.
Юго-восточная окраина Кундуза.

20 мая 1986 года, время 00.30.
Юго-восточная окраина Кундуза.

Была тёплая ночь +20С. К одному из домов кишлака Ибрахим-хейль съехались представители лидеров Исламской партии Афганистана ИПА Гульбетдина Хекматияра и партии Исламское общество Афганистана ИОА Бурхануддина Раббани и крупные полевые командиры – свыше двадцати человек.

На повестке дня стоял вопрос о взаимодействии отрядов двух ведущих исламских партий в предстоявшей крупной войсковой операции Советских войск по проводке колонн из Кундуза в Файзабад.

Первым, с докладом выступил полевой командир ИПА в провинции Кундуз пуштун Шамсутдин по прозвищу доктор Шамс:

- БисмиЛляхи Рахмани Рахими! Кундуз - крупнейший узел на северо-востоке! В большей степени, он контролируется нашими отрядами. Поэтому, мы считаем целесообразным, взять командование операцией в свои руки.

Ему возразил статный полевой командир ИОА узбек Мохаммад Марзбон по прозвищу Кази Кабир, также, прочитавший в начале Басмалу:

- Но восток провинции Кундуз, а также Тахар и Бадахшан, по которым пройдут советские колонны дальше, находятся под контролем отрядов партии Исламское общество Афганистана.

- Да! - признал вскипевший доктор Шамс, - но удастся ли вам сохранить над ними контроль, перекрой мы коммуникации из Панджшерского ущелья в долины Андараб и Хост-Ва-Ференг?!

- Совместные действия Северо-восточного и Панджшерского фронтов Исламского общества Афганистана, прошли испытания временем. На этапах несения потерь, панджшерцы не единожды пополняли отряды ИОА на северо-востоке живой силой! Их участие в данной операции без командования Ахмад Шах Масуда исключено! С вашим предложением, мы сократим численность группировки моджахедов участвующих в боевых действиях и навредим общему делу! - предрёк Кази Кабир.

- Полно, полно! - снизил градус дискуссии представитель Гульбетдина Хекматияра - Карим Юзуфзай, - мы не на подведении итогов боевой деятельности исламских партий Союза «Пешаварской семёрки» сотрудниками ЦРУ! Наша главная задача - это нанесение максимального урона Советским войскам в ходе предстоящей операции!

В ходе крайнего разговора лидеров партий, Бурхануддин Раббани привёл доводы, принятые досточтимым Гульбетдином Хекматияром. Он согласился, что для эффективности действий моджахедов в данной операции необходимо единоначалие. Поэтому, все отряды ИПА в

Кундузе, Тахаре и Бадахшане, на этапах её проведения перейдут во временное подчинение Ахмад Шах Масуду.

9 июня 1986 года.

Провинции Кундуз, Тахар, Бадахшан.

К лету 1986 года возникла потребность в доставке грузов - военного и гражданского назначения из Кундуза в Файзабад - провинциальный центр афганского Бадахшана.

Там, в уездах - Файзабад, Кишим и Бахарак на значительном удалении от основных сил Ограниченного контингента Советских войск, достигшем 240 километров, дислоцировался 860-й отдельный мотострелковый полк, блокировавший караванные пути из Пакистана и Китая, вглубь Афганистана.

С этой целью, в первой половине июня 1986 года командование 40-й Армии приступило к проведению масштабной общевойсковой армейской операции с кодовым названием «Манёвр».

Операция осложнялась тем, что регион в целом находился в руках вооружённой оппозиции. Её отряды регулярно нападали на советские транспортные колонны и гарнизоны, совершали диверсии против государственных органов власти ДРА, терроризировали местное население.

Операцию было решено провести в три этапа с 9 июня по 14 июля 1986 года - на широком фронте равнинного и горного участков провинций Кундуз, Тахар и Бадахшан. Командование операцией было возложено на командовавшего 40-й армией генерал-майора Дубынина В.П.. Общее командование операцией во взаимодействии с вооружёнными силами ДРА осуществлял начальник оперативной группы Минобороны СССР в Афганистане генерал армии В.И. Варенников.

К операции были привлечены значительные силы и средства ОКСВА и Вооружённых сил ДРА: 37 батальонов - 15 советских и 22 афганских - из Кундуза, Кабула, Пули-Хумри, Ташкургана, Желалабада, Гардеза и Газни.

Для проводки транспортных колонн было необходимо блокировать прилегавшие к трассе дороги и населенные пункты, а высаженный южнее трассы Кундуз-Файзабад - в горных районах провинций Тахар и Баглан, тактический воздушный десант должен был ликвидировать укрепленные и перевалочные базы, снабжавшие отряды мятежников оружием и боеприпасами по всей протяжённости трассы.

С началом первого этапа операции с 9 по 15 июня, в районе города Кундуз из разных регионов ДРА была сосредоточена достаточная группировка войск, скомплектованы и подготовлены транспортные колонны.

Перед их выходом, в зелёной зоне района между Кундузом и Ханабадом - на участках вероятного выхода диверсионных групп мятежников к трассе, чтобы предотвратить нападения на колонны, разведрота, совместно с частями афганской армии провела зачистку местности.

В завершении первого этапа операции, БРМ-1 и БМП-2 - боевые машины разведроты по приказу её командира капитана Середы съехали с трассы и встали вплотную к глинобитным строениям крупного кишлака Мулла-Гулям на дистанции 300 метров друг от друга. Таким образом, разведчики блокировали прилегавший к трассе опасный участок дороги, исключили проникновение в кишлак подкрепления и обеспечили прикрытие колонн от нападений.

Командиром одного из этих экипажей был Руст, механиком-водителем Павел Гришин, наводчиком-оператором Семён Негода. На той же броне, в составе пешей группы находились Сидор, Костян, Костёр, Стрела, Монгол и тарджимон Ахмедов. БМП-2 друзей проследовала вдоль наделов рисовых чеков и встала на южной окраине кишлака Мулла-Гулям, оставив между бронёй и кишлаком поstatt житного поля.

Была уборочная страда, безжалостно палило солнце. В высокой гуще золотой нивы sporадично возникали и вновь исчезали согнутые спины двух взрослых афганцев, жавших серпом и увязывавших колосья в снопы - бородатого, с морщинистым лицом, мужчины лет пятидесяти и сторбленной старухи с цветастой тканевой перевязью на спине через плечо, в которой находился младенец.

Время от времени, они распрямлялись, брались ладонями за поясицы и, вытерев с лица пот, продолжали жатву. В поле им помогали двое мальцов 8 и 10 лет, сноровно складывавшие снопы в копны.

Бросив суровые взгляды на шурави, сидевших на грозной броне у кромки их поля, афганцы продолжили трудиться.

- Да, наш визит их явно не обрадовал! - посетовал Костян, выбравшемуся из командирского люка и, снявшему шлемофон Русту.

- Что делать?! - празднично бросил Руст и передал полученный по связи, приказ командира роты - Парни! Ротный приказал окопаться! Предупредил, что участок этот опасный, и надо быть готовыми к ухудшению обстановки. Поэтому окопы надо рыть в полный рост.

Довершив день жнитвы в багровом зареве заката, набравшись смелости, глава семейства, в сопровождении двух юных сыновей, направился к сидевшему на ребристом листе трансмиссионного отсека двигателя БМП-2, Русту, выбранному им, по какой-то стигме, главным.

Афганец робко подошёл к БМП-2, из портативного транзистора SANYO на короткой волне слышалась песня «Вернисаж» авторов Р.Паулса и И.Резника в исполнении В.Леонтьева и Л.Вайкуле:

Был так прекрасен вернисаж,
Но взор еще прекрасней ваш,
Но вы вдвоем вы не со мною.
Как за спасеньем к вам иду
Вы тот, кого давно я жду,
Но вы вдвоем, вы не со мною.
И я себя на том ловлю,
что вас почти уже люблю,
Но вы вдвоем, вы не со мной.

Руст увидел перед собой - выше среднего роста, сухощавого и смуглолицего, с ярко зелёными глазами и густой, с проседью, бородой, дехканина, он был в выгоревшей под солнцем коричневой чалме и палевом перухан с высохшими разводами от пота. Он приглушил звук транзистора и, оценив старшинство годами, блюдя восточный этикет, поприветствовал его первым - Ассаламу Алейкум!

Афганец, не ответил традиционным приветствием и со взбудой начал разговор на дари и языке жестов:

- Наступит ночь, и вы начнёте палить в сторону кишлака и сожжёте наш хлеб. В итоге нас ждёт голодная смерть!

В ажитации - он, трясцой ухватывал скрюченными пальцами бороду и вытирал висевшим на плече отрезком светло-бежевой чалмы, с глаз слёзы.

- У меня четверо детей - трое сыновей, один из которых инвалид, и младенец - девочка, осиротевшие после смерти в родах жены, да старуха-мать. Дайте нам

хотя бы два дня, чтобы мы успели закончить уборку урожая.

В целом, речь афганца и суть вопроса, Русту были понятны, он лишь испоредь уточнял значение незнакомых слов у сидевшего рядом тарджимона Азима Ахмедова – поелику его родной таджикский язык был предельно схож с афганским дари.

Ватарба афганца имела основание, понеже ночной покой отдохавшим воинам и, в горах и, в зелёной зоне – в боевых условиях обеспечивался не прекращавшимся, беспокоящим огнём в направлении вероятной угрозы, этого требовала обстановка.

Монолог афганца был сумным, он не сводил с Руста глаз и ему даже в какой-то момент показалось, что тот проникся назолой, но, не получив зарок не открывать огонь, с безнадежьем, махнул рукой и, обречённо побрёл прочь.

– За два дня им не управится! – прикинул, стоявший рядом Стрела.

– Абсолютно! – согласился с ним, подошедший Костян.

– А что, если всё же рискнуть?! – предложил Руст – Мы разрядим магазины от трассирующих патронов и заменим их на обычные, а огонь будем открывать в случае острой необходимости и, не по полю.

– Руст! Ты же знаешь, не будь ночью стрелкового огня, мы рискуем близко подпустить духов. Да и заснуть вероятность возрастёт – обосновывал Сидор, – со стрельбой-то, оно спокойнее – и караульному и спящим!

И потом, как ты себе это представляешь – с других машин будут палить, а у нас тишь да гладь?! Ротный сразу начнёт выяснять, в чём дело. И наконец, существует опасность, что это привлечёт интерес духов – возьмут да выберут наш участок для прорыва к трассе.

– А я с Рустом согласен! – поддержал Монгол, растёрший в ладонях сорванный колос пшеницы и начавший жевать его зерно – почему бы нам не сотворить благо?!

– Монгол! Вечно ты со своей шаманской добродетелью! Ты слышал, что по связи сообщил ротный?! – спросил возбуждённый Сидор – На БМП-2 отдельной бригады, прибывшей на эту операцию из удалённого региона, духи вырезали всех, до единого – и экипаж и десантную группу. Апропо, это произошло недалеко от нас. Вот они – горькие последствия сна на посту!

– Разделим предмет на две части – предложил, сохранявший спокойствие Монгол, – на сон на посту и

ночную стрельбу. Можно ведь и не стрелять, по крайней мере, если для того не будет острой нужды.

Руст ещё оставался под впечатлением от безотрадного общения с афганцем.

- Парни, предлагаю всё же, извлечь из магазинов все трассирующие патроны и заменить их обычными! - итерировал предложение Руст - И огонь открывать в случае крайней необходимости.

Друзья прониклись негодьем афганской семьи и, согласившись с предложением Руста, постановили - без резона не стрелять. Ближе к ночи, друзья достали из десантов БМП-2 - из верблюжьей шерсти в цветастом шёлке, толстые афганские одеяла, расстелили на броню БМП-2 и ими же укрылись. Смены караула разбили на два часа - по два часовых.

Руст, как инициатор моратория на открытие огня, понимал личную ответственность перед товарищами, оттого, большую часть ночи бодрствовал либо находился в полудрёме, постоянно окликавая караульного, не заснул ли.

Стояла тихая тёплая ночь +32С. Звёздное небо и остроконечная луна наслаждались своим пейзажем, однако без стрельбы время истекло медленно и со взбудой. Подле брони долго булгачил громкий протяжный вопль стаи шакалов схожий с многоголосием кричащих младенцев.

Скованные договором не стрелять, в крошечном мороке их отогнать подальше, бойцы не решались.

Утром, друзья продолжили вести наблюдение, сменяясь на довершение рытья вокруг БМП-2, глубокой траншеи. Из транзистора слышалась песня «Лаванда» авторов В.Матецкого и М.Шаброва в исполнении В.Леонтьева и Л.Вайкуле:

Лето нам тепло дарило,
Чайка волной парила,
Только нам луна светила,
Нам двоим на Земле.
Но куда ушло все это?
Не было и нет ответа.
И теперь, как две планеты,
Мы с тобой далеки.

Неожиданно к их месту стоянки на высокой скорости подъехала командирская машина капитана Середы. На броне, кроме экипажа и трёх разведчиков сидел с

чапаевскими усами капитан, только что прибывший из Союза по замене.

- Ну, как тут у вас? - спросил Середа у Руста.

- Без происшествий! - коротко доложил Руст.

- Не слышал ночью стрельбы - обстановку держите под контролем?! - спросил ротный, пристально глядя на Руста.

- Так точно! - громко произнёс Руст, стремясь избежать объяснения причин отсутствия стрельбы.

- Хорошо! - продолжил Середа, - я привёз к вам политическое командование - нового парторга полка гвардии капитана Шевчука. Глядите! Не посрамите своего командира роты!

- Есть, не посрамить командира! - негромко произнёс Руст с улыбкой.

Истово представив личный состав разведывательного отделения парторгу полка, Руст заладил с парторгом в первые же часы, охотно приняв от него предложение вступить в члены КПСС и даже приступил к изучению подаренного им Устава.

Между тем, вышедшие в поле с денницей, жницы, не уповавшие на отклик шурави, работали в приподнятом настроении, стараясь уложиться в указанные двое суток.

Время подходило к полудню, а солнце к зениту. Парторг сидел на башне БМП-2 спиной к кишлаку и читал книгу, впопыхай наблюдая за действиями разведчиков.

Сидор и Монгол, вобизор впереди машины разжигали очаг, а Руст топором разбирал деревянный ящик от цинков с патронами на дрова. Из транзистора слышалась песня «Комарово» авторов И.Николаева и М.Танича в исполнении Игоря Склера:

На недельку, до второго,
Я уеду в Комарово
На воскресной электричке
К вам на краешек земли.
Водолазы ищут клады,
Только кладов мне не надо -
Я за то, чтоб в синем море
Не тонули корабли!

- Э, Бача! - окликнул, обвязывавшего сжатые колосья в сноп, главу семейства, Руст, вадно призвав топором в десной.

Афганец, набатно поднял голову и поглядел против солнца из-под ладони в сторону ВМП-2. Поняв, что обратились к нему, бросил фразу старушке и, обречённо направился к шурави.

- АсСаламу Алейкум! - добросердечно поприветствовал его Руст.

- Налей пожалуйста нашему гостю чаю - попросил Монгола, клавшего в очаг дрова, Руст.

Монгол наполнил горячим жасминовым чаем маленькую фарфоровую пиалу из трофейного китайского сервиза с кобальтовой бело-голубой росписью в стиле шинуазри, и преловко залил его обратно в чайник. Затем, наполнив на половину, протянул афганцу.

Взяв одной рукой пиалу с чаем, афганец едва склонил голову и, традиционно приложив вторую ладонь к груди, сделал глоток.

- Как ваше имя, Ако?! - почтительно спросил Руст на дари.

- Мое имя Шераги! - ответил афганец.

- Я Рустам сын Ахмадуллы! - представился на восточный манер Руст и скрепил знакомство рукопожатием, засвидетельствовав также единоверие декламацией Калимы: «Ля Иляха илля Ллах, Мохаммадун - расулю Ллах».

- Далеко на севере, - продолжил Руст - в самом центре России, где зимой бывает много снега, находится моя Родина - Татарстан, там живут татары, и они мусульмане.

Наш язык, очень близок к узбекскому и туркменскому языкам, на которых говорят в Кундузе, Тахаре и других северных провинциях. Мы с нашим товарищем из Самарканда - Руст кивнул в сторону Азима Ахмедова, - говорим на узбекском и таджикском языках. Слушая Руста, было заметно, что Шераги открывал для себя много нового.

- Среди шурави много мусульман! - поделился уже под занавес разговора Руст и, объявил Шераги - в 21.00 жду вас с сыновьями на плов!

В ответ, афганец, смиренно покивал головой и направился в поле.

- Не придёт! - предрёк Стрела.

- Не посмеет! - возразил Костян - На кону наша добрая воля - ночью не стрелять.

Завершив трудовой день в багряных сполохах заката, Шераги удалился с семьёй в кишлак. В назначенное время, в мороке он появился, но один.

- Шераги! - приязненно поприветствовал его Руст, накрыв казан с пловом крышкой, чтобы рис вобрал в себя оставшуюся влагу, - а где же твои сыновья?!

Шераги замялся. Тишком заглянув под туго натянутый между БМП-2 и столетней чинарой навес из нескольких плащпалаток, он увидел, освещённый керосиновой лампой, длинный стол из деревянных ящиков из-под артиллерийских снарядов, заставленный посудой и столовыми приборами.

- Иди за сыновьями, мы будем вас ждать! - благоволительно произнёс Руст.

Поняв, что у него нет выбора, Шераги удалился. Уже через пятнадцать минут, на званом ужине у хлебосольных шурави, вместе с афганцем Шераги и тремя его сыновьями присутствовали механик-водитель Павел Гришин, наводчик-оператор Семён Негода, тарджимон Азим Ахмедов, парторг капитан Шевчук, а также Монгол, Руст, Стрела, Костян, Костёр, Сидор.

Блюдом вечера был солдатский плов, приготовленный Рустом в большом чугунном казане на трофейном пакистанском жиру из советской говяжьей тушёнки, консервированной, в стеклянных банках, нарезанной соломкой моркови и, афганского, продолговатой формы, риса.

Руст поднял крышку казана, выпустил пар и начал накладывать яство на два больших лягана, сопровождавших разведчиков в рейдах на БМП-2, вместе с другой посудой.

Было заметно, что афганцы испытывали неловкость. Костёр передал Шераги и сыновьям большие ложки. Все собравшиеся ждали, пока - на правах гостя, первую ложку снимет Шераги.

Руст заметил его сдержанность и, чтобы развеять сомнения о наличии в брашно запретной свинины, показал Шераги на вскрытой банке тушёнки изображение говяжьей головы. Шераги заулыбался и снял пробу, за ним начали есть разведчики, его сыновья и парторг.

На удачу, плов получился отменным - вкусным и рассыпчатым. Все были счастливы, за исключением ерзавшего на месте, парторга, озабоченного утратой контроля над обстановкой.

После плова всем налили горячего чая. В завершении вечера, на спину, благодарившего за вкусный ужин, Шераги, вытащив из глубины десанта, друзья водрузили большой мешок афганского риса. Не ожидавший такой манны, растроганный Шераги, не верил своему счастью.

Между тем, ночью напролёт, со всех БМП-2 и БРМ-1 разведроты, блокировавших кишлак Мулла-Гулям велась безостановочная стрельба. И лишь на участке БМП-2, где находились Костян, Руст, Монгол, Сидор, Стрела и Костёр была полная тишина.

Совместные советско-афганские ужины за тёплой беседой продолжались ещё три дня, пока Шераги не закончил жатву, и не лопнуло терпение парторга.

- Тукаев! - окликнул он Руста - Мы в Советской Армии или в Израильском кибуце?! Это что за распорядок?! Каждый вечер плов с басмачами едим, надо прекратить этот балаган!

- Есть, товарищ капитан! - взял под козырек Руст - Плов с басмачами есть не будем! Будем есть кашу с ПАКа!

Дождавшись удобного момента, когда парторг ослабил внимание к разведчикам, Сидор созвал к Русту - Костяна Костра, Монгола, Стрелу и сделал предложение:

Дождавшись удобного момента, когда парторг ослабил внимание к разведчикам, Сидор созвал к Русту - Костяна Костра, Монгола, Стрелу и сделал предложение:

- Надо организовать ему сатьяграху!

- Что организовать? - не понял Костёр.

- Саботаж! - коротко пояснил Руст.

- Во-первых - продолжил Сидор, - надо перестать его кормить горячей пищей, приготовленной на костре, пусть ест из полковой полевой кухни ПАКа, во-вторых - ночью, в ходе караульной службы, надо симитировать повальный сон часового на посту.

От смены к смене, Руст будет проверять часового окриком «Дневальный!», а тот будет «молчать, как рыба об лёд» - якобы заснул. Руст будет подходить к нему и даже браниться, приводя случай с вырезанным экипажем. И так каждую смену. Уверяю - сутки, максимум двое, парторг сам от нас сбежит.

Отстояв дежурство первым, Руст лёг на отдых и, находясь в полудрёме, регулярно окликал часового, но в ответ всегда была тишина. Капитан всё это слышал и, понимая возможный исход, пребывал в саспенсе.

В соответствии с дневным распорядком каждое утро по всем БМП-2, блокировавшим трассу развозился завтрак, приготовленный на полковой полевой кухне ПАК. Снедать его было возможно, но назвать зело аппетитным, едва ли. Парторг, демонстративно отвернувшись, в одиночестве поглощал холодную перловую кашу и говяжью тушенку, с затвердевшим жиром из жестяной банки.

Тем временем, на завтрак разведчикам, благодарный Шераги, принёс, едва извлечённые из тандыра горячие лепёшки и полный балакирь прохладной простокваши.

Не продержавшись при таком довольствии и двух суток, окончательно деморализованный, отсутствием уставных отношений, парторг полка капитан Шевчук, оставив надписанный им на память Русту новенький Устав КПСС, убыл на КП полка и, уже к вечеру о нём никто не вспоминал.

Служба вернулась в старое русло, но неожиданно, зарань перед совместной трапезой, у БМП-2 разведчиков появился встревоженный Шераги, он забежал под навес, огляделся и, убедившись в отсутствии большого командора - парторга, предупредил: «Я сейчас вернусь».

Спустя пять минут он возвратился с тремя бородатыми афганцами крепкого телосложения не похожих на афганских торгашей или перекупщиков соляры.

- Рустам! Я доверяю вам и хочу, чтобы вы поговорили с этими людьми.

Руст и, стоявшие рядом разведчики поняли сразу - это духи. Кишлак Мулла-Гулям, как и многие другие населённые пункты уезда Ханабад провинции Кундуз, входил в зону влияния полевого командира ИПА доктора Шамса. На участке Мулла-Гулям, трассы Кундуз - Файзабад, местные отряды, регулярно минировали дорогу, атаковали советские и афганские колонны.

Руст предложил моджахедам пройти под навес и сесть. Сам же, подозвал механика-водителя Павла Гришина и наводчика-оператора Семёна Негоду и, попросил их с брони вести наблюдение в направлении трассы и кишлака. В случае выхода кого-либо из кишлака или приближения БМП-2 командира роты Середы, немедленно сообщить.

С появлением визитёров к навесу стянулись Сидор, Монгол, Костян, Стрела, Костёр и Азим Ахмедов.

- Мы бы хотели поговорить с вами наедине - попросил сохранявший спокойствие, со строгим лицом - старший по возрасту моджахед, одетый палевого цвета чалму и бежевый перухан.

Руст переглянулся с друзьями и кивнул головой.

- Мы не дадим им уйти! - бросил Русту, отходивший последним, Сидор.

- Не торопи события! - предупредил его Руст.

По одну сторону от тлевшего очага расположились Шераги и трое моджахедов, по другую Руст и Азим Ахмедов. Руст уловил дуновение запаха едкого дыма

горелого хвороста присущего инсургентам. Лица их были смуглыми и сухощавыми.

Он окинул всех взглядом и, молча, кивнул Азиму Ахмедову. Тот, не спеша повернулся в пол оборота, дотянулся до чайника и, истово, прикладывая руку к груди, передал каждому присутствовавшему наполненную до половины пиалу.

После первого глотка чая, Руст позывно посмотрел на старшего визитёра в ожидании начала разговора. Моджахед представился:

- Я Халфутдин уроженец кишлака Мулла-Гулям - начал старший, - нам известно, уважаемый командор Рустам, что вы мусульманин и хороший человек. Мы пришли сюда, чтобы предложить вам и тем, кому вы доверяете, уйти с нами - излагал он на катаганском диалекте узбекского языка со спорадичным вкраплением слов на дари и, пристально глядя Русту в глаза - Мы обеспечим вас кровом и поможем обзавестись афганской семьёй. Подумайте, зачем вам здесь умирать?! Это ведь не ваша земля!

Вот вам, к примеру, последний случай - двое его молодых родственников - он кивнул в сторону, сидевшего от него справа моджахеда, - тут недалеко были найдены в арыке с прострелянными головами. Что нам остаётся после этого делать?!

- Почему вы уверены, что это дело рук шурави?! - спросил его Руст.

- А чьих же ещё?

- Это могли сделать моджахеды из других партий.

- Нет, это сделали шурави! - возразил Халфутдин.

- С высокой долей вероятности предположу, что эти люди имели при себе оружие - допустил Руст.

- А какое это имеет значение?! - спросил Халфутдин - Они на своей земле, и вправе сами решать, как им ходить - с оружием или без.

- Большое! - отметил Руст - Идёт необъявленная война и гибнут Советские воины! Мы здесь, чтобы помочь Саурской революции освободить афганский народ от гнёта.

- Нас не от кого не нужно освобождать! Оставьте нас в покое! Наш уклад остаётся неизменен столетиями. Мы не умеем жить по-другому, а главное не хотим! Самое дорогое, что у нас есть это наш Ислам.

Свергнутый в 1973 году после сорокалетнего правления эмир Захир-шах повторил судьбу другого правителя Амануллы-хана, потерявшего власть в 1929 году и, подобно ему доживает свой век в изгнании. В обоих

случаях виною всему реформы, стремление к построению светского общества, слепое подражание западу или СССР – с его коммунистической идеологией, отказ от векового уклада и традиций предков, вплоть до отмены ношения афганскими женщинами чадры. Мы не хотим такого Афганистана!

Руст внимательно слушал моджахедов и, не прервав, дал каждому высказаться. В обрушившемся потоке контрдоводов, Руст понял бесперспективность разговора и спросил себя: на что эти люди рассчитывали, придя к таким же, как они, убеждённым в своей правоте, шурави?! Какие у них были основания считать, что со встречи они уйдут живыми? И если даже, в них не разрядят рожок из автомата – точно, не пленят?

Объяснение этому всё же есть – подумал Руст, – будучи сами воинами, они знали, что идут на разговор к воину, одно дело – пуля, выпущенная в неприятеля в бою, другое – во время доверительного разговора.

Да – заключил он, – война войной, а добрые дела порождают взаимное доверие. Портрет командора мусульманина, описанный со слов Шераги, вызвал у моджахедов кишлака Мулла-Гулям неподдельный интерес. Благодушие и милосердие, подобно силе и храбрости, всегда имели на Востоке особую цену.

Руст, вежливо поблагодарил собеседников и с невозмутимым спокойствием произнёс:

– Мой дом далеко на севере за Амударьёй. Все шурави – мои братья! Я сам – один из них! С ними я пришел, с ними и уйду, если останусь жив, конечно.

– Это ваше решение – принял его Халфутдин, – единственное, что мы можем гарантировать, у кишлака Мулла-Гулям с вами этого не произойдет.

Руст загодя предупредил Сидора и друзей об окончании разговора и попросил воздержаться от каких-либо действий, дав парламентарам спокойно уйти.

Поблагодарив за встречу, моджахеды одновременно встали и, пропустив вперёд Халфутдина, с достоинством, не спеша, направились к улочке, уводившей в кишлак.

– Не могу поверить своим глазам! – изумился поступку Руста, заглянувший под навес Сидор – Ты их отпустил?! Попади ты им в руки, – не приведи создатель, не отпустили б тебя – высказал он мнение, провожая их взглядом, пока те не исчезли в узком проходе кишлака.

– Сидор! – объяснил Руст – попадись они мне в горах, без колебаний выполнил бы солдатскую работу, как

делал это неоднократно. Но, когда они отправились к нам в пасть, ведь рисковали переоценить нас, правда?! Ну, как можно не оправдать таких надежд?!

Сидор промолчал.

Следующим утром Шераги вышел на поле позже обычного. Он был невесел, чувствовалось, что отказ Руста и товарищей уйти с моджахедами его расстроил. Похоже, что в том крылся и личный его интерес.

Вечером того же дня капитан Середа объявил, что в течение двух дней разведроты предстоит десантирование в горах, и дал команду в любую минуту быть готовыми к снятию с блокировки. Понимая, что всё имеет свой конец и, вернее всего с Шераги, к которому он уже успел привязаться, больше не увидится, Руст напоследок решил скрасить ему жизнь царским подарком.

Пока командир разведроты Середа был на рекогносцировке с командиром полка, Руст махнул на своём БМП-2 до полевой кухни ПАК и выменял, добытый в Панджшере трофейный ВЕРЕТТА 92 у прапорщика хоззвода на два мешка риса, муки, два ящика масла и стущенки.

Утром, когда последовал приказ сниматься с места блокировки у Мулла-Гулям, Руст попросил ребят построиться и, подозвав Шераги с тремя сыновьями, в торжественной обстановке передал им всё, что было подготовлено для этого прощального мероприятия.

На глазах изумлённого Шераги проступили слезы. Утерев скупую мужскую слезу, неловким движением рук напоследок он обнял всех шурави. Погрузив врученные гостинцы на хребет привлеченного к транспортировке ишака и плечи двух своих сыновей, он направился в кишлак, испоредь поворачиваясь и, махая на прощание рукой.

Больше Шераги они не видели. Спустя много лет - Руст, Сидор и Костёр с тёплым чувством вспоминали этот эпизод своей службы, инно задумываясь о том, как теперь живётся этому простому афганскому дехканину? Жив ли он? Сыновья, очевидно, стали совсем взрослыми мужчинами. В числе многих, побывавших за речкой, друзьям было не безразлично, какими их запомнили сотни тысяч афганцев, подобных Шераги.

Впереди друзей ждал второй - горный этап операции с 16 июня по 22 июня 1986 года с высадкой в составе групп тактического воздушного десанта на господствующие высоты: Карбату 3161, Дехмиран 2781, Яфсадж 2540, Шастдара 4123, в районах Мугулан, Чольбахир, Тали-

Гобанг, расположенных в уезде Хост-О-Ференг Баглан, где им предстояло вести бои в горах, захватывая укрепленные районы и перевалочные базы неприятеля, осуществлявшего нападения на колонны следовавшие по маршруту Кундуз-Файзабад.

ОПЕРАЦИЯ «ЗАПАДНЯ»

"Они прошли сквозь горнило той тяжелой войны и вынесли на своих юношеских плечах всю тяжесть этого непростого, а порой и неблагодарного труда. Но на всю оставшуюся жизнь они для меня - особая гордость, эталон высочайшего мужества и героизма" - генерал-полковник Скородумов А.И.

МЕШХЕД ИРАН. ЗАСЕДАНИЕ ЛИДЕРОВ ШИИТСКИХ ПАРТИЙ МОДЖАХЕДОВ АФГАНИСТАНА 1981 год.

Был январский вечер, в одной из гостиниц города в конференц-зале присутствовали лидеры шиитских исламских партий - Наср, Хезбэ Алла, Корпус стражей Исламской революции Афганистана, Исламское движение Афганистана, Объединённый фронт Исламской революции, Исламское движение Афганистана, Совет Исламского согласия, Движение Исламской революции, Организации борцов за Ислам Афганистана, РААД-Гром - шейхи - Мохаммад Хусейн Садыки, Абдул Али Мазари и Шафак, Карим Ахмади як дастэ (Карим однорукий), Акбари, Мохаммад Асеф Мохсени (Асеф Кандагари), Мохсем Резаи и Сепаке Пасдар, Садек Хашеми, Саид Али Бехешти и Саид Мохаммад Хасан (Саид Джарган), Насрулла Мансур, Мосбах-зада и Сейид Абдул Джаффар Надири, Мохаммад Хазаи, Сеид Исмаил Балхи.

С речью выступил командовавший Западной объединённой группировкой моджахедов Мохаммад Исмаилхан.

- БисмиЛляхи Рахмани Рахим! - начал он традиционно с Басмалы - За последний год столкновения с Советскими войсками обрели регулярный и массовый характер. Часто в противостоянии с властью и Советами у нас не бывает должного количества оружия, боеприпасов и продовольствия.

В целях организации масштабного сопротивления нам необходимо наладить систему тыла. Для этого, на границе с Ираном в труднодоступном горном районе необходимо

разместить крупную перевалочную базу по типу Джавары на границе с Пакистаном. База должна обладать мощными оборонительными сооружениями и хорошо охраняться. Её задача питать наши перевалочные пункты на всём западе в провинциях Герат, Гор, Бадгис и Нимруз.

Учитывая преимущественно равнинный рельеф афгано-иранского приграничья, лучшим местом для него является горный хребет Кухе-Сенге-Сурах, простирающийся из Ирана в Афганистан в районе Шаршари в провинции Герат.

Ближайшим, к афганской границе городом на этом участке, является Тайбад провинции Хорасан Резави. Туда - из Кума, Мешхеда, Заболя - я предлагаю перенести штаб-квартиры исламских шиитских партий.

БОНН ФЕДЕРАТИВНАЯ РЕСПУБЛИКА ГЕРМАНИИ. ОФИС
АРХИТЕКТУРНОГО БЮРО СТРОИТЕЛЬСТВА ВОЕННЫХ ОБЪЕКТОВ
ОТДЕЛ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ.

Накануне в Бюро поступил заказ на строительство фортификационного комплекса на западе Афганистана. Заказчик себя не раскрывал, авансовые средства на проект поступили со счёта одного из банков в Персидском заливе.

Утром будничного дня, руководитель отдела Ульрих Клосс, пребывал в приподнятом настроении. Он вызвал к себе трёх инженеров и рассказал о заказе: - Уважаемые коллеги - Гидо Кёлер, Олаф Леманн и Вальтер Дитмар! - спешу вас обрадовать, наше Бюро подписало контракт на проектирование и сопровождение на этапе строительства фортификационного комплекса. Есть условие заказчика - проект нужно завершить к началу этого лета. Это ответственное задание я решил поручить вашей группе.

Инженеры заметно оживились.

- Для подготовки предпроектной документации вам предстоит командировка в Иран - с патетикой сообщил Ульрих Клосс, - а если говорить точнее - в Афганистан. Но есть один нюанс - Клосс сделал паузу, - проникновение на его территорию будет нелегальным.

Инженеры переглянулись и сконфузились.

- Не беспокойтесь коллеги! Руководство бюро обещало позаботиться о вашей безопасности и о высоком финансовом стимуле - мотивировал Клосс, и перешёл к сути командировки, - для этого вам надлежит самолётом прибыть в Тегеран, а оттуда проследовать на восток

страны в провинцию Хорасан Резави – приграничный город Тайбад.

Там вы встретитесь с представителем заказчика и обсудите детали перехода границы. На местности необходимо будет провести топографическую съёмку и геодезические изыскания с тригонометрическим нивелированием.

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ. ЗАПАДНЫЙ АФГАНИСТАН ГОРНЫЙ РАЙОН ШАРШАРИ.

Западногерманские инженеры Кёлер, Леманн и Дитмар в сопровождении командира отряда моджахедов Хафиза Шарифзада и переводчика Хасима взобрались на купол господствующей столовой горы в районе сопредельной полосы, установили теодолит и определили высоту точек местности.

После завершения работ, старший группы Келер попросил Хасима перевести Хафизу Шарифзада его слова:

– Уважаемый Шарифзада! Передайте вашему начальнику – физико-географическая характеристика данного района, способствует размещению стратегического фортификационного комплекса, практически на пограничной полосе. Это позволит при наступлении войск противника корректировать удары вашей артиллерии с иранской территории и вывести на неё подземные коммуникации. Через них вы сможете поставлять вооружение, боеприпасы и живую силу в Афганистан и скрыться в Иране.

КАБУЛ. ЛЕТО 1986 года.

Прошло пять лет. В начале мая сего года в должность Генерального секретаря ЦК НДПА вступил Мохаммад Наджибулла.

В кабинете начальника оперативной группы Минобороны СССР в Афганистане генерала армии Варенникова В.И. раздался звонок, он снял трубку:

– Здравствуйте товарищ генерал армии! – послышался знакомый голос.

– Здравствуйте товарищ Наджибулла! – обрадовался звонку Варенников В.И.

С самого начала Афганской войны 1980–1985 годы Наджибулла занимал пост директора Службы государственной безопасности ХАД. Сотрудники его ведомства являлись оплотом Саурской революции, многие из них, отстаивая её завоевания, потеряли своих родных

и близких. Их личные счёты с мятежниками имели мотив кровного возмездия.

Наджибулла был волевым человеком и надёжным товарищем. Он верно служил своему народу, был принципиален и последователен в борьбе с антиправительственными силами. Наджибулла и Варенников В.И. плотно взаимодействовали по военно-политическим вопросам, скрепив за годы добрые отношения в товарищеские.

- Надеюсь у ваших родных и близких в Союзе всё хорошо? - неспрашивая поинтересовался Президент Наджибулла.

- Спасибо всё хорошо! - тепло ответил Варенников В.И.

- Я очень рад! Простите, вынужден перейти сразу к делу - извинился Наджибулла, - звоню по беспокоящему ЦК НДПА вопросу - в Герате сложилась крайне сложная обстановка.

Только что мне позвонил губернатор провинции и сообщил, что город насыщен отрядами оппозиции. Среди бела дня, не озираясь на органы власти, они открыто ходят по городу с оружием, вступают друг другом в перестрелки, собирают дань с торговцев, терроризируют население - одним словом, ведут себя как хозяева.

- А что ваша 17-я пехотная дивизия, дислоцированная в Герате? - поинтересовался Варенников В.И.

- Она частично деморализована, и делать на неё, в текущий момент, ставку опасно. Есть угроза массового перехода военнослужащих на сторону оппозиции. Не стоит повторять горький опыт Гератского мятежа 1979 года - объяснил Наджибулла. ЦК НДПА убедительно просит вас провести в провинции Герат - совместную, с нашими вооружёнными силами, масштабную операцию и уничтожить их главную тыловую базу Кокари-Шаршари, оснащающую антиправительственные силы оружием и, провести зачистку непосредственно в черте города.

В середине июня 1986 года командование 40-й Армии в условиях строгой секретности приступило к разработке плана операции получившей кодовое название «Западня». В соответствии с ним, предстояли три этапа боевых действий на широком фронте, удалённых друг от друга - на 180 километров районов равнинной и горной местности. На равнинном участке зачистить от отрядов оппозиции населенные пункты в окрестности Герата, а на горном,

овладеть крупным базовым районом Кокари-Шаршари – стратегической перевалочной базой и опорным пунктом оппозиции на границе с Ираном.

КУНДУЗ. ПАЛАТКА РАЗВЕДРОТЫ. АВГУСТ 1986 года.

Был тёплый поздний вечер +35С. Днём, накануне вылета на дальнюю войсковую операцию в разведроту провели строевой смотр – проверили оружие, обмундирование и наличие необходимого количества боеприпасов и провианта. После вечерней поверки все разведчики собрались в палатке.

Это было лучшее время, когда никто не дёргал и солдаты могли спокойно меж собой поговорить, написать домой письма, вспомнить гражданку, своих погибших товарищей и тех, кто ушёл на дембель.

В палатке разведроты стоял полумрак, поместно пространство освещали керосиновые лампы. В середине левого ряда на трёх койках поверх одеял были диагонально растянута белые канты. На изголовье средней койки к железной спинке была прикреплена деревянная рамка.

За стеклом на фото на фоне вертолёт улыбались, стоявшие в обнимку – Стрела, Костян и Монгол. Этот снимок сделал Костёр перед вылетом в район Хост-Ва-Ференг на последнюю для них операцию. Руст по суеверью фотографирование избегал, а Сидор, поспорив с Костром по какой-то мелочи, встать в кадр отказался. Вот и остались в нём только трое, словно предвидели свою пагубу.

Шли дни их сороковин. Сидор, Руст и Костёр сидели в ряде напротив и негромко беседовали. Рота уже спала, Сидор тихо играл на гитаре какую-то мелодию перебором, Руст, повернувшись вполборота к тумбочке, писал письмо домой, а Костёр пристально глядя на фотографию с погибшими друзьями, о чём-то думал.

– Я давеча вспомнил фразу Капусты – прервал тишину Костёр, – когда мы вошли в палатку, прибыв из учебки в Афган: «Это ваш дом на 21 месяц и до двух лет, если повезёт!».

– Главное в этой фразе – «если повезёт!» – отметил Сидор, – к ней было ещё досказано: «а если не повезёт, то – на меньше!» – привёл он доподлинно.

– Было досказано! – подтвердил Руст, вкладывая согнутый лист в конверт.

- Вот Планида! - с назолей констатировал Сидор, - два месяца до дембеля не дотянули и, тяжело выдохнув, начал под мелодию перебором декламировать стихотворную подводку к песне Михаила Смурова:

Я - воин-интернационалист!

Хотя конечно дело даже, в общем, не в названье -
Пусть даже б назывался я расист,
Вам легче не стало бы от этого - ихване.

И после четверостишья перешёл на бой и надрывное пение:

Мне надоело нервничать, ведь нервы не сучок,
Я нажимаю ласково на спусковой крючок,
И хладнокровно трассеры по воздуху летят,
И я хочу того же, чего они хотят.

Дехканин изогнулся и дыбом стала шерсть,
Вот их осталось пятеро, а раньше было шесть,
Затем четвёртый, пятый, третий и второй упал.
А в первого мой Сашка друг, нечаянно попал.

И падают душманы на землю, а потом,
Мы складываем их рядышком ровненьким пластом,
Работаем на славу, и Сашка друг и я,
Нас где-то за кордоном зовут Вьетнам Кремля.

К нам вообще проявляют огромный интерес
Папаша Збив Бжезинский и дядя Сайрус Вэнс,
Винтовка М-16, китайский автомат,
Но нам ведь не сломаться, скажи - не правда
ль, брат?!

И всё же лезут сволочи сюда в Афганистан,
Их словно плодоносит соседский Пакистан,
Ведь им война такая совсем не по нутру,
И морщатся от этого агенты ЦРУ.

Душман такая сволочь в окно в дувал залез,
Но здесь уж мне поможет родимый АКС,
Ведь он с плеча не слазит, сроднился он с плечом
И от меча погибнет, тот, кто пришёл с мечом.

А где-то дома, шурави духтар,
Цветёт сирень, в поход идут туристы,
А ты рассматриваешь в триплекс Чарикар,

И очень тихо слушаешь транзистор.

Сидор снизил тембр и снова перешёл на игру перебором

Опять звучит воинственный набат,
Мы в три минуты покидаем роту,
И вот опять летим в Джелалабад,
Всё, так как прежде, будто на работу.

Едва он завершил исполнение, как в палатку зашёл командир роты Середа. Руст скомандовал «Смирно» и разведчики встали.

- Вольно! - тихо произнёс ротный, махнув ладонью вниз - Вы чего до сих пор бодрствуете?! Завтра в 4.00 подъём, в 5.00 вылет и долгий полёт - произнёс он со строгостью. Но заметив у солдат кручину по погибшим друзьям, подсел и спросил:

- Вы родным-то Тевса, Стрельцова и Бадмаева письма написали?

- Так точно, написали! - ответил Сидор, - сразу как с операции вернулись.

Это была и его боль. Вместе с шестерыми друзьями он провоевал более года. Желая как-то отвлечь от туги, Середа, изневесть обратился к Русту:

- Ну что Тукаев, до Приказа министра обороны остался месяц, а там и дембель - немного осталось?!

- Если повезёт - невесело привёл Руст изъезженную оговорку, не довершив её до конца.

Середа понимающе кивнул головой и, хлопнув ладонями по своим коленям, резко встал и, приказав лечь спать, вышел из палатки. После короткого сна, разведроты в составе полка на самолётах Ан-12 полетела в провинцию Герат для участия в общевойсковой операции «Западня». Вечером того же дня, прибыв на аэродром Герата, разведчики расположились вскрай взлётной полосы, разожгли костры и начали подогреть сухой паёк. К сидевшим у одного очага и, о чём-то беседовавшим - Сидору, Русту и Костру, подсел капитан Середа.

- Ну что гвардейцы, как настроение? - спросил он между делом - Завтра десант в вотчину Турана Исмаила или Исмаил-хана.

- А что о нём известно, кроме двух звучных имён? - поинтересовался Костёр.

- Туран означает - капитан, таким было его крайнее звание, в годы службы в 17-й пехотной дивизии афганской армии, дислоцированной в провинции Герат.

В дни Гератского мятежа 1979 года, он перевёл вверенный ему артиллерийский дивизион на сторону антиправительственных сил, а с вводом Советских войск подчинил себе свыше 200 разрозненных отрядов западных провинций общей численностью пять тысяч мятежников и стал региональным эмиром. Одним словом - балом в Герате правит он.

- С Исмаил-ханом, как-нибудь разберёмся - заверил Руст, - а вот как идти в бой с прибывшей в начале месяца необстрелянной молодёжью - это вопрос. За две с половиной недели они были-то всего на трёх засадах да двух реализациях разведданных, и в горы ещё не поднимались.

За это короткое время по недоразумению прострелили нос лейтенанту Шило, не убив его чудом, а ещё, решив проверить уровень соляры в баке БРМ-1, посветили горячей спичкой, чудом её не спалив. Одним словом - не украсть, не покараулить!

А тут им выпало счастье штурмовать эмира Герата!

- А ты вспомни нас - подключился Костёр, - как мы преодолевали себя на горных этапах в Кишиме, Панджшере, Кунаре. И они преодолеют. В отличие от наших стариков - мы добрее и, надеюсь, во многом им поможем. И это правильно - согласился, намеревавшийся уйти Середа, - а иначе, как нам овладеть укрепрайоном, захватить склады с оружием и боеприпасами и не потерять людей - только спаянным коллективом.

- Да уж, когда мы были молодые, нас вы так не пестовали - посетовал Сидор, спросив всугонь, - а в довесок к оружию и боеприпасам, на базе ещё что-то предвидится?! Имею в виду, приятные сюрпризы - типа изумрудов, лазуритов, как в Панджшере и Джарме? На край - французские врачи с медсёстрами, встренувшиеся нам в Мармоле?! Вообще, что-то зело экзотичное?!

- Благоухающих француженок не обещаю, а вот потных басмачей гарантирую! - сказал, перешедший на серьёзный тон капитан и, приказав поскорее укладываться на ночлег, спешно удалился. До утра оставалось уже недолго, на сон примостились на земной тверди под открытым небом.

ГЕРАТ ЗАПАДНЫЙ АФГАНИСТАН конец августа 1986 года

Было тёплое раннее утро +27С. О начале операции возвести гул запущенных двигателей и свист начавших вращаться винтов, Ми-8МТ. Командир разведроты капитан Середа получил боевую задачу и разбил роту на десантные группы.

Сидор, Руст и Костёр оказались в группе капитана Середы и, погрузившись на борт вертолёта, вылетели в район операции.

В полёте к месту высадки, они наблюдали в иллюминаторах низкий по афганским меркам, горный массив, выжженную землю и обмелевший от зноя меандр реки Герируд, разделявший Афганистан и Иран. По обе стороны, никаких пограничных постов – ничего, что напоминало бы государственную границу.

Чуть позже на афганской стороне показались неогороженные два необитаемых вытянутых глинобитных строения схожих с коровниками. Сличив увиденное в иллюминаторе с отметками на топографической карте, Середа озадачился:

– Неужели, эти две халупы и есть полк 17-й пехотной дивизии афганцев – произнёс он вслух, и чтобы развеять сомнения, с раскрытой картой удалился в кабину пилотов. На сопредельной территории проходил горный хребет, а за ним по всей ширине горизонта простиралась бескрайняя равнина.

Подлетев к месту высадки, вертолёт перед снижением завис, в этот момент послышался стук бивших по борту очередей и звук падавшего стекла иллюминаторов. От калгазы пилотов, борт начало мотать в стороны, и они заторопили десант с высадкой. Капитан Середа встал у двери Ми-8МТ и взял её ход под контроль. Дождавшись пока все выпрыгнут, он глянул – не оставили ли в булге оружия или боеприпасов и, спрыгнул крайним.

Десантные группы заняли круговую оборону и вступили в бой. Капитан Середа доложил по связи командиру полка о высадке десанта и начале обстрела. Вскорости, к стрелковому и гранатомётному огню по разведчикам, добавился и миномётный – мины ложились строго на площадку десантирования.

– Всем рассредоточиться! – приказал Середа. Происходившие вдругорядь с короткими интервалами – свисты мин, разрывы снарядов вместе с устойчивым стрелковым огнём, сеяли у воинов нервное напряжение. Спустя 10 минут после высадки, трое солдат получили

обширные осколочные ранения, необходимо было их срочно эвакуировать. Середа вызвал по связи вертолёты.

- Шило! Оставь себе четверых солдат и, ждите вертолёты! Как погрузите раненых сразу за нами! Тукаев, Сидоренко, Мамаладзе, Солодуха, Замятин - приготовиться выступить в дозоре! Костров, ты в замыкании! На удачу - вертолёты, высадившие десант значительно не удалились и в скорости прилетели за ранеными.

Основательно подготовились - участки пристреляли - оценил вслух действия противника капитан Середа, начав наступление роты. И вновь вышел на связь с командиром полка.

Сверив географические координаты с начальником артиллерии, Середа построил боевой порядок и прежде чем отправить вперёд головной дозор, проинструктировал: Следовать за разрывами наших снарядов - далеко вперёд не забегать, но и не застаиваться, от тропы не отступать!

Наступление роты началось под заградительным огнём нашей артиллерии с преодолением участков минно-взрывных заграждений и выбиванием мятежников с тактических высот. Пограничная полоса проходила по горному району и, иногда это осложняло установление принадлежности гор к Ирану или Афганистану.

Во избежание, внешнеполитического конфликта СССР и Ирана, командование операцией запретило открывать огонь по сопредельной территории, а мятежники, умело этим пользуясь, корректировали удары своих миномётов и безоткатных орудий с ближайших высот из Ирана. Их было видно и можно было достать огнём, но приходилось это опускать.

В ходе продвижения к укрепрайону, при восхождении на одну из высот, с которой велась интенсивная стрельба, головной дозор столкнулся с подразделением афганской армии, спрятавшимся за огромными валунами.

Они наотрез, отказывались идти вперёд и атаковать противника. Советские воины называли их - зелёными и, часто - обезьянами.

По установленному порядку на совместных боевых действиях афганские подразделения должны были идти впереди, а за ними советские. В реалии было всё иначе. На спинах этих зелёных, вместо разгрузки с боеприпасами были скатки шинелей, чтоб внезапно не замёрзнуть в горном походе. А на свисавших с поясов ремнях, болтались крупные алюминиевые чайники.

Боекомплект каждого из них не превышал одного магазина, будто они вышли на моцион. Разгневанный Руст направил на зелёных свой АКС-74, и грозно указал стволом вперёд:

- Буру! - потребовал он со строгостью, сняв автомат с предохранителя.

Зелёные вцепились мёртвой хваткой за валуны и торчавшие из скальных трещин стволы хазмофитов, не желая двинуться с места. Нежданно один из них, ничем по виду от других не отличавшийся, одетый также в афганскую форму, без знаков отличия, со смуглым лицом и щетиной, на безупречном русском языке спросил:

- Бойцы, вода есть?

Воины изумились.

- Ты кто?! - спросил его Руст.

- Вообще-то, майор Советской Армии - сообщил он с улыбкой, - я военный советник командира афганского пехотного полка.

- С кем же вы в бой идёте, товарищ майор?! - спросил, перешедший на Вы, Руст и, передав фляжку с водой - Они ж вас враз духам сдадут.

- Не сдадут! - уверенно ответил советник, глотнув из фляжки.

- А нам, что с этими обезьянами делать?! - спросил Сидор, кивнув головой на смертельно напуганных афганцев у майора.

- Ничего вы с ними не поделаете! - предрёк сведавший майор, - Пока огонь не прекратиться, они с места не сдвинутся.

Зло поглядев на зелёных и, оттеснив их толчками от овринга, дозор и основная группа в скорости вбежали на обстреливаемую высоту и столкнулись со шквальным огнём противника.

Они ответили огнём и, чтобы укрыться от поражения, начали занимать позиции в рельефных складках местности и за валунами. Мятежники предусмотрели это наперёд, и перед началом высадки десантных групп, заминировали укрытия итальянскими противопехотными минами, превратив купол горы в обширное минное поле.

Наступление роты захлебнулось. Купол горы всецело простреливался устойчивым огнём с господствующей высоты, где были оборудованы опорные пункты с огневыми точками, не позволявшими разведчикам поднять головы.

- Всем в укрытие! - закричал капитан Середа. При занятии разведчиками огневых позиций произошли один

за другим подрывы троих солдат. Попытки перетащить их в укрытие для оказания первой медицинской помощи, мятежники пресекали прицельным огнём.

В сложившейся обстановке, оказавшийся рядом с позицией раненых, Руст не стал поручать опасное задание другим, а приказал взводу оставаться на своих местах и прикрывать его огнём, а сам взял сапёрный щуп и в ходе многочасового боя, трижды оттащил раненных в укрытие, где перевязал и вколол промедол.

Подрывы на минах имели тяжёлые последствия. Отрывы голеней, в разных случаях, отягощались также разрывом паха и лишением глаз. Это психологически подавляло воинов. Чтобы укрыться от огня, было необходимо оборудовать позиции, в мелком сыпучем грунте.

- Всем срочно окапаться! - приказал капитан Середа. Стояла жара выше +50С. Едва, солнце отклонилось от зенита, по рупорному громкоговорителю мятежный муэтдин зычно предвестил азаном о начале полуденной молитвы Зухр, стрельба резко прекратилась и, наступило временное огневое затишье.

- Шило, Тышкевич выделить бойцов для эвакуации раненых - приказал Середа командирам взводов, лейтенантам. Погрузив раненых на плащ-палатки их унесли с высоты и передали подразделениям второго эшелона для отправки вертолётами.

Разведчики активно окапывались, Сидор и Костёр, заняли позиции поблизости. Они доставали сыпучий грунт, складывали его перед собой и утрамбовывали в бруствер. Картинка с разрывами ног, с торчавшими костями и ошмётками мягких тканей и муки подорвавшихся на минах товарищей оставались у Руста перед глазами.

Вопреки сложившейся обстановке, Руст достал из рюкзака неизменный спутник всех боевых походов - свой маленький японский транзистор SANYO и, настроив на короткую волну, положил на внутреннюю сторону бруствера.

В эфире шёл концерт по заявкам радиослушателей и звучала подводка к песне «Снег кружится» авторов Л.Козловой и С.Березина в исполнении вокально-инструментального ансамбля «Пламя»:

«Сегодня целый день идет снег,
Он падает, тихо кружась.

Ты помнишь, тогда тоже все было засыпано снегом?
Это был снег нашей встречи.

Он лежал перед нами белый-белый,
Как чистый лист бумаги,
И мне казалось, что мы напишем на этом листе
повесть нашей любви.»

Слышимость песни звучащей в радиозэфире, была приличной и достигаемой слуху, находившихся близко Сидора и Костра. Друзья, переглянулись и с гэггом сопоставили её стихи с гератским рельефом.

Белого цвета горный рельеф иранского нагорья, освещённый ярким августовским солнцем, ассоциировался с картинкой «кружившего и засыпавшего белого-белого снега», с юмором, проецированного в афганскую реальность, на «белый-белый горный пейзаж» – зной, жажду и басмачей.

«Засыпавшим снегом целый день» – они видели снаряды артиллерии, ударявшие по басмачей, а повестью «нашей большой любви» – шесть минувших лет Афганской войны.

Звучавшая в радиозэфире песня о зиме и любви, тотчас подключила к групповому пению, находившихся поблизости Сидора, Костра, Руста, а с ними и Замятина, Гуда, Магомедова, Саркисяна, Солодуху, Силкина и других:

«...Такого снегопада, такого снегопада,
Давно не помнят здешние места,
А снег не знал и падал, а снег не знал и падал
Земля была прекрасна, прекрасна и чиста»

Строки о том, что «такого снегопада, давно не помнят здешние места» – говорили о масштабе операции «Западня», которого не помнили местные басмачи.

«...А снег не знал и падал,
А снег не знал и падал,
Зима была прекрасна,
Прекрасна и чиста...»

Смеясь сквозь растрескавшиеся в кровь губы, ворочая сухим языком воины, надрывая голоса, подпевали транзистору:

«...И верю я, что скоро,
и верю я, что скоро
По снегу доберутся
Ко мне твои следы...»

Этими строками советские войны обещали басмачам в ближайшее время непременно до них добраться.

«...Снег кружится,
Летает, летает,
И поземкою клубя,
Заметает зима, заметает,
Всё что было до тебя...»

Какой, к черту, снег?! Над кем он кружился? Кого заметал? До разгрома басмачей было ещё далеко. Зажатые басмачами на простреливаемых вершинах, скованные возможностью наступать, войны делали всё необходимое чтобы:

«Раскинулись просторы,
Раскинулись просторы,
До самой дальней утренней звезды,
И верили, что скоро,
И верили, что скоро» - победой завершатся, их ратные пути.

Концерт по заявкам радиослушателей закончился, с этим возобновился бой, продлившийся до сумерек. После прекращения огня, офицеры роты приказали сержантам уточнить запасы боеприпасов и воды.

Ночью войны чистили оружие, выделяя на сон редкие часы, а мятежники перегруппировывали силы, доставляли на огневые позиции боеприпасы и, обходя высоты, где закрепились Советские войска, минировали отходные тропы. По ним шли реверсные движения - доставка боеприпасов и воды и, эвакуация погибших и раненных и погибших.

Наступало утро, об утренней молитве Фаджр истово возвестил мятежный муэтдин. По её завершении, словно по взмаху баттуты, оркестр из двух высот заиграл симфонию «Мела свинцовая метель» - стороны открыли массивированный огонь. Спустя часы боя, раскалённые до багрового цвета непрерывной стрельбой оружейные стволы дымились, отдавая запахом жженой сметаны.

В продолжившемся противостоянии на главном театре военных действий, появились штурмовики Су-25. Они парами пролетали над позицией роты и, сменяясь, наносили бомбоштурмовые удары, круша фортификационные

сооружения басмачей. Воины воспряли духом. Каждая новая атака Су-25 вызывала у разведчиков восторг.

Но, боеприпасы их были уже на исходе, боекомплекты снаряжены последними патронами, а вода закончилась накануне. Не давая вертолётам сбросить боеприпасы и воду, мятежники били из гранатомётов, зениток и ДШК.

Под протяжное чтение сур из Корана, звучащее в ходе боя по мощному громкоговорителю, басмачи вскакивали из укрытий, вставали в полный рост и выпускали снаряд гранатомёта или длинную пулеметную очередь.

Так, бравирюя собственным бесстрашием, они старались оказать психологическое воздействие и подавить моральный дух разведчиков.

- Красиво воют! - отметил самодовольный Сидор, сняв выстрелом снайперской винтовки неприятельского пулемётчика - Но мы всё же лучше!

В ходе бомбо-штурмовых ударов пар Су-25 и ответного огня из зенитных и ракетных комплексов громкий голос муэтдина, мотивировавшего сподвижников по рупорному громкоговорителю чтением строк из священнописания только усиливался.

Нежданно, переставший работать под палившими лучами солнца, транзистор SANYO, поняв важность момента, паки заработал и, насвежо перешёл ко второй части концерта по заявкам радиослушателей - звучала песня Намина С. И Шаферана И. «Мы желаем счастья вам» в исполнении ВИА «Самоцветы»:

«В мире, где кружится снег шальной,
Где моря грозят крутой волной,
Где подолгу добрую
Ждем порой мы весть...»

Глядя на очередной заход пары Су-25 на бомбоштурмовой удар, бойцы подхватывали строки из припева и громко до хрипоты, дружно пели:

«Мы желаем счастья вам,
И оно должно быть таким,
Когда ты счастлив сам,
Счастьем поделись с другим...»

«Счастье», которым в каждом куплете призывали делиться строки песни, в той ситуации были

неуправляемые реактивные снаряды и авиабомбы Су-25. Окрыленные поддержкой с неба бойцы, усиливали стрелковый огонь и с улыбкой на лице, как могли громко, запевали:

«... Мы желаем счастья вам,
Счастья в этом мире большом,
Как солнце по утрам,
Пусть оно заходит в дом...»

Бой ещё продолжался, обессилевшие и обезвоженные, но полные решимости повергнуть врага, воины продолжали совмещать интенсивную стрельбу и пение, вкладывая в слова песни актуальный для обстановки смысл. Всякий раз, с приближением припева – с усмешкой и блеском в глазах они усиливали плотность огня и громкость коллективного пения – «желали всем счастья». В ходе ударов пар Су-25 и боевых вертолётов Ми-24, мятежники не укрывались от воздушных атак, а яростно продолжали вести ответный огонь из зенитных установок ЗГУ-23-2 и английских ракетных комплексов (ПЗРК) «Blowpipe».

Ракеты мятежников, не прекращая летели в наши крылатые машины, едва успевавшим отлететь и скрыться от попадания. Но в одном из таких сражений ракетой ПЗРК басмачей был поражён штурмовик Су-25. Самолёт охватило пламя, пилот развернул машину в тыл и катапультировался. На выручку летчику срочно была направлена пара Ми-24.

Шёл третий день. Бой начинался с восходом солнца и стихал к сумеркам. Ночью разведчики чистили оружие, отводя на отдых редкие часы. Когда одному Ми-8МТ, всё же удалось с рассветом сбросить груз на тыловую высоту, командир роты Середа вызвал к себе Руста.

- Тукаев! Надо выделить из взвода четырёх бойцов, чтобы они отошли на тыловые высоты и транспортировали боеприпасы и воду на передний край.

- Товарищ капитан! Вы ж знаете, у меня во взводе в данный момент в основном необстрелянные бойцы, не прослужившие за речкой и месяца – объяснял Руст, – разрешите, тогда уже мне, повести эту группу?! – обратился Руст.

- Ты мне нужен здесь! – отказал Середа.

- Три дня назад, если помните - продолжал настаивать Руст, - следуя впереди головного дозора, я привёл роту на занимаемую высоту и хорошо запомнил все тропы. Я уверен это сохранит жизни молодым - необстрелянным. Разрешить мне повести группу?! - повторил просьбу Руст.

- Хорошо! - согласился Середа.

Так под командованием Руста, преодолев длительный путь, с боеприпасами и запасами воды, группа приближалась к переднему краю.

(Глава в работе, продолжение следует)

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Общевойсковая операция с кодовым названием «Западня» проводилась 18-26 августа 1986 года в провинции Герат на западе Афганистана - границе с Ираном. Её цель состояла в овладении стратегическим базовым - укреплённым районом Кокари-Шаршари. На этапе Афганской войны (1979-1989) иностранная помощь вооружённой афганской оппозиции - вооружение, боеприпасы, обмундирование, продовольствие, средства агитпропаганды и другое, доставлялась по отработанным маршрутам караванами автотранспорта и вьючных животных с территории сопредельных государств - Пакистана и Ирана.

Для их складирования и перевалки вглубь афганской территории, в труднодоступных приграничных горных районах - на иранской и пакистанской границе, на средства своих иностранных покровителей, мятежники создавали перевалочные базы - главные органы снабжения в системе тылового обеспечения вооружённой оппозиции. На них хранили арсенал, проходили лечение раненые мятежники, велась их боевая подготовка.

Построенная в 1984 году по проекту западногерманских фортификаторов Кокари-Шаршари, была главной перевалочной базой оппозиции на иранском направлении и мощным укреплённым районом.

Подступы к ней прикрывались тремя рубежами опорных пунктов. Укрепрайон имел эффективную противовоздушную оборону с большим количеством ПЗРК, ДШК, ЗГУ-23-2. Кокари-Шаршари была вотчиной одного из лидеров вооружённой оппозиции, командующего западной объединённой группировкой Мохаммада Исмаил-хана (Турана

Исмаила) – до Саурской революции 1978 года, кадрового офицера 17-й пехотной дивизии вооруженных сил ДРА, принявшего со своим подразделением активное участие в Гератском антиправительственном мятеже и перешедшим на сторону вооруженной оппозиции.

Знание военной науки, опыт и завоёванный авторитет позволили ему в сжатый срок стать региональным эмиром и возглавить вооруженное сопротивление официальной власти по всему западу Афганистана. Под его властью находилось семь западных провинций, свыше 200 отрядов общей численностью в пять тысяч мятежников.

Как член партии Исламское общество Афганистана ИОА, Исмаил-Хан входил в её высший совет и был третьим по значимости лицом. Он определял боевую деятельность её формирований на западе, и распределял финансовые потоки иностранной помощи.

К общевойсковой операции «Западня» были привлечены значительные силы и средства Ограниченного контингента Советских войск из провинции Герат и других регионов. От правительственных сил ДРА к операции привлекли дислоцированную в провинции пехотную дивизию, танковую бригаду и подразделение Службы государственной безопасности «Коммандос».

Командование операцией «Западня» осуществляли начальник оперативной группы Министерства обороны СССР генерал армии Варенников В.И. и заместитель командующего 40-й армией генерал-майор Кондратьев Г.Г.. К сожалению, секретность операции была нарушена, утечкой сведений в среде афганского командования – об этом свидетельствовала боеготовность мятежников.

ЧАСТЬ II.

ЦУГЦФАНГ ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА БРУНО ТЕВСА

Цугцванг – это принуждение к губительному ходу.

25 года спустя. Январь 2009 года.

КАЛЬВ округ Карлсруэ Земля Баден Вюртемберг Юго-запад ФРГ

Замок графа Цеппелин. Центр сил специальных операций «KSK» (Kommando Spezialkrafte) Бундесвер. Комната в бункере, стены окрашены в ахроматический

цвет, тускло светят круглые плафоны, в одну из стен вмонтировано стекло-шпион «гезелла», в центре комнаты сидит обессиленный молодой мужчина с десятидневной щетиной, его руки прикованы наручниками к сидущке стула.

Он не спал ночь, накануне совершил недельный ста шестидесяти километровый марш-бросок по болотистой местности, а затем многие часы подвергался поочерёдному воздействию внешних раздражителей - ослеплению мощным светом прожектора, охлаждению напором ледяной воды, и оглушению рок-н-ролльным звуком.

Из смотровой комнаты, за испытанием следила комиссия из руководителей направлений KSK. Внезапно в «смотровую» вошёл руководитель KSK - бригадный генерал Маркус Нойманн. Увидев начальника, офицеры встали. Он приветственно кивнул головой и, махнув рукой, предложил сесть.

- Ну как он? - спросил Нойманн, у кадровика KSK оберста (полковника) Курта Воллмера, не отводя взгляд от происходившего за стеклом.

- Держится неплохо - господин бригадный генерал.

- Зачитайте мне его личное дело, Воллмер - приказал Нойманн.

- Слушаюсь, господин бригадный генерал - ответил Воллмер.

Бруно Тевс 1985 года рождения, в ФРГ прибыл в 1989 году из Казахстана (Джамбул) в возрасте 4-х лет с матерью и родственниками по Федеральному закону о делах переселённых лиц - «Bundesvertriebenengesetz» (BVFG). Семья поселилась во Фрайбурге. С отличием окончил школу, целенаправленно готовился к службе в армии. В совершенстве владеет русским языком, и английским.

Члены семьи: отец - Константин Тевс 1966-го года рождения, поволжский немец, погиб в Афганистане 17 июня 1986-го года в районе Хост-Ва-Ференг провинции Баглан.

Мать - Роза Тевс искусствовед живёт во Фрайбурге. Вдова.

Военная служба: По окончании школы, проходил срочную службу в 26-й воздушно-десантной бригаде в 263-м десантном батальоне в городе Цвайбрюккен земля Рейнланд-Пфальц, оттуда обер-штабс-еврейтор Тевс поступил в высшую офицерскую школу. В 2008-м году получил военную специальность армейского разведчика и звание лейтенанта.

Был отобран в состав KSK, проходил службу в должности командира группы в дивизии сил быстрого реагирования в Штадталлендорфе. Звание обер-лейтенанта присвоено досрочно. Спортсмен, победитель Бундесвера по боксу.

В начале января 2009-го года обратился к командованию KSK с просьбой, направить для дальнейшей службы в оперативную группу «Task Force-47» в составе объединённых сил западной коалиции ISAF в Афганистане.

- Какие будут мнения? - спросил Нойманн.

- По всем дисциплинам и этапам пройденных испытаний обер-лейтенант Бруно Тевс аттестован наивысшими баллами - господин бригадный генерал. Уровень подготовки даёт основания считать его одним из лучших армейских разведчиков и рекомендовать к ротации в Афганистан - доложил Воллмер.

- Соглашусь с вами Курт - резюмировал Нойманн и подписал документ о рокировке.

Авиабаза Бундесвера МАЗАРИ-ШАРИФ. АФГАНИСТАН

20 января 2009 года, военный аэродром Мазари-Шариф Афганистан, объединённых сил западной коалиции в Афганистане ISAF - зона «Север». На взлётную полосу сел военно-транспортный самолёт «С.160D Transall». Из рампы спустился высокий, спортивного телосложения, светловолосый молодой обер-лейтенант, в голубой парадной форме, его имя Бруно Тевс.

Афганистан встретил Бруно - сухой, ясной, безветренной погодой и температурой +12С.

После регистрации в штабе регионального командования зоны «Север» ISAF, Бруно, надлежало прибыть к месту своей будущей службы в «Task Force-47» - секретное разведывательное антитеррористическое подразделение Бундесвер в городе Кундуз. Ожидая прилёта вертолёта, он расположился на кресле в зале аэродрома, достал книгу и начал читать.

14 АПРЕЛЯ 1929 года. СОВЕТСКО-АФГАНСКАЯ ГРАНИЦА

Истекала тёплая апрельская ночь +17С, чувствовалось лёгкое дуновение бриза и слышался шум течения реки. На юру северного берега пограничной Амударья, за два часа до денницы стоял строй особого отряда РККА Рабоче-крестьянской Красной Армии, переодетый в афганскую

военную форму и слушал боевой приказ своего командира – комкора Виталия Примакова с позывным «Витмар».

К тому моменту передовая группа его отряда уже преодолела водную преграду и бесшумно сняв афганскую пограничную заставу, обеспечила условия для переброски «за речку» основных сил – двух тысяч бойцов-красноармейцев – узбеков, туркмен, таджиков, казахов, киргизов, уйгуров из кавалерийского и горнострелкового, полков, конно-горного артиллерийского дивизиона национальных частей Среднеазиатского военного округа САВО.

На вооружении особого отряда было 4 горных орудия, 12 станковых и 12 ручных пулемётов, мощная подвижная радиостанция и достаточный запас провианта.

Командиры подразделений отряда Витмара получили мусульманские имена, которыми им надлежало пользоваться в присутствии афганского населения. Витмару достался псевдоним турецкого офицера Рагим-бей.

На моторных лодках, баржах и каюках, особый отряд РККА форсировал Амударью и, проникнув на сопредельную территорию, двинулся на юг.

Одновременно с его переброской в районе населённого пункта Термез Узбекской ССР, советско-афганскую границу пересекли шесть аэропланов САВО, оснащённых бомбами и пулемётами.

Дважды, облетев по кругу афганский погранпост Патта-Гиссар, они снизились и совершили по нему мощный огневой налёт, уничтожив казармы и весь личный состав. Из 50 афганских пограничников уцелели лишь двое. Они побежали на соседний погранпост Сия-Герт – в 20 верстах и сообщили о нападении.

Выступивший из Сиях-Герт в Патта-Гиссар, отряд из 100 афганских пограничников, предпринял попытку блокировать проникновение извне, но не преодолев и шести вёрст, был уничтожен огнём пулемётов отряда Витмара.

16 апреля, продолжив продвижение вглубь афганской территории, отряд Витмара подступил к городу Келиф. Оборонявшие его афганские армейские формирования, отчаянно отражали атаки витмаровцев, но после первых пушечных выстрелов и пулемётных очередей, моральный дух их был сломлен, и они сложили оружие.

Предшествовавшие события

В начале апреля 1929 года, к советскому руководству с просьбой о содействии в возвращении к власти свергнутого короля Амануллы-хана, обратился генеральный консул Афганистана в Ташкенте, в прошлом военный министр эмирата генерал Гулям Наби-хан.

Апропо, свергнутый король Аманулла-хан первым из лидеров государств установил с молодой советской республикой РСФСР дипломатические отношения, подтвердив независимость сторон и, обязавшись не заключать с третьей державой военного или политического соглашения, наносившего им ущерб. В 1921 году, им же был подписан первый советско-афганский договор «о Дружбе», а в 1926 году, договор «о Нейтралитете и взаимном ненападении».

В связи с обращением представителей Амануллы-хана, Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) Сталин И.В. принял в Кремле делегацию – министра иностранных дел королевства Афганистан Гуляма Сидык-хана Чархи, генерального консула Афганистана в СССР Гуляма Наби-хана и военного атташе СССР в Афганистане Виталия Примакова.

В обращении была просьба о формировании в Среднеазиатском военном округе специального отряда из числа красноармейцев и покинувших страну афганских военных. В нём, также сообщалось, что после пересечения советско-афганской границы, отряд пополнится тысячами сторонников Амануллы-хана. Поэтому операцию по возвращению короля к власти было решено провести силами небольшого конного отряда с участием афганских военных и при поддержке местного населения.

По итогам встречи вышел приказ, телеграфированный из Москвы в Ташкент:

«В целях оказания военной помощи сверженному королю Аманулле-хану, срочно сформировать в Среднеазиатском военном округе особый отряд РККА из числа коммунистов и комсомольцев для проведения в апреле 1929 года специальной операции в Афганистане».

Важно отметить, что сам свергнутый король Аманулла-хан, прихватив с собой казну, с когортой верных себе людей бежал на юг – в родовое гнездо в Кандагар.

Операция набирала обороты: 17 апреля отряд Витмара овладел городом Ханабад провинции Балх, а 22 апреля, разнеся ударам прямой наводкой артиллерийских орудий ворота крепости Мазари-Шариф, ворвался в город. Защитники захваченного гарнизона бежали в крепость Дейдади и Ташкурган.

Потери афганцев в Мазари-Шариф превысили 3 тысячи человек, притом, что в отряде Витмара они были единичные. В донесении, отправленном в Штаб САВО и в Москву, телеграфировалось: «Мазар занят отрядом Витмара».

Советский генеральный консул, находившийся в момент штурма Мазари-Шариф отрядом Витмара в черте города, вспоминал: «Пехота, бросившаяся в город, забыла, что ей нужно было играть роль афганцев, и пошла в атаку с традиционным русским «Ура».

В подтверждение к этому, нелегальный представитель разведывательного управления в Мазари-Шарифе Матвеев вспоминал: «Несмотря на то, что по отряду было отдано распоряжение по-русски не разговаривать, после занятия Мазари-Шариф на улицах сплошь и рядом раздавалась русская нецензурная брань. Наши самолёты самым бесцеремонным образом, даже не закрасив звёзд на крыльях, ежедневно совершали полёты в районе противника и бросали бомбы».

За неделю боевых действий к отряду Витмара присоединились 500 местных хазарейцев, дезертировавших из афганских воинских частей. Из них в отряде Витмара был сформирован отдельный батальон.

Узурпировавший монарший трон 11 декабря 1928 года в результате вооружённого восстания и свержения короля Амануллы-хана, Хабибулла Калакани «падишах Афганистана - эмир Хабибулла II» и высшее духовенство эмирата объявили вторгшемуся отряду Витмара джихад. На священную войну под зелёным знаменем Ислама началась мобилизация ополчения и подготовка к наступлению.

24 апреля операция вошла в активную фазу: афганские племенные формирования, дислоцированные в крепости Дейдади (Дехдади), расположенной южнее предприняли попытку выбить отряд Витмара из Мазари-Шариф.

Большие по численности, но плохо организованные, они возобновляли атаки на открытой местности, наступая плотным строем на встречный, орудийный и пулемётный огонь витмаровцев. Однако к ночи их атаки прекратились.

Отчаявшись овладеть Мазари-Шариф штурмом, афганцы взяли его в плотное кольцо и перевели на осадное положение, перекрыв арыки и акведуки, питавшие город водой. В афганском подразделении под командованием генерала Гуляма Наби-хана в составе отряда Витмара, возникли упаднические настроения и паника.

26 апреля, самолеты САВО доставили осажденному в Мазари-Шариф отряду Витмара 10 пулеметов и 200 снарядов к артиллерийским орудиям.

Витмар телеграфировал в Ташкент донесение:

«Нужна помощь! Окончательное решение задачи лежит в овладении Дейдади и Балхом. Живой силы для этого нет. Необходима техника. Вопрос был бы решен, если бы я получил к орудиям 200 газовых гранат, начиненных ипритом (200 хлоровых гранат мало). Кроме того необходимо сделать отряд более маневроспособным, дать мне эскадрон головорезов...

Мне отказано в эскадроне, авиации, газовых гранатах. Отказ нарушает основное условие: возьмите Мазар, потом легально поможем. Если можно ожидать, что ситуация изменится и мы получим помощь, я буду оборонять город. Если на помощь нельзя рассчитывать, то я буду играть ва-банк и пойду брать Дейдади. Возьму — значит мы хозяева положения, нет — обратимся в банду и ищем пути домой».

В ответ на донесение Витмара, на следующий день на поддержку особого отряда был направлен эскадрон с пулеметами, однако приблизившись к Мазари-Шариф, он столкнулся с превосходившим численностью формированием афганской армии и возвратился на советскую территорию.

А 5-6 мая авиации САВО нанесла массированные бомбоштурмовые удары по позициям осаждавшего противника.

Одновременно с этим, форсировав Амударью и, завершая двухдневный марш, к Мазари-Шариф подходил эскадрон 2-го туркменского кавалерийского полка туркменской бригады — 400 красноармейцев с 6 орудиями и 8 пулеметами, в афганской военной форме. Им командовал комполка Петров И.Е. с мусульманским именем Зелим-хан.

На ближнем подступе к Мазари-Шариф эскадрон комполка Петрова И.Е. встретили, преобладавшие числом афганские формирования, однако, в считанные минуты они были сметены его орудийно-пулеметным огнем. Воссоединившись, отряды Витмара-Петрова, отбросили осаждавшие силы афганцев в крепость Дейдади.

8 мая после массированных ударов авиации и натиска отряда Витмара-Петрова, крепость Дейдади пала, оставив трофеи: 50 орудий, 20 пулеметов и большое количество стрелкового оружия с боеприпасами.

Из материалов разведотдела Среднеазиатского военного округа, 1929 год:

«Провозгласивший себя падишахом Афганистана, таджик Хабибулла Калакани по кличке Бачаи Сакао – сын водовоза, в юности работал садовником. После прохождения срочной военной службы, вновь был призван в армию, но уже резервистом.

В промежутках между этапами военной службы в начале 1922 года участвовал в восстании против Советской власти в Восточной Бухаре в составе добровольческого отряда из Панджшерского ущелья под командованием турецкого офицера и предводителя басмачества Энвера-паши».

Восстановив силы, через двое суток, отряд Витмара-Петрова, несколькими колоннами продолжил движение на юг. Тем временем, с двух сторон: с востока – из Кундуза и с юга – из Кабула, на разгром вторгшихся отряда РККА, двигались 3000 басмачей узбекского курбаши Ибрагим-бека и 1500 национальных гвардейцев Хабибуллы II под командованием военного министра генерала Сеида Хусейна.

11 мая на пути к заданной цели, передовой отряд Витмара-Петрова – 350 красноармейцев обнаружил, надвигавшееся формирование узбекского курбаши Ибрагим-бека и экстренно, на главном направлении, выставил восемь артиллерийских орудий.

Дополнительно к этому, с обеих сторон дороги на расстоянии 200-ти метров красноармейцы установили по два пулемёта, взяв её участок под прицелы.

Подпустив кавалерию Ибрагим-бека на расстояние 500 метров, отряд Витмара-Петрова открыл по ней артиллерийский огонь прямой наводкой: три орудия били в головную часть его колонны, три в замыкающую, а два в центр. С укрытий на флангах по басмачам открыли огонь пулемёты.

Из материалов разведотдела Среднеазиатского военного округа, 1929 год:

«Известно, что эмир Хабибулла II – таджик по национальности, установил тесные контакты с находящимся в эмиграции в Кабуле эмиром Бухары Сейидом Алим-ханом и крупнейшим лидером басмачей на севере Афганистана Ибрагим-беком, оказывая им всяческое содействие в подготовке похода на Бухару».

Басмачи оказали ожесточённое сопротивление, однако уже через два часа, застигнутая врасплох кавалерия Ибрагим-бека была наголо разбита. Бежавшие с места боя басмачи были настигнуты и уничтожены, а те, немногие, кто смог уйти от погони, рассеялись по местности.

Спустя полчаса после разгрома отряда Ибрагим-бека, стало известно, что навстречу отряду Витмара-Петрова надвигается многочисленное формирование национальной гвардии под командованием Сеида Хусейна. Оценив кратное превосходство сил противника, комполка Петров И.Е. решил оказать на его командира психологическое воздействие.

Он приказал направить к Сеиду Хусейну трёх раненных пленных из отряда Ибрагим-бека, чтобы те сообщили ему о жертвах, понесённых басмачами в столкновении с красноармейцами - 2500 убитыми, 176 пленёнными и 300 оставшимися в живых.

Реляция произвела на Сеида Хусейна удручающее впечатление. Он отдал приказ гвардейцам сложить оружие, а сам бежал.

Объединённые силы Ибрагим-бека и Сеида Хусейна 10-12-кратно превосходили числом отряд Витмара-Петрова. Выступили они одновременно - против, либо прибудь Сеид Хусейн с формированием ещё до разгрома отряда Ибрагим-бека, исход для особого отряда был бы иным.

Из материалов разведотдела Среднеазиатского военного округа, 1929 год:

«На этапе военной службы резервистом, Хабибулла Калакани был обвинён военным комендантом Кабула в попытке присвоить денежное вознаграждение за ликвидацию находившегося в розыске бандита. Был помещён в тюрьму Пули-Чархи, из которой бежал и был признан дезертиром.

Впоследствии, примкнул к участникам народных волнений в провинции Лагман - пуштунам и таджикам, выступавшим против реформ Амануллы-хана и отступления от канонов ислама. Благодаря своим ораторским способностям, возглавил вооружённое восстание и, изгнав с трона афганского монарха, занял его место».

В ходе дальнейшего продвижения на юг, 12 мая отряд Витмара-Петрова овладел городом Балх, а на следующий день городом Ташкурган.

Нежданно, 18 мая Витмар получил из Ташкента приказ спецавиабортom срочно вылететь в Москву. Командование

отрядом принял Александр Черепанов, получивший на время операции афганское имя «Али Авзаль-хан». По приказу Витмара, Черепанов А.И. продолжил продвижение особого отряда РККА на юг, в сторону Кабула.

В это самое время в Кундузе на северо-востоке Афганистана проводился сход старейшин, духовенства и чиновников. На заседании, также присутствовали, опекавшие басмачей, резиденты английской разведки.

По его итогам было подготовлено «воззвание к афганскому народу» – «в связи с нападением на Мазари-Шариф и Катаган прекратить междоусобные распри и выступить единым фронтом на джихад против кафиров».

Тем временем в штабе САВО, было принято решение о выполнении ударами авиации сразу двух стратегических задач – взаимодействие с отрядом Черепанова А.И. и поражение органов тылового обеспечения басмачей, регулярно совершавших вооружённые вылазки на Советскую территорию. Благо, регион был один и тот же.

Так, 23 мая 1929 года были нанесены бомбо-штурмовые удары по тыловым базам в городах Ханабад, Талукан, Хазрати-Имам, Алиабад и Андараб.

Из материалов разведотдела Среднеазиатского военного округа 10 марта 1929 года:

«Развёрнутая правительством эмира Хабибуллы II, политика укрепляет враждебные Советскому Союзу силы, создавая угрозу стабильности по обе стороны границы. Отмечается резкое повышение активности, выдавленных РККА в северный Афганистан, басмаческих формирований, участились случаи нарушения ими советско-афганской границы».

В тот же день, дивизия национальной гвардии под командованием Сеида Хусейна в составе двух пехотных полков и двух кавалерийских эскадронов, неожиданно атаковала и вернула под свой контроль город Ташкуртан, лишив отряд Черепанова А.И. тылового обеспечения.

Это повторило панику в афганском подразделении генерала Гуляма Наби-хана – младшие командиры, бросив оружие и подчинённых, бежали к советской границе, а Черепанов А.И. с отрядом возвратился назад, чтобы вернуть контроль над Ташкуртаном.

Утром 25 мая после авиационных и артиллерийских ударов, особый отряд Черепанова А.И. ворвался в город и ввязался в жестокие уличные бои. За два дня

противостояния, Ташкурган трижды переходил из рук в руки.

Окончательно выбив противника из Ташкургана, отряд Черепанова А.И. вернул управление городом, потеряв в боях 10 командиров и красноармейцев и, 74 хазарейца – убитыми, а также 30 красноармейцев и 117 хазарейцев – ранеными. В сражении за Ташкурган были израсходованы практически все боеприпасы, большая часть оружия выработала свой ресурс и стала непригодна.

Из материалов разведотдела Среднеазиатского военного округа, 1929 год:

«Правивший Афганистаном восемь месяцев – таджик Хабибулла Калакани, на случай потери им эмирской власти в Кабуле планировал при военной поддержке курбаши Ибрагим-бека образовать на севере Афганистана отдельное таджикско-узбекского государство».

Вопреки ранним заверениям генерала Гуляма Наби-хана советскому руководству об ожидавшей особый отряд РККА повсеместной поддержке автохтонного населения, всё произошло ровным счётом наоборот, он столкнулся с его открытой враждебностью.

В государствах Европы, Турции и Персии в одночасье узнали о вторжении Красной Армии в Афганистан. Бегство свергнутого короля Амануллы-хана после поражения его войска на юге, лишило особый отряд РККА легитимности пребывания на сопредельной территории и расценивалось, международным сообществом, как военная агрессия СССР против суверенного Афганистана.

В сложившейся обстановке 28 мая 1929 года, руководство ВКП (б) отдало приказ штабу САВО, отозвать особый отряд на Родину.

На этом месте, Бруно отложил чтение, вытянул ноги и закинул руки за затылок.

– Да! Повоевали парни – думал он: спецназу нашего поколения и не снилось. А ведь, всё описанное в книге, судя по названию населённых пунктов, произошло именно здесь – в Мазари-Шариф, Келиф, Дейдади, Ташкургане – думал Бруно. Из полёта мыслей его вернул голос дежурного офицера аэродрома, вызвавшего его к выходу на взлётную полосу.

Кундуз. Пункт дислокации ТФ-47. Место постоянной дислокации Task Force-47, он же ТФ-47, находилось на

северо-западной окраине Кундуза. На участке, огороженном двухметровым забором с колючей проволокой, был разбит: штаб, казармы, спортивный городок, автономная вертолётная площадка и стрельбище. Службу в нём несли офицеры из подразделений сил специальных операций, быстрого реагирования и армейской разведки Бундесвер в количестве 200 человек.

Командиром TF-47 был оберст Георг Юнг – невысокого роста, сухощавый, немногословный, очевидно в силу своего гамбургского происхождения, с пронзительным взглядом, офицер-разведчик в третьем поколении. Он глубоко знал своё дело, сумев за короткий срок развить обширную агентурную сеть и наладить работу разведки.

Едва, бронетранспортёр с Тевсом въехал на территорию TF-47, как на крыльцо штаба, встречать его вышел Георг Юнг, знавший к тому моменту о Бруно практически всё. Выпорхнув из брони, Бруно, надлежаше доложил о прибытии. Юнг принял доклад и, улыбнувшись, поприветствовал:

– Добро пожаловать в Афганистан! Читал ваше личное дело обер-лейтенант – хорошее начало. Ответьте, только откровенно – ваше стремление оказаться в TF-47, связано с гибелью здесь вашего отца? – но, не дав ответить, продолжил: хочется всё же верить, что печальное событие многолетней давности не повредит карьере, молодого перспективного обер-лейтенанта. Кстати, где это произошло?

– В районе Хост-Ва-Ференг провинции Баглан, господин оберст – с печалью ответил Бруно, уточнив: их полк стоял здесь, в Кундузе.

– Ясно. К вашему сведению, Баглан, тоже рядом – соседняя южная провинция, как и Кундуз, Тахар, Бадахшан входит в историческую область Катаган, в нашу зону ответственности «Север» – уточнил оберст: А что вы сейчас читаете – любопытствовал оберст, увидев в руках Бруно книжку на русском языке?

– «Большая игра в Афганистан» Ильяса Дауди – ответил Бруно.

– Ясно – произнёс Юнг, и подозрительно взглянув на Бруно, продолжил расспрашивать: Когда и из какой части Германии ваши пращурьы перебрались в Россию – вам известно?

– Да. В период правления Прусского короля Фридриха II, по Манифесту Российской Императрицы Екатерины II – княгини Софии Августы Фредерики Ангольт-Цербстской от

1762 года – в числе первых немецких семей, они поселились в Поволжье в Саратовской губернии. В Россию приехали с юго-запада Германии – Фрайбурга, куда и вернулись в 1989 году.

– Да! 227 лет срок не малый! – задумчиво произнёс оберст Юнг: историю семьи и народа надо знать! О'кей, сначала решите все формальности в штабе, а затем я представлю вас вашей группе. Завтра в 9.00 совещание командиров групп в ЦБУ (Центре боевого управления) TF-47. Да, и ещё – выберите себе позывной и вымышленное имя, здесь так принято – с этими словами разошлись.

Утром в ЦБУ TF-47 – помещении с большим количеством телефонов и военных карт, с очерченными границами провинций и уездов, названиями населённых пунктов, собрался офицерский состав во главе с оберстом Георгом Юнгом.

Обсуждались, вскрытые агентурой TF-47 планы лидеров движения талибан – моулави Шамсуддина и муллы Абдул Рахмана по серии нападений на колонны германской автогрузовой и бронированной техники и террористической атаке на гарнизон Бундесвера в Кундузе. По итогам совещания, TF-47 приступил к разработке плана операции с кодовым названием «Джокер».

ОПЕРАЦИЯ «ДЖОКЕР»

В сжатые сроки TF-47 провёл сбор агентурных и разведывательных данных. Их совпадение и проведённый анализ, с высокой долей вероятности указали на места постоянные пребывания лидеров талибан Шамсуддина и Абдул Рахмана. За объектами установили круглосуточное наблюдение.

Несмотря на отсутствие у обер-лейтенанта Бруно Тевса практического опыта в планировании и участии в спецоперациях, с целью скорейшего погружения в боевую среду, оберст Юнг, включил его в круг разработчиков плана операции «Джокер», и на этапе его реализации, это себя оправдало.

Между тем, в полученном TF-47 свежем агентурном донесении сообщалось: Шамсуддин, получивший, накануне, духовный сан «моулави» и статус лидера талибан провинции Кундуз, отдал приказ подконтрольным себе отрядам атаковать колонны германской автогрузовой техники и захватывать крупнотоннажные грузовики.

Их рассчитывали начинить крупной взрывчаткой и под управлением водителя-смертника, прорвавшего кордоны безопасности, направить вовнутрь гарнизона Бундесвер к местам скопления военнослужащих и жилым строениям и там взорвать. Атаку планировалось продолжить стрелковым и гранатомётным огнём, вторгшихся в гарнизон следом, подвижных групп талибов.

На следующий день в штабе ТФ-47 получили сигнал: совершено вооружённое нападение на колонну Бундесвера в районе Алиабада на трассе «Кудуз-Баглан». Тело водителя крупнотоннажного грузовика талибы бросили в кювет, а сам транспорт угнали в неизвестном направлении.

Атака подтвердила достоверность сведений агентуры. По горячим следам был задержан рядовой талиб, принявший участие в нападении на колонну. Данные им показания выявили лидеров отрядов талибов среднего и нижнего звена, и ТФ-47 взял их в оперативную разработку.

В прошествии нескольких дней в начале сентября, вновь была атакована колонна Бундесвера, угнаны два 50-ти тонных автоналивника, до отказа наполненные дизельным топливом.

Стремясь поскорее покинуть место нападения на оживленной автотрассе, талибы стали перегонять наливники по просёлочной дороге на северо-запад в направлении к Чахар-даре. При переправе через бурно текущую речку Кундуз, наливники застряли в песочном грунте.

Чтобы вытащить технику, из находившегося по близости кишлака Умар-хейль, талибы пригнали, переданные правительством СССР народу ДРА в 1980-е годы, два трактора «Беларусь» с тросами, а заодно и бросили клич местным жителям пополнить личные запасы соляры.

Таким способом, талибы планировали избавиться брутто от нетто и вытащить застрявшие наливники. Спустя полчаса, по данному поводу у цистерн скопилась длинная очередь местных дехкан с канистрами и другими ёмкостями.

Командовавший операцией «Джокер» оберст Георг Юнг направил запрос в региональный штаб зоны «Север» в Мазари-Шариф, провести аэрофотосъёмку местности беспилотными летательными аппаратами и установить точное месторасположение угнанной техники.

В скором времени – 5 сентября 2009 года, в ЦБУ ТГ-47 получили фотоснимки с месторасположения застрявших наливников, окружённых толпой гражданского населения.

КОРРЕСПОНДЕНТ «DER SPIEGEL» ОТТО ГРИНБЕРГ

За три недели до этого, в город Кундуз, прибыл собственный корреспондент германского журнала «Der Spiegel» Отто Гринберг – интеллигентный, хорошо образованный, опытный журналист со стажем.

Он был среднего роста, его светлокжее лицо, чёрные волнистые волосы и нос с горбинкой, явствовали о греческих или еврейских корнях. Несмотря на свой сорокалетний возраст, по причине постоянных длительных служебных командировок он оставался холост. Он был подтянут, неизменно гладко побрит и со вкусом одет.

Обязанность службы Отто заключалась в отправке в издательство в Гамбурге материалов о событиях, происходивших на северо-востоке Афганистана. Наряду с этой задачей ему было поручено, собрать интервью к развёрнутой статье, в связи, с предстоявшей 20-ти летней датой вывода Советских войск из Афганистана.

В поисках материала, он объезжал десятки населённых пунктов северо-восточной части страны, находившихся в зоне боевых действий советского контингента и моджахедов в радиусе ста километров от Кундуза – в уездах провинций Тахар, Кундуз, Баглан, Бадахшан, собирал интервью участников тех драматических событий – полевых командиров и рядовых моджахедов – ушедших на покой и продолжавших ещё практиковать.

Так, 2 сентября 2009 года, в одной из местных командировок в уезд Хост-Ва-Ференг в горах на северо-востоке провинции Баглан, Отто познакомился с бывшим моджахедом по имени Исматулла. Он воевал в отряде полевого командира Мохаммада Марзбона, больше известного по прозвищу Кази Кабир – сподвижника Ахмад Шаха Масуда по партии «Исламское общество Афганистана» в провинции Тахар.

Исматулла рассказал Отто о драматическом бое, произошедшем в июне 1986-го года в ходе крупной войсковой операции в горном массиве «Мугулан, Чольбахир и Тали Гобанг» с советской десантной группой, понёсшей большие потери.

В завершении своего рассказа, Исматулла передал Отто записную книжку и фотографию, принадлежавшие

советскому солдату, найденные им под валунами, в месте, где шурави складывали своих убитых и раненных.

ОБЕД В ЧАЙХАНЕ ЯКУБ-ХАНА

4 сентября 2009 года, Отто вернулся из поездки в Хост-Ва-Ференг, сильно проголодавшимся и решил пойти пообедать в чайхану Якуб-хана на знаменитом «Кундузском кругу» - на центральной площади города с множеством лавок и дуканов, закусочных, пунктов сервиса и быта.

Чайхана находилась в двух шагах от гостиницы «Спинзар», принадлежавшей одноимённой текстильной компании, основанной в Кундузе в середине 1920-х годов Шер-ханом Наширом, где Отто снимал номер. За две недели пребывания в Кундузе, Отто успел стать её постоянным гостем.

Хозяином заведения был Якуб-хан - бывший моджахед пуштун-гильзай лет сорока пяти, в чёрной чалме и с чёрным кожаным овалом на правом глазу, которого лишился в ходе боёв за Кундуз в августе 1988-го года.

В годы Афганской войны 1979-1989, Якуб-хан командовал одним из небольших отрядов подконтрольных Шамсуддину из «Исламской партии Афганистана», больше известному по прозвищу «доктор Шамс». Чайхану, он получил в дар от Шамса - за преданность и храбрость.

Несмотря на многие годы участия в боях, Якуб-хан остался доброжелательным человеком, он радушно встречал Отто на входе в чайхану, снискав ответное расположение немца.

Вот и в этот раз, увидев Отто, Якуб-хан расплылся в улыбке, и приложил ладонь к сердцу. Отто, поздоровался с ним и сидевшими в чайхане посетителями, традиционным «АсСаламу Алейкум» и на ходу сделав заказ, проследовал вглубь зала.

Его излюбленным местом был угловой топчан, расположенный под охлаждающим потоком кондиционера. Он разулся и, забравшись на застеленную кошмой тахту, вытянул ноги. В тот день он здорово устал.

С потолка, медленно вращая лопастями, перегоняли потоки воздуха три вентилятора, на топчанах, мирно беседуя, кушали и пили чай афганцы в разных национальных одеждах и традиционных головных уборах. За мирской суетой, с большого портрета на стене с улыбкой наблюдал присный им Ахмад Шах Масуд.

Гостей обслуживал сын Якуб-хана - Залмай, на вид, лет тринадцати, смуглый, с чёрными волнистыми волосами, спорый юноша в «кандахари» - расшитой цветной тубетейке с фигурным разрезом спереди и узорчатом жилете поверх рубахи с широкими рукавами.

Он не заставил Отто долго ждать и сразу принёс весь заказ: абие снятый с мангала, продолжавший шкварчить, шашлык из бараньих рёбрышек с прослойками курдючного сала и лёгким запахом дымка, горячую тандырную лепёшку и чайник зелёного чая.

Да, думал Отто, отдыхая на широком топчане от не смолкавшего уличного гомона, созерцая на суতোлку средневековых лиц в традиционной одежде, бойкий базарный торг, ишачий и конный извоз, брички, повозки и прибывший издалёка, караван двугорбых верблюдов-великанов, навьюченных огромными тюками товара - время здесь остановило свой ход, ещё со времён владычества Мохаммада Мурад-бека (1815-1842) из рода Катаган - правителя Кундузского ханства (1800-1859).

Завершив трапезу, Отто прислонился затылком к стене и закрыл глаза, сквозь дрёму, ему слышались - скрип лопастей вентиляторов, звон посуды, стук костей и шарканье шашек «шеш-беш», многоязычие собеседников и голос культового афганского певца Ахмада Захира, доносившийся из аудиоколонки.

В это же самое время - 5 сентября 2009 года Кундуз ЦБУ TF-47. После получения снимков с места расположения угнанных наливников, Oberst Юнг принял решение нанести авиаудар истребителями F-15Es по технике и скопившимся рядом с ней людям. В результате, по разным оценкам погибло от ста до ста шестидесяти афганцев, в числе которых были женщины и дети.

АВИА-УДАР ISAF в УМАР-ХЕЙЛЕ

Дрёму Отто прервал звук реактивных самолётов и упавших неподалёку тяжёлых бомб, сотрясших землю. Через пять минут послышался вой серен - десятка карет скорой помощи, промчавшихся мимо чайханы на высокой скорости.

Встревоженный Якуб-хан, переключил радиоприёмник на новостную волну и, прибавив звук, вслушался в экстренный выпуск. В течение нескольких секунд, он заметно поменялся в лице и побледнел.

Почувствовав кручень, Отто спросил:

- Что произошло?

- Сообщили, что самолёты ISAF нанесли авиа-удар в окрестностях кишлака Умар-хейль на границе уездов Чахар-дара и Алиабад, что привело к большому числу человеческих жертв среди гражданского населения - поделился Якуб-хан.

- Где находится Умар-хейль? - спросил Отто.

- Это рядом! - ответил Якуб-хан, пояснив подробнее: кишлак Умар-хейль находится в уезде Чахар-дара. От Кундуза нужно ехать на юг километра два, за тем повернуть на запад и, проехать приблизительно столько же.

Отто спешно покинул заведение и, взяв на кундузском кругу такси, в скорости направился к месту авиаудара. Время в пути заняло не больше 10 минут. В момент его прибытия территория была уже оцеплена полицейскими и служащими афганских сил содействия ISAF.

Взору предстали сгоревшие, перевёрнутые грузовики с цистернами и разбросанные на сотни метров фрагменты человеческих тел. Отто сделал несколько снимков, но поговорить с кем-либо из очевидцев не сумел. Он решил приехать на место на следующий день, чтобы проникнуть вглубь кишлака Умар-хейль и расспросить о произошедшем местное население.

Отто вернулся в гостиницу и узнал из новостных программ телевидения ФРГ, что в результате ударов натовской авиации в уезде Чахар-дара провинции Кундуз погибло более ста афганцев.

В ISAF заявили, что семьдесят из них были талибы, и всего лишь тридцать гражданское население - женщины и дети. Это существенно расходилось с данными афганских и международных правозащитных организаций.

ПОХИЩЕНИЕ ОТТО ГРИНБЕРГА и СУЛТАНА МУХАДИ

Следующим утром, встав с восходом солнца, Отто вызвал в гостиницу Султана Мухади - переводчика, сопровождавшего его во всех поездках по провинциям и, сев с ним в такси, направился в Умар-хейль к месту вчерашней трагедии. Быстро прибыв на место, перед тем как выйти из автомобиля Отто дал водителю наказ:

- Если к 20.00 мы из кишлака не выйдем, сообщите об этом администрации гостиницы «Спинзар». Затем Гринберг и Мухади вышли из машины и направились вглубь кишлака. Успевший хорошо примелькаться талибам в кишлаках и

уездах провинций Катагана, Отто смог собрать в Умар-хейле несколько интервью местных жителей.

Однако талибы, не имевшие что-либо против Отто, просто жаждавшие возмездия к ISAF и Бундесвер за трагедию в Чахар-даре, несмотря на мирную журналистскую деятельность, схватили его вместе с переводчиком Мунади, и о их местонахождении некоторое время никому не было известно.

Таксист, не дождавшись выхода из кишлака Грингберга и Мухади, как было договорено, рассказал о случившемся в «Спинзаре».

НОВАЯ ФАЗА ОПЕРАЦИИ «ДЖОКЕР»

Трагедия в Умар-хейле, унёсшая жизни десятков афганских граждан и вызвавшая широкий международный резонанс не отменила операцию «Джокер».

Ликвидация организаторов нападений на колонны Бундесвер – моулави Шамсуддина и муллы Абдула Рахмана, продолжавших вынашивать план нападения на гарнизон Бундесвер в Кундузе, оставалась для TF-47 приоритетной задачей.

Агентурные и разведывательные данные о местонахождении лидеров талибан, стекавшие в TF-47 в течение месяца, постоянно разнились. Однако, в один из дней оба источника дали схожие сведения. По ним, моулави Шамсуддин, в сопровождении двадцати пяти особо преданных талибов в назначенное время должен был прибыть в кишлак Халазай уезда Чахар-дара провинции Кундуз. В TF-47 экстренно приступили к разработке новой фазы операции «Джокер».

Операцию решили начать за час до азана на фаджр – призыва муэдзина к предрассветной молитве, это давало шанс застать талибов врасплох. Однако в последний момент выяснилось, что пункт прибытия Шамсуддина с отрядом в кишлак Халазай совпадает с местом содержания заложников, в числе которых находился и собственный корреспондент германского журнала «Der Spiegel» Отто Гринберг и переводчик Султан Мухади.

Задача спецназа значительно осложнилась, ведь ликвидацию Шамсуддина и его людей, надо было осуществить, не допустив гибели заложников. Выполнение этой сложной задачи полковник Георг Юнг решил поручить группе обер-лейтенанта Бруно Тевса. Юнг вызвал к себе

Тевса, они склонились над картой и стали подробно обсуждать план действий с учётом изменения обстановки.

- Ваша главная задача - обер-лейтенант, заключается во внезапности и слаженности действий. После высадки, важно быстро и точно установить, в каких помещениях находятся талибы, а где содержатся заложники, это продиктует вам плотность огня. Работать нужно ювелирно. Первое, что предпримут талибы, когда вы вломитесь в помещения, начнут расстрел заложников, даже если они не планировали этого ранее - предупредил Оберст Юнг.

- Я понял, всё будет сделано, господин оберст! - принял к исполнению Бруно.

После завершения инструктажа, оберст Юнг и обер-лейтенант Тевс направились к вертолётной площадке. Стрелки на часах миновали отметку 02.15, на дворе было уже по-осеннему прохладно, но безветренно.

На площадке с лёгким волнением, ожидали вылета на операцию два экипажа вертолётов «Eurocopter NH-90 ТТН» и две группы спецназа - по 20 бойцов, каждая.

- Удачи обер-лейтенант! Берегите людей! - прогорланил оберст Юнг, стремясь перекричать гул, запущенных двигателей и вращавшихся лопастей.

- Так точно! - ответил Бруно и запрыгнул в крайний вертолёт. Он стоял в кабине, оторвавшегося от земли вертолёта, подняв руку, пока перед его носом борттехник не запер дверь. Время в полёте заняло несколько минут.

В кишлак Халазай спецназ нагрянул внезапно и действовал молниеносно. Тевс и его группа, выбивали ногами и оружейными прикладами двери, врываются в помещения глинобитных построек, открывали огонь по талибам, стараясь, в суете, не зацепить заложников, но получили яростный отпор. Заложники метались в сторону и забивались в углы, пытались спастись от перекрёстного огня.

Бой длился менее десяти минут, когда стрельба прекратилась, Тевс приказал подчинённым уточнить собственные потери. А сам, достав из нагрудного кармана фотографию, начал искать среди убитых талибов Шамсуддина, но его среди них, не оказалось.

- Ушёл! - с досадой прошипел Бруно.

После уточнения потерь, он вышел на связь с Юнгом:

- Господин оберст, завершили! У меня один убитый и трое раненных, с различной степенью, один из них корреспондент «Der Spiegel».

Повисла пауза.

- Что с Шамсудином? - спросил Юнг.

- Среди погибших его нет. Но из периметра никто не вышел. Не пойму, где мы его потеряли! - ответил с досадой Бруно.

В эфире вновь повисла тишина. Было заметно, что итог операции огорчил Юнга.

- Плохо! - вернулся к разговору Юнг: О'кей, по возвращению разбор полётов. Теперь по эвакуации нашего погибшего и раненых - их в вертолёт и в Мазари-Шариф, а корреспондента грузи на бронетранспортёр и вези в Кундуз в гражданский госпиталь «Врачи без границ» MSF - нечего ему в военном госпитале делать, он и так нам операцию сломал».

Пока Тевс докладывал командованию об итогах операции, к месту её проведения стянулись пять бронетранспортёров «ATF DINGO-2». Медики спецназа TF-47 сразу же сделали Отто Гринбергу обезболивающий укол, а прошитое пулей бедро затянули жгутом и перевязали.

В докладе обер-лейтенанта Бруно Тевса оберсту Юнгу о потерях в операции не прозвучало имя афганского переводчика Султана Мухади, получившего в перестрелке пулю в голову и, скончавшегося на месте. Визит в кишлак Халазай за интервью стоил ему жизни. Вину за его смерть, Отто Гринберг возлагал исключительно на себя.

Бруно дождался эвакуации погибшего и двух раненных бойцов вертолётном в Мазари-Шариф, а уже потом, приказал двум спецназовцам из своей группы погрузить Отто Гринберга в бронетранспортёр, и вместе с ним отправиться сопроводить его в госпиталь в Кундуз.

Бруно сел сбоку от водителя на переднем сидении, Гринберг и два спецназовца, сзади. Некоторое время в пути, уставившись стеклянным взглядом вперёд, неистовавший Бруно, сидел молча, но при въезде в Кундуз, резко повернулся и обрушился на Отто Гринберга с громкой бранью:

- Ты чего сюда припёрся? Чего тебе дома не сиделось? Ты нам операцию сорвал! Бойца из-за тебя потеряли, двух ранило, Шамсуддина упустили!

Бледный от болевого шока, потери крови и действия анальгетика Отто Гринберг ответил:

- Вы делаете свою работу, я свою!

Выплеснув эмоции, Бруно остыл.

ГОСПИТАЛЬ «ВРАЧИ без ГРАНИЦ» MSF

Бронетранспортёр «АТФ-DINGO-2» с раненым Отто Гринбергом юрко заехал во двор госпиталя «Врачи без границ» MSF. Сопровождавшие спецназовцы помогли ему слезть и, уложив на носилки, занесли в приёмный покой. Вслед за ними вошёл и Бруно.

- Да! - подумал он: после кундузского зноя здесь настоящий рай - белоснежные стены, прохлада от кондиционеров, персонал в чистых глаженных одеждах и аппетитный запах из столовой. Вот он островок цивилизованной Европы в средневековой стране!

В Приёмном покое была суматоха и сутолока, врачи прибежали, потом опять куда-то убегали, до раненного Гринберга, казалось, никому нет дела. Бруно сильно нервничал и искал глазами кому бы поскорее передать корреспондента.

Заметив, что самочувствие Гринберга становится хуже, Бруно начал его заговаривать, задавая житейские вопросы:

- В Германии, где живёте? - спросил он по-доброму у Отто.

- В Мюнхене - ответил Отто, не затаив обиду за высказанные обвинения.

- Здорово! И я с юга - с Фрайбурга! - поделился Бруно.

- А в Афганистане что делаете? - спросил Бруно.

- Собираю интервью для статьи, посвящённой 20-летию вывода Советских войск из Афганистана.

- К юбилею вывода Советских войск?! - переспросил Бруно, выдав интерес к данной теме: О'кей! Но Советские войска ушли двадцать лет назад и, как это связано с событиями в Умар-хейле? Туда-то вас, каким ветром занесло?

- Я журналист! Моё место там, где происходят резонансные события - невозмутимо ответил Отто.

Заметив, что Бруно оттаял, Отто рискнул спросить:

- Обер-лейтенант, простите за бестактность, могу ли я вас попросить об одном деле? - спросил Отто.

- Смотря о каком? При всём моём желании быть вам полезным, надо помнить, что я военнослужащий и, у меня куча обязанностей, вверенное подразделение и требовательное начальство - объяснил Бруно.

- Суть просьбы проста - нужно заехать в гостиницу «Спинзар», где я снимаю номер, и забрать оттуда мою большую дорожную сумку. В ней вся моя одежда и сменное бельё - пояснил просьбу Отто: номер оплачен до конца

месяца, поэтому проблем с доступом не будет. И вот ещё что, в верхнем ящике прикроватной тумбочки лежит старая потрёпанная записная книжка, положите её, пожалуйста, в сумку.

Неожиданно, из-за спины Бруно, послышался приятный женский голос, попросивший на безупречном немецком языке переложить раненного Отто Гринберга на каталку, чтобы санитар мог увезти его в операционную.

Бруно с интересом повернулся и увидел перед собой высокую красивую восточную девушку. Её большие зелёные глаза, длинные ресницы и густые брови на фоне светлой кожи, а также свитая в кольцо толстая коса, произвели на Бруно магическое впечатление.

На вид ей было не больше двадцати пяти, явно не немка, скорее типичная афганка, однако она прекрасно говорила на немецком языке с характерным баварским диалектом. Соответствовавший размером, светло-зелёный медицинский костюм – брюки и, куртка, к которой был прикреплен бейджик «Dr.Akhmadzai» подчёркивали тонкую талию и другие достоинства женской фигуры.

– Фрау Ахмадзай, какой сюрприз – Вы прекрасно говорите по-немецки?! – обратился Бруно к доктору.

– Это мой второй язык. Я выросла в Германии, Мюнхене. В этот момент, санитар-афганец прикатил каталку, которая уткнулась Бруно в бок и он слегка отстранился. Доктор Ахмадзай прервала разговор, сказав: – Простите, мне надо идти.

Она негромко скомандовала санитару на языке дари – «везите в операционную», а сама, грациозной, полной достоинства, походкой пошла рядом. В этот момент, Бруно, ощутил прилив в голову крови.

– Обер-лейтенант! Так как моя просьба?! – спросил отъезжавший на каталке Отто, оцепеневшего, провожавшего взглядом доктора Ахмадзай, Бруно.

Я должен сюда непременно вернуться! – подумал Бруно, предположив: вероятно просьба Гринберга и есть божий промысел, позволивший мне вновь здесь оказаться – и без промедления ответил:

– Хорошо! Предупредите администрацию гостиницы. Постараюсь это сделать на днях – прокричал вслед Бруно, не отрывая взгляда от прекрасной афганки. С этого момента, она уже не выходила из его головы. Он сожалел, что не успел спросить её имени.

Выполнив поручение командования по эвакуации Отто Гринберга, Бруно и сопровождавшие его спецназовцы возвратились на базу.

К этому моменту в штабе TF-47 для подведения итогов операции оберст Юнг собрал командиров групп. Бруно Тевс подробно доложил о ходе операции – ликвидации талибов, исчезновении Шамсуддина, а также об освобождении корреспондента журнала «Der Spiegel» Отто Гринберга.

После завершения доклада, Бруно остался в кабинете оберста Юнга и рассказал о раненном корреспонденте Отто Гринберге.

- Господин оберст! Этот журналист из «Der Spiegel» – Отто Гринберг, обратился ко мне с просьбой, выполнение которой, в случае вашего не возражения, потребует два часа – сообщил Бруно, не уточнив её суть.

- Этот Гринберг нам ещё пригодится! – допустил оберст, о чём-то подумав и, не спросив о сути просьбы и, добавил: О'кей! Полагаюсь на вашу ответственность обер-лейтенант. Вы свободны!

Был уже поздний вечер, во избежание от накопившейся утомлённости, Бруно направился в тренажёрный зал – пробежал на беговой дорожке, сделал жимы штангой лёжа и, приняв душ, зашёл в свой кубрик.

Его соседом по комнате был командир группы медиков TF-47, обер-лейтенант Хельмут Зиммер.

Уходивший день был насыщен событиями – операция «Джокер» обернулась гибелью спецназовца, упущением Шамсуддина и знакомством с виновником этих бед, раненым корреспондентом Отто Гринбергом.

Однако, благодаря появлению Отто, Бруно встретил в госпитале «Врачи без границ» прекрасную афганку – доктора Ахмадзай. Сильно уставший, он завалился на койку, и чтобы немного отвлечься, достал из личной тумбочки книгу «Большая игра в Афганистан» и погрузился в чтение:

ИЮНЬ 1930 года. СОВЕТСКО-АФГАНСКАЯ ГРАНИЦА

Стояла душная июньская ночь +28С, в небе висел ковёр из звёзд, а серп луны отражался в водах Амударьи.

На яру у приграничного поста Айвадж перед началом военной операции на сопредельной территории – сводный отряд туркменской кавалерийской бригады РККА слушал инструктаж комбрига Якова Мелькумова с мусульманским именем Якуб Тура.

Колоритный уроженец Закавказья с гладко выбритой головой, усами щёткой и ярко выраженным кавказским акцентом, он рассказывал личному составу особого отряда РККА о принципах взаимоотношений с афганским населением в ходе спецоперации:

«К местному населению, к их национальной и религиозной принадлежности быть уважительными, к их хозяйству и имуществу, бережными. На случай оказания ими услуг или непреднамеренной порчи их имущества, отряд обеспечен казёнными денежными средствами».

Операция была согласована, с пришедшим к власти более полугода назад - в середине октября 1929 года королём Мохаммедом Надир-шахом свергшим правителя Хабибуллу Калакани.

Задача отряда Мелькумова Я.А. состояла в ликвидации тыловых баз и членов басмачества на территории северо-восточного Афганистана.

Форсировав Амударью на плавсредствах, отряд Мелькумова Я.А. ступил на афганскую территорию и, углубившись на более чем 70-ть километров, не встретил сопротивления регулярной армии и местного населения.

Более того, автохтонное население северо-востока Афганистана, недовольное наплывом из-за Амударьи, эмигрантов - членов басмаческих формирований с их семьями, успешно организовавшими свой быт и, завладевшими, по их мнению, лучшими наделами земли, охотно шло на сотрудничество с отрядом Мелькумова.

Предшествовавшие события

Советско-афганская приграничная полоса, включавшая территорию по обе стороны реки Амударьи и, входившая четыре века назад в Бухарское ханство (1500-1785), издревле была населена родственными народами и племенами - узбеков, туркмен, казахов, киргизов, таджиков и памирских народов.

Со свершением Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и укреплением Советской власти в Средней Азии, хлынул поток беженцев, превысивший более полумиллиона человек.

Большей своей частью, это были члены басмаческих формирований Средней Азии, разбитых и, вытесненных отрядами РККА с территории Советских - Туркменской, Узбекской и Таджикской ССР. Со своими многочисленными семьями, в приграничных провинциях Северного

Афганистана – Бадгисе, Фарьябе, Джаузджане, Балхе, Сари-Пуле, Кундузе, Тахаре, Бадахшане, а также Герате и Баглане, они наладили свой быт и остались там навсегда.

Продолжая совершать регулярные набеги на советскую территорию, в северо-восточной части Афганистана, басмаческие формирования разбили свои тыловые базы.

Одним из наиболее крупных среднеазиатских курбаши в северном и северо-восточном Афганистане с середины 1920-х годов, наряду с туркменским лидером басмачества – Ишаном Халифой Кызыл-аяком, был узбек-локаец Ибрагим-бек.

Правительство в Кабуле на этапе правления короля Амануллы-хана 20.02.1919 – 14.01.1929 годы, в связи с претензиями Москвы о размещении на своей территории басмаческих формирований и их тыловых баз, требовало от Эмира Бухары Сеида Алим-хана воздействия на курбаши Ибрагим-бека, чтобы тот постоянно находился в пределах Кабула. Этим, афганская власть, ещё и обезглавливала неподконтрольные себе басмаческие формирования на севере страны.

В октябре 1929 года пуштуны династии баракзай возвратили себе королевский трон в Кабуле, свергнув восьмимесячного правителя – таджика Хабибуллу Калакани.

Королём Афганистана стал Мохаммад Надир-шах – бывший министр обороны и дальний родственник, свергнутого эмира Амануллы-хана. Со сменой верховной власти, вновь оказавшейся у пуштунов, провинция Катаган и Бадахшан погрузилась в беспорядки – один кишлак шёл на другой войной, сводя старые счёты.

Надир-шах видел в Ибрагим-беке реальную угрозу целостности страны. По его приказу на борьбу с Ибрагим-беком в марте 1930 года, губернатор провинции Катагана и Бадахшана Мир Мохаммад Сафар-хан, провёл широкую мобилизацию в отряды ополчения в Андарабе.

Действительно, образованная курбаши Ибрагим-беком, многочисленная, хорошо организованная, неподконтрольная Кабулу, группировка, исповедовала сепаратистские идеи и несла угрозу отторжения северных территорий.

Басмачи из её отрядов совершали регулярные набеги на советскую территорию, дестабилизировали политическую обстановку в республиках Советской Средней Азии и осложняли отношения с северным соседом. Москва давно вынашивала планы по их ликвидации, вместе с их системой тылового обеспечения, ожидая удачного момента.

Взошедший на престол король Мохаммад Надир-шах приказал созвать в марте 1930 года в Кундузе собрание старейшин, на котором с речью выступил Премьер-министр Афганистана Мохаммад Хашим-хан:

- Именем Святейшего эмира Мохаммада Надир-шаха, требую от Ибрагим-бека и других курбаши, сложить всё имеющееся оружие!

Вышедший с ответным словом Ибрагим-бек, оглядев представительный состав старейшин и видных туркменских и узбекских курбаши - Ишана Халифы Кызыл-аяка, Утан-бека, Махмуд-бека и других и, патетично заявил:

- Мое оружие не направлено против Афганистана. Оно наше, мы его добыли в бою!

Совпадение интересов двух держав, сподвигло короля Мохаммада Надир-шах к согласию на проведение на афганской территории спецоперации отряда РККА. В конце июня 1930 года, в штабе войск САВО был разработан план спецоперации по уничтожению в северном Афганистане в районе Кундуза баз тылового обеспечения басмаческих отрядов и самих её членов.

В ходе рейда на афганской территории комбриг Мелькумов Я.А. нуждался в проводниках с глубоким знанием местности. Эти и другие услуги, оказанные местным населением, оплачивались им на месте и сполна, а ущерба имуществу афганцев, вообще удалось избежать.

К примеру, при переправе через реку Ханабад местное население оказало отряду Мелькумова существенную помощь и за денежные средства пополнило его запасы провианта.

Узнав о вторжении в Афганистан отряда РККА, Ибрагим-бек, первым делом, уточнил его силы и сразу направился к наибуль-хукуму - генерал-губернатору Катагано-Бадахшанской провинции Миру Мохаммад Сафар-хану.

Сафар-хан выслушал Ибрагим-бека и, представив ему, полученную наемни из Кабула депешу с королевским гербом, произнёс:

- Святейший эмир Мохаммад Надир-шах требует, чтобы вы незамедлительно атаковали кафиров! Афганистан теперь и ваша земля! Когда Красная армия громила ваши отряды, вы находили спасение за Амударьёй, и мы приняли ваши семьи, дав им кров и, наделив землёй. Пришло время отплатить за добро!

- Досточтимый Сафар-хан, мы это помним и никогда не забудем! - согласился со сказанным Ибрагим-бек: однако,

ответьте на вопрос – отчего, нарушившие границу кафиры, не встретили сопротивления регулярных войск и беспрепятственно дошли до Кундуза?!

Всё очевидно! – ответил на свой вопрос Ибрагим-бек: Кабул и не планировал воевать с кафирами! Советам было разрешено провести операцию на афганской территории, чтобы уничтожить нас их руками.

Ничего не пообещав Сафар-хану, Ибрагим-бек решил переждать и скрылся с отрядом в горах Хост-Ва-Ференг. Его примеру последовал и другой узбекский курбаши Утан-бек.

Из материалов разведотдела Среднеазиатского военного округа, 1930 год:

«Курбаши Ибрагим-бек, вытесненный отрядами РККА за Амударью в 1926 году, за короткий срок, организовал в северо-восточном Афганистане боевую деятельность – разбил тыловые базы и наладил мобилизацию в свои отряды из числа эмигрантов и местного населения.

Зоной его влияния является обширный участок северо-восточной части афганской территории от Фарьяба до Бадахшана – с запада на восток и до Андароба – на юге.

Короткая справка:

Ибрагим-бек, полное имя Мохаммад Ибрагим-бек Чакабаев – из рода «исанходжа» племени локай из крупного дашти-кипчакского племени узбеков.

До революции 1917 года служил Гиссарскому беку в чине караул-беги – поручика. Басмаческую деятельность начал в отряде своего тестя Каюма Парвоначи. Непродолжительное время служил у Бухарского Эмира Сеида Алим-хана.

Борьбу с советской властью начал в 1919 году на территории Восточной Бухары. После бегства эмира Сеида Алим-хана в Афганистан собрал в Бальджувоне, отряд из 500 бойцов и вернулся в Кокташ, где был провозглашён беком Локая. До 1922 года был фактическим правителем Гиссарской долины.

В 1921-1925 годы боролся за возвращение на престол свергнутого Эмира Бухары Сеида Алим-хана. Его отряды осуществляли регулярные набеги на Бухарскую народную социалистическую республику БНСР. Местом сосредоточения отрядов Ибрагим-бека в СССР было левобережье реки Вахш – юг Таджикской ССР.

В июне 1926 года его группировка в Советской Средней Азии была разгромлена, а сам он, с частью уцелевшего отряда выдвинут в северо-восточный Афганистан, где расположил свои тыловые базы.

Оттуда продолжает совершать регулярные вооруженные вылазки на территории Узбекской ССР и Таджикской ССР. Главная ставка в Афганистане первоначально находилась в Ханабаде, затем была перенесена в Алибад.

Басмачи из его отрядов с семьями расселились в Талукане, Ханабаде, Чардаре, Ак-тюбе, однако в большей степени в Алибаде, увеличив его численность до более двадцати тысячи жителей и четыре тысячи хозяйств.

Поддерживает тесный контакт с поселившимся в Кабуле, Эмиром Бухары Сеидом Алим-ханом. За предводительство басмачества в борьбе против Советской власти и личную преданность, эмир жалует ему ежемесячно пенсию в 1500 рупий в месяц, ещё 500 рупий платит афганское правительство.

Требования короля Амануиллы-хана прекратить налёты на Советскую территорию игнорировал. После свержения в 1929 году Амануиллы-хана, установил тесный контакт с новым правителем Хабибуллой II, получив широкую свободу действий на севере страны и, в управление войско с 20-тью тысячами узбеков.

В Чардаре - в юго-западной окрестности Кундуза сформировал отряд из 400 туркмен, 500 узбеков-кунградцев, узбеков-дурмен и узбеков-локайцев».

В ходе рейда в уездах Кундуза, отряд Мелькумова не встретил организованного сопротивления басмаческих формирований, уничтожив лишь отдельные малочисленные отряды в 30-40 басмачей, охранявших жилища и имущество басмачей под Ханабадом и Алибадом.

Разрушения, причинённые тыловой инфраструктуре басмачей, отрядом Мелькумова летом 1930 года сильно ударили по их боеспособности, однако, скрывшись в горах, Ибрагим-бек смог сохранить людей.

Итогом операции стало сожжение и разрушение всех кишлаков и юрт, заселённых эмигрантами, пришедшими из-за Амударьи: локайцами, кунградцами, коньратами, дурменами - все узбекские племена; туркменами; казахами; киргизами - в долине реки Кундуз-дарья на протяжении 35 километров, были полностью уничтожены кишлаки Алибад и Ак-Тепе, за исключением жилищ

афганцев. Общие потери басмачей составляли 839 человек убитыми.

Было захвачено 40 винтовок, взорвано до 17 тысяч патронов, сожжён весь запас басмаческого хлеба, частично угнан и уничтожен скот. Возвращаясь с задания, отряд привёл с собой 200 верблюдов, 80 лошадей и 400 баранов».

Дочитав главу, Бруно убрал книгу и задумался:

- Этот притягательный Афганистан! Здесь сложил голову мой отец, теперь воюю я. Отчего всех нас тенет сюда?

С этим сложным вопросом, Бруно, вдруг, вспомнил о прекрасной афганской девушке - докторе Ахмадзай, и с надеждой её увидеть вновь, лёг спать.

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

Через день, как и обещал, Бруно заехал в гостиницу Спинзар. Администратор, был уже предупреждён. Бруно поднялся в номер, достал из шкафа большую дорожную сумку, положил её на кровать и, подошёл к тумбочке за записной книжкой.

Потянув за ручку ящика, Бруно достал, старую, в коричневом переплёте, с потрёпанными краями, записную книжку и небрежно бросил вовнутрь сумки. Из упавшей, поверх вещей, записной книжки, выступил уголок пожелтевшей фотографии, её края, были с потёками высохшей крови.

Бруно, заметил в этом клочке фото, что-то сильно знакомое, близкое. Он раскрыл записную книжку и увидел фотоснимок. Именно такой, в рамке стоял на серванте в их домашней гостиной во Фрайбурге. С фотографии глядел его покойный отец - Константин Тевс, стоявший в обнимку с пятью улыбающимися боевыми друзьями.

Константин прислал этот снимок в письме домой - в Джамбул в начале 1985-го года, в первые месяцы службы в Афганистане, по случаю дня рождения своей беременной супруги, с надписью: «Моей любимой Розе и нашему будущему сыну по имени Бруно. От Папы. Кундуз. Афганистан февраль 1985 года».

Бруно испытал шок. Не помня себя, он помчал в госпиталь к Отто Гринбергу, чтобы расспросить его при каких обстоятельствах, он получил этот снимок. Когда он вбежал в палату, Отто лежал на кровати и мирно обедал.

Бруно забрал из его рук тарелку с супом, и достав из кармана фотографию, произнёс одно слово – «откуда?».

Отто возмутился:

– Известно ли вам обер-лейтенант, что рыться в чужих вещах неприлично?

Но, поняв, что эмоциональному состоянию Бруно связано с фотографией, имеющей к нему прямое отношение, ответил, как есть: «от моджахедов».

– Собирайся, поедем, покажешь того, кто тебе это передал – жёстко самоуправствовал Бруно.

– Во-первых: Сейчас это невозможно, потому что, я не могу ходить – спокойно ответил Отто, а во-вторых, я свои источники не раскрываю, это профессиональная этика – оставался непреклонен Отто.

Речь Бруно, на высоких тонах напугала, лежащих на соседних койках трёх гражданских афганцев и медперсонал. Спустя минуту, в палату вошли дежурная медсестра и врач доктор Ахмадзай.

– Что происходит? – твёрдым голосом спросила Ахмадзай.

Бруно, поняв, что ситуация выходит из-под контроля и её необходимо срочно нормализовать сказал:

– Всё в порядке, фрау, мы уточняли служебные вопросы.

– Это не военный госпиталь, где могут проводить служебные расследования. Прошу вас сейчас же покинуть палату.

Бруно понял, что обстановка накалена и лучше уйти:

– Хорошо доктор, я ухожу.

С этими словами Бруно вышел из палаты и направился к выходу.

Связав эмоции Бруно с вескими причинами, Отто, опёрся на костыли и поспешил его догнать. Он крикнул вслед, исчезавшему в конце коридора Бруно: Подождите!

Бруно остановился, они вышли в госпитальный сад, сели на скамейку и разговорились.

– Обещаю вам Бруно, как только я передо мной на трость, мы поедем с вами в кишлак к тому моджахеду, который передал мне это фото и записную книжку. Теперь, в рамках реализации нашего соглашения у меня к вам две просьбы. Первая – заедете к брату погибшего переводчика Султана Мухади – Яхъе и, передайте для его семьи от меня деньги, а заодно и предложите ему поработать в качестве переводчика на время нашей поездки в Хост-Ва-Ференг, в горы.

Вторая – настоятельно рекомендую, в поездку переодеться из военной формы в гражданскую, лучше даже в традиционную афганскую одежду, чтобы не вызвать лишнего внимания талибов и злобы у местного населения после недавней трагедии в Умар-хейле.

Они вернулись в палату, Отто объяснил, где отыскать брата погибшего переводчика Яхью Мухади, достал из дорожной сумки конверт с купюрами «евро» и передал Бруно.

ПОЕЗДКА В ХОСТ-ВА-ФЕРЕНГ

Рана Отто начала заживать, он уже мог перемещаться, опираясь на трость. Во исполнение данного Бруно обещания, в условленный день, едва забрезжил рассвет, они взяли такси и, заехав за переводчиком Яхьёй Мухади, вместе направились из Кундуза в Талукан, а оттуда повернули на юг в горный район – в уезд Хост-Ва-Ференг.

Без труда, отыскав в одном из глинобитных жилищ кишлака Яхчан-Хурд, Исматуллу – невысокого роста, сухощавого с побритой головой, рыжебородого таджика, на вид лет 45, Отто представил ему Бруно, как сына одного из шурави, погибших в бою, о котором он ему рассказывал.

Исматулла, сочувственно посмотрел в очи Бруно и, приложив правую ладонь к сердцу, слегка склонив голову, тихо поздоровался «АсСаламу Алейкум». Обратило внимание, что левый рукав его перухан (традиционной афганской рубахи) был завязан тесёмкой, на уровне выше отсутствующего локтя.

– Искренне соболезную. Много в том бою погибло шурави, и у нас были потери. Видите – тут Исматулла, демонстрируя, вытянул культю левой руки – на той войне и мне досталось.

В этот момент, Исматуллу окружила ватага ребятишек, трое из которых – два мальчика и младшая девочка – от семи до одиннадцати лет, взяли его в тесные объятия.

– Ваши? – спросил Бруно через переводчика.

– Аль-Хамду ли-Ллях, это младшие – ответил Исматулла.

Бруно достал из кармана три сотенные купюры евро и передал каждому. Дети взяли деньги, но радостных эмоций не показали и, все как один, сунули в ладонь отца.

– Хорошо воспитаны – отметил Бруно.

– Ташакур – поблагодарил растроганный Исматулла.

- Это было совсем, не обязательно - смутившись, добавил он. Исмадулла пригласил гостей пройти во внутренний дворик дома. Женщины спешно удалились на свою половину. Сняв обувь, хозяин и гости расселись на пёстрый ширдак, напротив, за низким столом. Один из сыновей принёс чайник чая и разлил его по пиалам, после этого Исмадулла начал своё повествование:

- Была середина июня 1986 года, «шурави» гнали колонны из Кундуза в Файзабад. Наш духовный лидер Бурхануддин Раббани и Гульбеддин Хекматияр, тогда пришли к соглашению, что на период операции шурави, конфликт друг с другом прекратить.

Отряды партий «Исламского общества Афганистана» и «Исламской партии Афганистана», должны были оставить распри и междоусобицу и выступить единым фронтом, общее руководство действиями моджахедов было возложено на панджшерца Ахмад Шаха Масуда. К тому времени, вдоль трассы Кундуз-Файзабад уже сосредоточилось большое число отрядов, ведущих минную войну и атакующих колонны.

Наш отряд под командованием Кази Кабира Марзбона находился южнее трассы в горном массиве Мугулан, Чольбахир и Тали-Гобанг - это на границе уездов Хост-Ва-Ференг, Бурка и Ишкামыш провинций Баглан и Тахар, в базовом районе.

Оружие и боеприпасы, со здешних складов переправлялись на равнину - отрядам ведущим бои на участке Ханабад-Талукан, мы же, ждали приказа командира, в случае необходимости спуститься с гор и усилить их дополнительной живой силой.

Ранним утром 16 июня 1986 года, мы услышали звук, приближавшихся вертолётов и увидели высадку десанта. Место высадки, очевидно, было выбрано пилотами ошибочно, поскольку шурави оказались на площадке, находившейся под полным контролем наших огневых точек.

Мы открыли прицельный огонь по людям и сожгли два вертолёта. Бой длился двое суток. У шурави было много погибших и раненных. Наш снайпер попал в голову их командира, я сомневаюсь, что он смог выжить.

Затем прилетели самолёты и стали нас бомбить, и тогда, мы отступили. Когда шурави удалились, мы занялись восстановлением разрушенной базы. На месте, где они складывали своих убитых и раненных - под валунами, я нашёл выпавшую из кармана записную книжку и

вложенную в неё фотографию с шестью, стоящими в обнимку, шурави». Они были залиты кровью.

В день, когда в Яхчан-Хурд приехал ваш друг, обещавший написать правду об Афганской войне, я рассказал ему о том драматическом бое и передал эти реликвии. Русские были смелыми войнами, не то, что эти - из ISAF.

Отто и Бруно переглянулись.

- Мы можем добраться до того места? - спросил Бруно.

- Да! Это здесь недалеко, - ответил Исматулла, задвинув на затылок бежевый паколь (традиционный головной убор).

Оставив Отто в Яхчан-Хурде, Исматулла, Бруно и переводчик Яхъя двинулись в путь.

Они прошли несколько километров на юг по глубокому ущелью, зажатому горными хребтами в устьях узких, стремительно текущих рек - сначала Явур, потом Джарав мимо кишлака Миржейль и вышли к кишлаку Дехмиран, расположенному в долине - у подножья южного склона горы с отметкой 2781, припёртой, пологой седловиной. Взойдя на неё, Исматулла, сказал - вот сюда высадились шурави и здесь мы сожгли два их вертолётa.

На месте, где ещё сохранились следы боя - проржавевшие фрагменты двух сожжённых вертолётов, израсходованные пулемётные ленты и гильзы, Исматулла, словно туристический гид, скрупулёзно передавал эпизоды боя, оставшиеся в памяти участника с противной стороны. Бруно слушал, синхронный перевод Яхьи и чувствовал, как учащается пульсирование в его висках.

Отрешённый подробным рассказом моджахеда обстоятельств боя, Бруно перенёсся в июнь 1986-го года, где своими глазами увидел, как подлётавшие к площадке вертолётa зависали перед высадкой десанта, как в них, с духовских позиций прицельно ударил гранатомёт и, из объятых пламенем винтокрылых машин, выпрыгивали шурави и сразу вступали в бой.

Сквозь треск очередей и грохот разрывов, Бруно слышал приказы командиров и доклады по радиостанции на ЦБУ. Он видел, как росло число убитых и раненных, как самоотверженно бил пулемёт отца, спасая жизни боевых товарищей и, тот роковой выстрел, прервавший его жизнь. Как на следующие сутки, его бездыханное тело в плащ-палатке, грузили на борт Ми-8МТ - весь этот видеоряд пробежал у Бруно перед глазами.

- А на вершине этого склона располагались наши огневые точки - эти слова Исматуллы вернули Бруно в реальность.

- С них мы простреливали всё ближайшее пространство - произнеся это, Исматулла повернулся к господствующей высоте лицом, прикрыв глаза ладонью от яркого солнца, светившего из-за кромки горы, пытался восстановить их точное месторасположение.

Когда Исматулла закончил, Бруно какое-то время стоял, молча, глубоко вдыхая воздух, мысленно общаясь с отцом.

Потом он собрал с места сожжённых вертолётов большую горсть земли и убрал в рюкзак.

По возвращению в Яхчан-Хурд, уже смеркалось и пришло время прощаться. Исматулла, протянул Бруно руку для рукопожатия и сказал:

- Простите нас, и не держите зла. Годы, минувшие после ухода шурави, раскрыли нам глаза на многое. Прозрение, даже если оно и приходит через десятилетия, имеет смысл.

Исматулла вышел проводить гостей за ворота, со всеми своими детьми и передал Бруно пакет гостинцев с хурмой и сушёной курагой из собственного сада. Он ещё долго оставался стоять у дороги, махая вслед, пока такси совсем не исчез на горизонте.

СИТА АХМАДЗАЙ

Возвращение из поездки в Хост-Ва-Ференг пришлось на полночь. Сначала, завезли домой Яхью Мухади, затем направились в госпиталь, чтобы оставить Отто.

Добравшись до госпиталя, Бруно направился сопроводить Отто до палаты, желая помочь, хромавшему Отто, донести гостинцы Исматуллы, заодно с okazji, свидеться с феерической докторицей Ахмадзай.

Во избежание нареканий медперсонала, он бесшумно двигался по коридору, пока у «ординаторской», неожиданно не столкнулся лицом к лицу, с дежурившей в ночь - доктором Ахмадзай. Обвеянный дуновеньем тонких ноток ванили, ландыша и сандала, Бруно оцепенел, но быстро собрался и сказал:

- Фрау Ахмадзай, как я рад вас видеть. С момента нашей последней встречи, корю себя в том, что не спросил вашего имени. Хочу исправить эту ошибку.

С этими словами Бруно улыбнулся, девушка приняла их без эмоций.

- Моё имя Сита - сказала она.

- Красивое имя - Сита - повторил Бруно.

- Ваши родители родом из Кундуза? - спросил Бруно.

- Да, из Имам-Сахиба, уезда севернее Кундуза.

- Вы сами, таджичка? - продолжал расспрашивать Бруно

- Нет, я пуштунка племени гильзай, мои корни с юго-востока - из Пактии. Предки наши переехали в Кундуз во времена Эмира Амануллы-хана в 1925 году, это была государственная политика «пуштунизации» северных территорий, народы севера - таджики, узбеки, хазарейцы переезжали на юг и юго-восток - в Кандагар, Газни, Желалабад - в места традиционного проживания пуштунских племён, а нас пуштун отправляли - на северо-восток в Катаган - пояснила Сита.

- А в Германии как оказались? - поинтересовался Бруно

- В 1980 году, после ввода Советского военного контингента, мои родители со старшими братьями переехали в Мюнхен, где, спустя несколько лет, родилась я - поделилась Сита.

Бруно, был рад и одновременно взволнован. Стараясь отстраниться от толчеи по коридору и дабы создать благоволившую к общению среду, он кончиками пальцев повлёк локоть Ситы, встать ближе к стенке. Она оттянула свою руку, сказав:

- Это не Германия! В Афганистане так не принято!

- Простите, Сита - сказал Бруно, поняв своё амикошонство.

Сита продолжила:

- После школы я окончила медицинский факультет Мюнхенского университета. А, в 2008 году после прохождения собеседования была принята на работу в медицинскую гуманитарную организацию «Врачи без границ» MSF. Это всё, что сейчас, я готова о себе рассказать, а теперь мне нужно идти - сказала, улыбнувшись Сита, и пропала в одной из палат.

- Это лучший день в моей жизни - думал Бруно, возвращаясь в расположение части. С этого дня отношения Бруно и Ситы стали развиваться.

КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ «ДЖОКЕР»

Прошёл месяц, поиски Шамсуддина и, достигшего к тому времени статуса теневого губернатора провинции Кундуз муллы Абдул Рахмана результата не приносили.

Неожиданно на ЦБУ ТФ-47 по агентурным каналам поступила информация, что в ночь с 18 на 19 октября 2009 года в кишлаке Гундай уезда Чахар-дара провинции Кундуз под председательством Абдул Рахмана состоится собрание руководящего звена талибов Кундуза, на котором будет обсуждаться налаживание взаимодействия при нападении на силы германского контингента. За несколько часов в ТФ-47 разработали план спецоперации.

Группа Бруно Тевса вылетела в район операции к кишлаку Гундай. Нависнув над заданным строением, где проходила встреча лидеров талибан, сначала огнём из бортовых пулемётов она уничтожила, оказавших сопротивление, а затем, спешившись, приступила к прочёске помещений, нейтрализуя, оставшихся в живых. В числе предпочтших сдаться, оказался и мулла Абдул Рахман.

АВИАУДАР по медресе в кишлаке ДАФТАНИ

Излечения Отто Гринберга шло свои чередом, на предложение руководства редакции вернуться в Германию, он отвечал отказом. Несмотря, на ограниченность при ходьбе, он активно работал из госпиталя, назначал в его внутреннем саду встречи и накоротке выезжал за пределы.

Вот и сейчас, ожидая randevu с Яхъёй Мухади, Отто вышел в сад подышать свежим осенним воздухом. Солнце уже не припекало, но было достаточно тепло и комфортно. Осень в Кундузе хорошее время – думал Отто.

Мысли его прервал телефонный звонок из Гамбурга. В издательстве интересовались состоянием его здоровья. Едва, Отто завершил разговор, как вдруг, послышался громкий звук и низко пролетели два ударных вертолётa с национальным флагом Афганистана. А, примерно через две минуты, донёлся грохот тяжёлых разрывов.

Быстрым хромающим шагом, опираясь на трость, Отто проследовал в середину госпитального коридора, где находился стол дежурной медсестры и поинтересовался о случившемся. Никто ничего не знал, но предчувствия были тяжёлые. Первой аналогией, пришедшей в голову Отто, была трагедия в Умар-хейле.

Спустя несколько минут, сполохом зазвонили телефоны и начался переполох. По госпитальному коридору к выходу

побежал медперсонал, который грузился в кареты скорой помощи и, включив сирены, спешно выехал на вызов. Спросить о случившемся, по-прежнему, было не у кого, оставалось ждать официальных новостей.

В скором времени, в местных теленовостях сообщили, что около 11.00 часов утра, афганская военная авиация при поддержке ISAF нанесла авиаудар по кишлаку Дафтани уезда Дашти-е-Арчи, северо-восточнее города Кундуз.

Сообщалось, также что в момент авиаудара по Дафтани, в его медресе проводились празднества по случаю итогов конкурса чтецов Корана «хафизов» среди детей возраста от 6-13 лет, и в торжественной обстановке им вручали дипломы и подарки.

Отто стал торопливо думать, как попасть на место трагедии в Дафтани и взять интервью у местных жителей, очевидцев и пострадавших от авиаудара.

- «Рассчитывать на правдивость сведений глашатаев из ISAF и официальных источников ИРА, бессмысленно» - думал Отто - «особенно если учесть, что Дафтани находится под контролем «талибан», единственно верным решением остаётся войти в контакт с талибами».

Внезапно его осенило. Отто вспомнил, одноглазого Якуб-хана - владельца чайханы на кундузском кругу, который в 1980-е годы командовал одним из отрядов в группировке Шамсуддина. Именно, через него, он решил установить связь с талибами и согласовать свои намерения.

В этот момент, к госпиталю подъехал Яхъя Мухади и они тотчас же направились в чайхану Якуб-хана.

- Поймите меня правильно - объяснял Якуб-хан: во многом, я осуждаю политику и действия движения талибан и, не во всём согласен с самим Шамсуддином, оттого, держусь от них подальше. И, следовало бы учесть, что при освобождении вас из заточения в кишлаке Халазай погибли люди Шамсуддина, а сам он, чудом уцелел. Поэтому, вряд ли, они будут рады видеть вас живым.

- Вы объясните им, что я журналист, моя работа - это сбор подлинного материала. Я прошу их лишь допустить меня в Дафтани, к местному населению, к потерпевшим, лишившимся своих детей - настаивал Отто.

- Хорошо. Я буду пытаться - пообещал Якуб-хан, по выражению лица, плохо веря в перспективность этой затеи.

Отто же, дал себе установку, не покидать чайхану, не получив контакта с талибами. Пока Якуб-хан

договаривался о встрече, он прошёл с Яхъёй вглубь зала, занял привычный топчан и сделал Залмаю заказ.

Соглядатая на стоявшего у входа хозяина и заходящих в чайхану гостей, Отто и Яхъя, неспешно ели бараний кебаб, лепёшку и пили чай.

Через полчаса к Якуб-хану подошёл длиннородый мужчина в синем перухан и светлой чалме, на вид лет сорока. Они вместе подошли к топчану, где сидели Отто и Яхъя, ничего не говоря, Якуб-хан, положил руку на плечо парламентёру и, кивнув головой, дал знать - это тот, кто вам нужен, а сам удалился.

- Я корреспондент германского журнала «Der Spiegel» Отто Гринберг, а это мой переводчик Яхъя Мухади, брат Султана Мухади погибшего в кишлаке Халазай при освобождении нас из плена.

Яхъя перевёл слова Отто доподлинно и без запинок.

Парламентёр кивнул головой, но сам, предпочёл не представляться.

- Что вы хотите - спросил он сухо.

- Я прошу допустить меня в кишлак Дафтани, чтобы я мог взять интервью у местных жителей, и если удастся, у семей потерпевших - изложил свою цель Отто.

- Хорошо, мы проведём вас в Дафтани и гарантируем вашу безопасность. От вас необходимо правдивое изложение фактов, без искажений, ровно так, как есть - потребовал парламентёр.

На этом парламентёр талибов и Отто достигли договорённости и, сразу условились о месте и времени встречи у кишлака Дафтани. Покидая чайхану, Отто тепло поблагодарил Якуб-хана, сунув в его руку несколько сотен евро за помощь в организации встречи и, взяв такси, направился в госпиталь.

К его приезду, двор приёмного покоя госпиталя был заполнен каретами скорой помощи и более, чем сотней людей. Стоял гвалт мужских голосов и женских рыданий. Госпиталь «Врачи без границ» MSF, и ещё два других, в Кундузе был заполнен детьми из Дафтани.

В ранний утренний час, на южной окраине кишлака Дафтани, Отто Гринберга и Яхъю Мухади уже ожидал, не пожелавший представиться накануне, парламентёр талибов. Он провёл их мимо здания мечети, посечённой тысячью осколков, к стоявшему рядом, праздничному шатру с сорванной крышей, под которым, с вчерашнего дня остались лежать горы детской обуви.

Место, где сидели дети, было обильно залито кровью, по округе были разбросаны куски тканей одежды и мелкие фрагменты человеческих тел. Отто включил камеру и начал снимать.

Несмотря на ранний час, у мечети собралась большая толпа мужчин, которые в разговоре между собой пошагово восстанавливали картину вчерашней трагедии. Талиб подвёл Отто и Яхью к собравшимся, и перед началом интервью жителей кишлака Дафтани, высказался о произошедшей трагедии:

«Они заявили, что нанесли точечный удар по учебному центру талибов и уничтожили тридцать боевиков, в числе которых были, прибывший из Кветтской Шуры лидер талибана мулла Берьяни и девять полевых командиров, и что при этом, из гражданских лиц никто не пострадал. Вы своими глазами видите, что это было массовое убийство детей».

За ним выступил житель Дафтани долговязый Мохаммад Ишан, одетый в коричневый перухан с бежевой паколью на голове:

«Когда в небе появились вертолёты, дети стали кричать: «они сбросят на нас бомбы», а взрослые их успокаивали, что этого не произойдёт, однако это случилось, и мне, чудом удалось выжить».

«На церемонии присутствовало более двух ста детей, в основном возраста 11-ти и 12-ти лет, были и чуть постарше» – со скорбью в глазах присоединился к Мохаммаду Ишану, живущий рядом с медресе, худощавый дехканин Хаджи Гулям, державший за уздечку серого ишака, нагруженного с двух сторон фашинами.

После нескольких интервью на месте авиаудара, талиб повёл Отто и Яхью по узким улочкам мимо жилищ кишлака Дафтани.

Из каждого двора доносились женские рыдания и плач. Жители прощались с погибшими детьми перед выносом тел на кладбище. Заходя во дворы, Отто снимал на камеру всё, что перед ним представало.

«Моему сыну было всего 13 лет» – сказал ровным голосом, сидевший у тела своего сына, Абдул Халид – кузнец кишлака Дафтани, вытирая растрескавшимися скрюченными пальцами слёзы с глаз: «Он выучил Коран наизусть и был приглашен на церемонию награждения

чтецов-хафизов. В тот день, он был особенно счастлив и празднично одет».

«Два моих сына выучили Коран наизусть, и наконец, настал долгожданный день их награждения и участия в церемонии повязывания чалмы» – начала свой рассказ, женщина облачённая в бордовую паранджу, мать двух погибших братьев: «Накануне они принесли домой два цветочных венка, которые я должна была надеть на них по возвращении с торжеств».

Я вышла их встречать на улицу, держа в руках приготовленные ими венки, а их всё не было. Внезапно, в небе низко пролетели два вертолёт, и я услышала четыре громких взрыва, а после них крики.

Спустя немного времени, их отец возвращался, неся на своих плечах тела двух наших сыновей. Зайдя в дом, он сказал мне: «Наши сыновья выучили книгу Аллаха наизусть и сразу отправились к Нему на встречу» – сообщила убитая горем мать.

В заключении, представитель талибан, прикрыв нижнюю часть лица отрезком своей чалмы, выступил на камеру Отто: «Среди погибших при авиаударе в Дафтани погиб сто один ребёнок, ранено более ста. Тридцать семь детей будут сегодня похоронены в Дафтани, тела детей из других кишлаков, уже забрали родители для погребения у себя. Важно отметить, что среди погибших и раненных при авиаударе, не было ни одного боевика движения «талибан», а только мирные жители».

На этом свою задачу в Дафтани Отто выполнил. Он возвращался в госпиталь подавленным и опустошённым. Его одолевали два вопроса: кто сообщил о наличии в Дафтани лидеров талибан, и кто отдал приказ на нанесение авиаудара афганским ВВС.

Неделю спустя. Штаб TF-47, кабинет оберста Георга Юнга. Звонит телефон. На обратной стороне линии город Кальв Германия оперативный штаб KSK, на связи бригадный генерал Маркус Нойманн.

– Здравствуйте – господин бригадный генерал – опередил в приветствии оберст Юнг.

– Здравствуйте оберст – поздоровался Нойманн, и сразу задал вопрос: кто из германских журналистов, в данный момент, у вас ошивается? – спросил он Юнга и сразу уточнил: Отто Крюгер из «Der Spiegel»?!

- Отто Гринберг! - поправил Юнг, предвкушая проблему.

- Это его, мы из плена вызволили? - уточнял Нойманн.

- Так точно, господин бригадный генерал! Его! - ответил Юнг.

- Его статья в «Der Spiegel» об авиаударе в Дафтани, вызвала широкий общественный резонанс. Командование ISAF, Пентагон и Бундесвер - все нервничают - поделился Нойманн.

- Он же был ранен, насколько я помню - вспомнил Нойманн.

- Так точно, господин бригадный генерал, был! - подтвердил Юнг.

- А, что он до сих пор там делает? - интересовался Нойманн.

- Лечится в госпитале MSF, господин бригадный генерал - доложил Юнг.

- Так вышлите его, к чёртовой матери в Германию - потребовал, Нойманн повысив тон.

- Не могу, господин бригадный генерал. Госпиталь MSF - гражданский, а я ему - не начальник. Предлагаю подумать, стоит ли нам конфликтовать с Der Spiegel - предложил Юнг и аргументировал: журналисты народ скандальный, с ними лучше не ссориться, а иначе начнут ходить за нами по пятам, вынюхивая жаренное и, разрушая агентурную деятельность.

- Ну, хорошо - согласился Нойманн: так блокируйте им доступ к местам происшествий и к населению - при сборе ими вредоносной информации - предложил Нойманн.

- Это невозможно господин бригадный генерал, у них свои источники и они свободны в передвижении - объяснял Юнг.

- Возможно! Но освобождаем-то из плена их мы, и зачастую, жертвуя нашими людьми - возмутился Нойманн.

- Я подумаю и попробую, что-то предпринять, господин бригадный генерал - пообещал Юнг.

- Хорошо, оберст! Держите меня в курсе - приказал Нойманн и попрощался.

Оберст Юнг тут же позвонил помощнику.

- Срочно мне найдите обер-лейтенанта Бруно Тевса.

Через пять минут в кабинет постучались.

- Господин оберст, вызывали?

- Обер-лейтенант, насколько я знаю, вы поддерживаете связь с Отто Гринбергом?

- Так точно, господин оберст!

- Он своим материалом об авиа-ударе в Дафтани поднял большой переполох. Мне звонили из Кальва - начальство очень недовольно. Считаю необходимым, вам сейчас же, отправиться в госпиталь, и как, рисковавшему своей и, жизнями своих подчинённых, во имя его спасения, настоять, чтобы он срочно покинул Афганистан - потребовал Юнг.

- Слушаюсь, господин оберст - принял к исполнению Тевс, не зная, как подступиться к решению этой задачи.

Через полчаса Бруно сидел напротив Гринберга в его палате.

- Отто, не желаю портить с тобой отношения, но от меня ждут результата - обратился Бруно.

В это время в палату, словно луч солнца заглянула Сита Ахмадзай, вид у неё был усталый и подавленный.

- Фрау Сита - обрадовался Бруно и встал.

- Как кстати, что вы зашли, Фрау Ахмадзай - присоединился возбуждённо Отто и спросил: у вас есть отдельная комната, куда бы мы могли втроём ненадолго уединиться.

Сита, призадумалась и, вспомнила о комнате старшей медсестры. Пока она отлучилась за ключами, Отто попросил Бруно взять с собой его камеру и они направились сквозь узкий проход больничного коридора, заполненного множеством коек с ранеными детьми из Дафтани и их близкими.

Проходя по коридору, они обратили внимание на молодую женщину, с откинутой с головы голубой паранджой, к которой из операционной вышел врач и, сняв маску, посредством перевода медсестры, сообщил, что её сын скончался. Тишину больничного коридора разорвало истощное стенание, перешедшее в рыданье несчастной матери.

Когда, Отто и Бруно, встали у комнаты старшей медсестры, подошла и Сита. Она открыла комнату и включила свет. Заметив, что Сита собирается уйти, Отто попросил:

- Сита, прошу вас, останьтесь ненадолго - предложив ей сесть. Сита предпочла не садиться и, взглянув на свои часы, предупредила:

- Хорошо, но недолго.

Отто, взял из рук Бруно камеру, положил на стол и включил её. На маленьком экране, с мелькавшей в нижнем углу, датой съёмки, предстал кишлак Дафтани -

праздничный шатёр, с сорванной взрывом крышей, залитая кровью площадка с горой детской обуви и оставшиеся неубранными, мелкие фрагменты человеческих тел.

За ними шли интервью местных жителей, собравшихся у сельской мечети и родителей, сидящих во внутренних дворах у тел своих погибших детей. Отто ничего не комментировал. Бруно глядел на экран, не отводя глаз. Сита, стояла, опёршись о стенку и, молча, вытирала слёзы.

- Бруно! - произнёс Отто: Коалиция ISAF предпочитает скрыть, это бесчеловечное преступление - с ними всё ясно. Что, касательно авиаудара, думаете вы? Вы, также считаете, что в XXI-м допустимы такие преступления, эмоционально спросил Отто.

Чем же они отличаются от фашистов III-го рейха, стёрших с лица земли тысячи городов и сёл на Родине твоего отца, истребивших двадцать шесть миллионов людей и, ввергших поколения своего народа в исторический позор и вечную повинность перед человечностью.

Бруно молчал. Он думал, что же ему доложить оберсту Юнгу.

- Отто, сколько вы планируете пробыть в Кундузе? - спросил неожиданно Бруно, предупредив: вам нужно всерьёз позаботиться о собственной безопасности. Устранить вас в Афганистане, это самый удобный случай, к примеру, кем-то из ISAF или подкупленными талибами.

- Я должен закончить сбор материала о присутствии советских войск - ответил Отто, предположив: думаю, это займёт ещё месяц.

В распоряжение TF-47, Бруно прибыл поздно вечером. Узнав, что утром к оберсту приехал навестить его сын Альфред - курсант Мюнхенской военно-медицинской академии, Бруно использовал, как веский повод перенести доклад.

Он достал из тумбочки книгу «Большая игра в Афганистан» и продолжил чтение:

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ АФГАНИСТАН 1930-1931 год

Из материалов разведотдела Среднеазиатского военного округа, марта 1930 год:

На территории юга Советской Средней Азии и северо-востоке Афганистана курбаши Ибрагим-бек планирует создать «Независимое узбекско-таджикское государство» во главе со свергнутым эмиром Бухары Сеидом Алим-ханом.

С этой целью в начале июня 1930 года в афганской провинции Катагана и Бадахшана, Ибрагим-бек поднял народное восстание. В подконтрольных районах, он сформировал собственную администрацию, что вредило интересам Афганистана и СССР, одновременно.

Поэтому, в конце июня 1930 года Кабульское правительство согласовало ликвидацию отрядами РККА на своей территории басмаческих формирований.

Сводный отряд кавалерийской бригады РККА под командованием комбрига Якова Мелькумова совершил рейд вглубь афганской территории и уничтожил тыловую инфраструктуру басмачей. Ибрагим-бек, решив сохранить людей, скрылся от губительного боестолкновения в горах, оставив свои тыловые базы практически беззащитными.

Рейд сводного отряда РККА под командованием Якова Мелькумова, не привёл к разгрому группировки Ибрагим-бека, поэтому – осенью 1930 года, Эмир Мохаммад Надир-шах решил уничтожить отряды локайца собственными силами и направил на северо-восток части регулярной армии под командованием военного министра Шаха Махмуд-хана. Боевые действия афганцев и басмачей охватили широкий фронт от Меймене до Рустака.

Первое поражение от Ибрагим-бека правительственные войска под началом губернатора Сафар-хана потерпели под Хазарбагом, во втором, потеряли до 2,5 тысяч погибшими.

Афганские узбеки и таджики приняли сторону Ибрагим-бека и влили в его войско двадцать отрядов ополчения, общей численностью около 2,5 тысячи воинов, это 2.150 узбеков и 300 таджиков. Каждому члену формирований Ибрагим-бека, в качестве месячного денежного довольствия, местное население выделяло по 45 рупий. Активно сопротивление кабульской власти оказали узбеки-катаганцы.

Ибрагим-бек продолжал развивать успех. Потери правительственных войск под Ханабадом составили 700 погибших, в Алиабаде их было 280. В захваченных районах Рустаке, Чахи-абе, Талукане, Имам-Сахибе, Ибрагим-бек назначил своих заместителей – беков.

Отряд кишлака Банги, укомплектованный афганскими узбеками и таджиками, а также союзные Ибрагим-беку формирования курбаши Куганбека, Мулло Холдора, Мулло Джура Дахана захватили кишлаки

Янги-кала и Джульчу, осадили крепость Рустакского гарнизона и Талукан.

Ибрагим-бек обыгрывал в манёвре Махмуд-хана, атакуя его внезапно. Полоса боевых действий растянулась от Кундуза до Файзабада.

Эмир Бухары Сеид Алим-хан под давлением помощников Надир-шаха, отправил Ибрагим-беку гневное письмо с требованием прекратить борьбу, сдать оружие и явиться в Кабул.

Курбаши расценил это обращение, как личное оскорбление и втягивание в западню. Следующее послание, в подчёркнуто вежливом тоне, было от М. Надир-шаха.

Надир-шах призвал разоружить отряды и прибыть в Кабул без охраны. В случае исполнения условий, Ибрагим-беку предлагалась должность заместителя губернатора провинции. Посовещавшись с соплеменниками и союзными туркменскими курбаши, Ибрагим-бек отверг предложение Эмира.

Желая увеличить влияние на Надир-шаха, Англия решила помочь, терпевшим поражения правительственным войскам и, предоставила афганской монархии денежные средства и большую партию оружия. В помощь правительственным войскам, в декабре 1930 года, военный министр Шах Махмуд-хан, стянул дополнительные силы, скомплектованные из ополченцев пуштунских племён: мангалов, масудов, вазиров, дауров, джадранов с юго-востока страны. В ходе боевых действий к пуштунам присоединились формирования местных хазарейцев.

Узбеки, таджики, туркмены, пришедшие с советской территории, наладившие быт в северных территориях, а также их афганские соплеменники, в одинаковой степени, испытали на себе жестокость правительственных войск и пуштунских племенных формирований. Чинимые ими, жертвы, разрушения, насилие и грабежи значительно обострили этнические противоречия между севером и югом, сплотив вокруг Ибрагим-бека основное население Катагана и Бадахшана.

Между тем, для внесения раскола в единстве в басмаческих отрядов и лишения поддержки гражданского населения, Правительство в Кабуле пошло на подкуп отдельных курбаши, жалую им титулы беков. Проправительственные беки стали угнетать и ущемлять население, роняя авторитет басмачества.

В начале марта 1931 года, военный министр Шах Махмуд-хан усилил правительственную группировку и 6 марта в районе Талукана нанёс удар по наиболее крупному

отряду Ибрагим-бека, понёсшему потери убитыми 315 человек.

Оттеснив силы Ибрагим-бека от Ханабада к приграничной полосе, Махмуд-хан восстановил в мятежном районе центральную власть.

В Ханабаде 16 марта были публично казнены 35 пленных басмачей Ибрагим-бека. Тогда же отряд Ибрагим-бека предательски атаковала кавалерия одного из туркменских курбаши, подкупленного афганским правительством.

К середине марта 1931 года правительственные войска и пуштунские племенные формирования, преследовали отряды Ибрагим-бека по всему северу, не давая восстановить силы.

Населения Афганского Туркестана и соплеменники - узбеки, некогда принимавшее активное участие в поддержке басмачей устали от войны, резервы Ибрагим-бека иссякали.

Рассматривая территорию республик Средней Азии, как дополнительный плацдарм, Ибрагим-бек внимательно следил за социальной и военно-политической обстановкой в регионе, и был хорошо осведомлён о случаях эскалации напряжённости, связанных с проведением сплошной коллективизации в отдельно взятых районах.

Теснимый правительственными войсками и советской дипломатией с территории Афганистана, Ибрагим-бек, рассчитывал получить поддержку дехкан на Родине, и 30 марта 1931 года, со своим отрядом, по разным оценкам - в количестве от 600-800 или 1500 человек, вторгся на советскую территорию и начал наступать вглубь территории СССР.

Но отрядами РККА, Ибрагим-бек, был оттеснён к приграничной с Афганистаном полосе. На помощь к Ибрагим-беку было брошено подкрепление в количестве 250 всадников во главе с курбаши Утан-беком, но встреченные огнём пограничников, они не продвинулись дальше приграничной полосы и, понеся существенные потери, вернулись в Афганистан.

В начале мая 1931 года Ибрагим-бек прибыл в свою ставку в Алиабад на встречу с предводителем эмиграции и туркменским курбаши Ишаном Халифой Кызыл-аяком, который подтвердил своё участие, в согласованном ранее, совместном походе на территорию СССР.

Однако дальнейший ход событий внёс свои коррективы, и в июньском письме к Ибрагим-беку, Ишан Халифа Кызыл-

аяк писал: «Оставаться в Афганистане нельзя, надо уходить в Иран».

В подтверждение своих слов, в середине лета 1931 года, дав Кабулу обещание далее не поддерживать Ибрагим-бека, Кызыл-аяк, получил возможность отступить в Иран. Большинство дружественных Ибрагим-беку отрядов были разоружены, отдельные перешли на службу к эмиру Надир-шаху, а отказавшиеся сложить оружие, были уничтожены.

Под давлением кабульской власти, в начале июня 1931 года, Ибрагим-бек распустил своё 1.5 тысячное войско, оставив лишь 200 человек, внешне засвидетельствовав, афганскому Эмиру, полноту его власти. Вместе с тем, Ибрагим-бек не изменил своих намерений на создание независимого узбекско-таджикского государства.

Вместе с тем, межгосударственные отношения между Афганистаном и СССР укреплялись. 24 июня 1931 года был подписан договор о недопущении на своей территории вооружённых отрядов и организаций, враждебных другой стороне. В рамках данного договора государства продолжили активно взаимодействовать, подавляя остатки басмаческих отрядов на афганской территории. В рамках своих обязательств, афганское правительство направило в северные территории дополнительные свежие силы.

Летом 1931 года, правительственные войска продолжали наносить урон отрядам Ибрагим-бека.

К началу июня 1931 года в боях с РККА отряды Ибрагим-бека потеряли 1224 человека убитыми, 75 человек было взято в плен, 314 человек добровольно сложили оружие. Значительно уменьшилась и помощь уставшего от войны населения афганского севера и соплеменников-узбеков.

Выдавливаемый правительственными войсками из Афганистана, Ибрагим-бек принял решение вместе с отрядом верных локайцев пересечь границу СССР и двигаться в район долины реки Кафирниган.

Для борьбы с отрядами Ибрагим-бека РККА сформировала группировку в составе 3-й Туркестанской стрелковой дивизии, 7-й Туркестанской кавалерийской бригады, 8-й Туркестанской кавалерийской бригады, Узбекской Кавалерийской бригады, 83-й кавалерийского полка, Таджикского стрелкового батальона, Киргизского кавалерийского дивизиона, 35-го отдельного авиаотряда и других подразделений.

Район боевых действий отрядов РККА с отрядом Ибрагим-бека в долине реки Кафирниган охватывал участки горного массива Байсунтог, Актау (Актаг), Бабатаг.

В бою под Дербентом, 23 июня 1931 года, в 30 километрах западнее Байсуна, формирование Ибрагим-бека было разбито специальным отрядом ОГПУ под командованием Мукума Султанова.

Сам же Ибрагим-бек, по одним данным, был пленён в районе кишлака Бульбулон, при переправе на правый берег реки Кафирниган колхозником Гюль-Ходжа Назаром. После сопровождения в кишлак Ляур, самолётом Юнкерс Ф-13, Ибрагим-бек был конвоирован в город Сталинабад - Душанбе, а оттуда в Ташкент, где предстал перед судом и 13 апреля 1932 года приговорён к высшей мере наказания, расстрелу.

Многие басмачи, входившие в отряды Ибрагим-бека, после его расстрела в 1931 году продолжили вооружённую борьбу.

Участники северо-восточного военного похода из числа военнослужащих регулярных частей афганской армии и ополченцев пуштунских племенных формирований были отмечены специально учреждённой Правительством медалью «За разгром мятежников Катагана и Бадахшана» и денежными средствами.

Доподлинно неизвестно, говорил ли эти слова Ибрагим-бек, но ему приписывают такие слова:

«Куда бы мы ни поехали, от нас везде требуют сдать оружие, лучшее направление для нас - советская территория. Там, в родных местах сдадим оружие советской власти, ... пусть лучше меня убьют большевики, чем афганцы».

Общая протяжённость линии соприкосновения территорий СССР и Афганистана, через которую осуществляли нападения басмаческие формирования, в том числе отряды, курбаши Ибрагим-бека, составляла более полутора тысячи километров».

Бруно читал книгу, отмечая множество, хорошо известных ему, населённых пунктов провинции Кундуз - Чардара, Ханабад, Алиабад, Умар-хейль и другие, в которых, спустя почти столетие, мало, что изменилось.

Талибы, как и немцы, внимательно следили за новостями в стане противника. О приезде в Кундуз младшего Юнга, сразу же стало известно Шамсуддину, начавшего искать удобный случай для его похищения.

Талибы дождались момента, когда Альфред Юнг в сопровождении двух спецназовцев на бронетранспортёре «ATF-DINGO-2» покинул пределы гарнизона TF-47, установили слежку и, воспользовавшись остановкой и спешиванием с брони, на кундузском кругу - в самом центре города, для покупки сувениров, атаковали с двух сторон, небольшой группой. Застрелив спецназ, талибы схватили младшего Юнга и увезли в неизвестном направлении.

О местонахождении Альфреда, данных, некоторое время, не поступало. Оберст Юнг находился в смятении. Не без оснований, предполагавший о наличии у Отто контактов с талибами, Бруно попросил его о содействии:

- Отто! На следующий же день после авиаудара, ты оказался в кишлаке Дафтани и беспрепятственно сделал объёмный репортаж - это не случайно! Подними свои связи и узнай о месторасположении младшего Юнга - обратился Бруно.

- Я попытаюсь - неуверенно ответил Отто.

Пришлось вновь обратиться к услугам Якуб-хана. Отто для него теперь был человеком слова. Благодаря его объективному освещению последствий авиаудара в Дафтани в крупнейшем мировом издании, мир узнал о бесчеловечности действий западной коалиции в Афганистане.

Не забыл Якуб-хан и о личном вознаграждении, полученном от Отто за связь с талибами, поэтому охотно откликнулся на его просьбу. По старым каналам, он быстро установил исполнителей.

- Это сделали люди Шамсуддина в отместку за Дафтани и для заключения выгодного обмена пленными - сообщил Якуб-хан, сидевшему на топчане его чайханы Отто и продолжил: с сыном Юнга всё в порядке, с ним нормально обращаются и дают еду. В скором времени будут объявлены условия обмена.

Талибы велели передать: предпринимать какие-либо действия по поиску младшего Юнга не стоит, тем самым, дав понять, что его жизнь зависит от их воли.

- И ещё, Отто, сугубо между нами! Ваш товарищ из TF-47, ухаживает за племянницей Шамсуддина, работающей в госпитале MSF. Предупреждаю, от себя лично - это очень опасно! - предостерег Якуб-хан.

Отто передал Бруно информацию о младшем Юнге, но сведения об осведомлённости талибов отношений с Ситой,

сообщать не стал. Бруно, в свою очередь, передал всю полученную информацию оберсту Юнгу.

Спустя трое суток на связь с Отто вышел Якуб-хан и попросил приехать в его чайхану.

- Их требования такие: сын - в обмен на муллу Абдул Рахмана, пленённого в кишлаке Гундай, плюс - пять задержанных в ходе рейдов, лидеров талибан из Баглана, Тахара и Бадахшана - список имён указан здесь - отрапортовал Якуб-хан, и передал конверт.

Условия были переданы по адресу.

АВИАУДАР по ГОСПИТАЛЮ «ВРАЧИ без ГРАНИЦ» MSF

Минула неделя, наступил октябрь. При первом удобном случае, Бруно приезжал в госпиталь MSF повидаться с Ситой, их отношения уже переросли в близкие. Встречи были урывками, но ждали они их оба, с нетерпением. Заодно, Бруно навещал Отто, и они обсуждали будущую поездку в Россию в поисках друзей отца с фотографии.

Вот уже третий день Бруно находился в Мазари-Шариф. Сюда, в центральный штаб группировки «Север», его и других командиров групп спецназа TF-47 вызвали на инструктаж к командующему бригадному генералу Хансу Штруку, в преддверии, прибытия в Афганистан Министра обороны ФРГ.

В этот период в Кундузе дестабилизировалась обстановка. Несмотря на то, что данная территория не входила в зону ответственности США, они здесь сильно активизировались. ISAF, регулярно и повсеместно проводил специальные операции в поисках талибского подполья. Учитывая их близость к жилым и общественным объектам, накануне - 29-го сентября, госпиталь «Врачи без границ» MSF, предусмотрительно передал свои GPS-данные военным из ISAF.

Однако, вопреки предупреждениям, 2-го октября, ВВС США из состава сил коалиции ISAF нанесла авиаудар по госпиталю «Врачи без границ» MSF. В момент серии ударов в MSF находилось 89 врачей и свыше ста пациентов.

Первый авиаудар воспламенил основное здание госпиталя. Второй пришёлся по корпусу, где находились больничные палаты. В результате, многие больные не смогли спастись и сгорели заживо. Отто, находившийся, в это время на перевязке, в промежутке между ударами успел эвакуироваться в госпитальный бункер, но связаться оттуда, с кем-либо, не мог.

Весть об авиаударе мгновенно разнеслась по округе. Находившийся в Мазари-Шариф, огороженный этим событием Бруно, начал звонить Сите и в госпиталь MSF в Кундузе, но телефоны молчали. Тогда, он позвонил в штаб-квартиру «Врачи без границ» MSF в Женеве.

- Добрый вечер! Офис международной медицинской организации «Врачи без границ» MSF. Чем я могу вам помочь? - ответил приятный женский голос.

- Здравствуйте! Я не могу дозвониться до своей невесты, вашей сотрудницы, работающей в Кундузе - её зовут Сита Ахмадзай. Я хотел бы убедиться, что с ней всё в порядке - сказал Бруно.

- Побудьте, пожалуйста, на линии - попросила девушка, и поставила звонок на ожидание. Спустя три минуты она вернулась к контакту:

- Спасибо за ожидание! В данный момент, имена пострадавших уточняются. Попробуйте позвонить нам через два часа, надеюсь, обстановка прояснится - предположила она, и повесила трубку.

Через два часа Бруно итерировал звонок. Трубку сняла та же сотрудница, она сразу узнала Бруно.

- Повторите, пожалуйста, фамилию невесты - попросила она.

- Ахмадзай! Сита Ахмадзай! - чётко произнёс Бруно.

- Оставайтесь, пожалуйста, на линии - сказала она и, снова перевела звонок на ожидание.

К звонку она вернулась потухшим голосом, произнесла:

- Сожалею, у меня для вас плохие новости - сообщила сотрудница и дополнила:

- Доктор Сита Ахмадзай указана в списке погибших. Оставьте, пожалуйста, свой контактный телефон, мы вам непременно позвоним - с этими словами она попрощалась.

Через некоторое время на связь с Бруно вышел Отто:

- Бруно, ты уже знаешь? - спросил Отто.

- Как это случилось? - спросил Бруно.

- Когда начался налёт, Сита находилась в главном корпусе на летучке. Бомба разорвалась прямо под их окном, взрывной волной выбило стёкла, а осколки поразили всех, кто там находился. Никто не выжил - рассказал Отто и добавил:

- Выражаю тебе своё соболезнование, Бруно.

По скромным оценкам, под бомбами ВВС США погибло сорок два человека, ещё тридцать семь получили ранения.

Родные приняли решение похоронить Ситу рядом со своими предками на кладбище рядом с мавзолеем «Баба

Хатим Зиярат» в уезде Имам-Сахиб провинции Кундуз. Из Германии прилетела семья Ахмадзай – родители и старшие братья Ситы. Незадолго до гибели, дочь просила у них разрешения встречаться с Бруно. Родные Ситы знали о серьёзных намерениях Бруно и планах молодых пожениться.

Когда, Бруно и Отто прибыли к воротам дома в Имам-Сахибе, где шло прощание с Ситой, то увидели большое количество машин и вооружённых людей. Среди них Отто встретил талиба, помогшего сделать репортаж о авиаударе в Дафтани, и сразу вспомнил слова Якуб-хана о том, что Сита приходится племянницей Шамсуддину.

«Так вот почему здесь так много вооружённых людей, – подумал про себя Отто, – похоже и Шамсуддин здесь».

В глазах собравшихся Бруно и Отто, вместе с ISAF несли солидарную ответственность за гибель Ситы. Они стали чувствовать на себе тяжёлые взгляды мужчин и слышать проклятья женщин. Обстановка накалялась и начала выходить из-под контроля.

Обстановку разрядил Отец Ситы – Аюб Ахмадзай, умеривший пыл строптивых родственников и предложивший немцам лучше удалиться.

ОБМЕН АЛЬФРЕДА ЮНГА

Бруно Тевс и Отто Гринберг, установившие контакт между TF-47 и талибан с целью обмена пленными, по требованию лидера Шамсуддина, переданного Якуб-ханом, должны были гарантировать чистоту сделки своими жизнями.

Было раннее утро. Туманилось. К условленному месту встречи – пустырю на окраине уездного центра Алибад южнее Кундуза подъехало такси с Бруно Тевсом и Отто Гринбергом. К ним подошли вооружённые люди, связали за спиной руки и глаза и, отвели за ближайšie глинобитные строения.

Через несколько минут появилась колонна из пяти единиц германской бронетехники – четыре броневика «ATF DINGO-2» с группой спецназа, а в середине бронированный грузовик «MUNGO», в кузове которого находился Абдул Рахман, с ним ещё трое лидеров талибан и охрана. Колонна чинно съехала с трассы и встала в ожидании подвоза Альфреда Юнга.

Из головного броневика спешились Георг Юнг и два офицера из высшего командования TF-47. Спецназ обступил командиров. Юнг был напряжён. К этому времени туман уже

рассеялся и к месту встречи на двух мотоциклах подъехали трое афганцев с радиостанциями. Их задачей было идентифицировать, заявленных к обмену пленных, и сообщить об этом.

Юнг, жестом руки, приказал опустить на кузове MUNGO тент, чтобы было легко разглядеть всех пленных. Мотоциклисты обменялись с ними несколькими фразами и, доложив по радиосвязи увиденное, покинули место встречи.

Через десять минут, на пустырь из-за крайнего строения, куда были уведены Бруно Тевс и Отто Гринберг, вышел талиб, устроивший Отто сбор материала в кишлаке Дафтани и, замеченный им же, на похоронах Ситы. На условиях заявленных талибами, он забрал с собой Абдул Рахмана и, трёх с ним, пленных. Они исчезли за глинобитными строениями, из-за которых сразу показался Альфред Юнг. Он был одет в традиционную афганскую одежду – светло-коричневый перухан и бежевый паколь на голове. Он увидел отца и быстрым шагом направился к нему.

За ним, подотстав сзади степенно шли Бруно Тевс и Отто Гринберг. Внезапно, в небе появились ударные вертолётчики и начали поражать глинобитные строения, за которыми только что скрылись талибы. Бруно и Отто перешли на бег, стараясь, скорее отдалиться от глинобитных строений.

Но осколок одной из разорвавшихся бомб сразил Отто в спину. Его ноги подкосились, и он упал. Когда подбежал Бруно, Отто был ещё жив, он, собрав последние силы и произнёс: «Нельзя было им верить». Бруно позвал медика спецназа, но было уже поздно.

Бруно склонился у тела Отто и, вскинув к небу голову, закричал: «Почему?!». Вертолётчики уже улетели, а Бруно всё ещё оставался сидеть рядом с телом Отто, пока группа спецназа не погрузила тело Отто в кузов MUNGO и не увела его самого.

Когда Бруно вернулся в расположение ТФ-47, то сразу направился в кабинет Георга Юнга. Не постучав в дверь, он твёрдым шагом подошёл вплотную, к сидевшему за столом оберсту Юнгу и, повышенным тоном спросил:

- Почему вы привлекли авиацию?!

- Это было не моё решение – виновато ответил Юнг и добавил: мы на войне, обер-лейтенант, и надо мной есть командиры!

- Отто спас вашему сыну жизнь! Почему он поплатился за это своей?! - продолжал расспрос Бруно, и, не снизив тон, продолжил, - циничность и бесчеловечность, преднамеренных авиаударов коалиции не имеет границ!

- Вы, господин оберст Георг Юнг, лично ответственны за гибель гражданского населения в Умар-хейле, а военные продажного правительства в Кабуле и США, виновны в ударах по Дафтани и госпиталю MSF в Кундузе - сказал Бруно и, хлопнув дверью, покинул кабинет.

Оттуда он направился в свой кубрик, и чтобы успокоиться, прилёг на кровать, достал из тумбочки книгу «Большая игра в Афганистан» и погрузился в чтение:

КУНДУЗ северо-восточный АФГАНИСТАН 1942 год

Из доклада средне-восточного отдела Народного Комиссариата иностранных дел от 4 апреля 1942 года:

«Группа афганских военных во главе с принцем Мохаммадом Даудом разработала план нападения на Советский Союз. Кабул считает переброску частей РККА с советско-афганской границы на фронта ВОВ делом ближайшего времени, и это обстоятельство, по его мнению, позволило бы Афганистану овладеть Хивой и Бухарой силами всего одной дивизии. С целью использования басмаческих формирований против СССР, король Захир-шах заключил с живущим в эмиграции в Кабуле сверженным Эмиром Бухары Сеидом Алим-ханом секретное соглашение».

С началом Великой Отечественной войны в июне 1941 года, Абвер приступил к созданию антисоветской, антисоюзнической разведывательно-диверсионной организация «Унион», её целью был сбор секретных сведений о военно-политической обстановке в республиках Советской Средней Азии и подготовка басмаческих формирований на севере Афганистане к нападению на СССР.

К лету 1941 года германская и японская дипломатические миссии установили устойчивый контакт со всеми крупными курбаши среднеазиатского басмачества. Резиденты Абвера обер-лейтенант Д. Витцель и К. Расмус, числившиеся сотрудниками германской дипломатической миссии в Афганистане гарантировали басмачам - деньги, оружие и лошадей.

Широкий масштаб подготовки формирований басмачества для нападения на Советские среднеазиатские республики, никак не пресекался афганским правительством.

15 Сентября 1941 года. Южная окраина Кундуза. На встрече присутствуют курбаши Махмуд-бек и сотрудники германской дипломатической миссии в Кабуле, они же агенты Абвера - К.Расмус и Д.Витцель.

- Уважаемый Махмуд-бек, после утверждения центром в сентябре 1941 года вашей кандидатуры во главе организации «Унион», с учётом наличия у вас многолетнего опыта борьбы в освободительном движении, обширной агентурной сети в республиках Средней Азии и северном Афганистане, собственного крупного отряда и авторитета среди курбаши узбекского и туркменского басмачества, прошло три месяца.

Если вы помните, на предыдущей нашей встрече, мы изложили вам перечень основных задач первого этапе деятельности Унион:

1. Расширение агентурной сети в южных районах республик Средней Азии - Туркменской ССР, Таджикской ССР и Узбекской ССР.

2. Установление точной численности басмаческих формирований в северном Афганистане, с их национальной принадлежностью, местом дислокации, районами и уровнем влияния по обе стороны Амударьи и именами их курбаши.

3. Создание рядом с Кундузом опорного пункта для германских диверсионных групп с целью переброски на территорию СССР.

4. Подготовка диверсионных групп из числа басмачей.

К сказанному, уместно добавить, о получении вами на эти цели транша размером 40 тысяч афгани. А также то, что помимо нас, вы успешно, обеспечиваете секретными сведениями разведки наших союзников по «Оси» - Италии и Японии и, сколотили на этом приличное состояние.

Махмуд-бек внимательно дослушал и, с трудом сдержав эмоции, начал доклад с короткого предисловия: - Нападение фашистской Германии на СССР в среднеазиатской эмигрантской среде на севере Афганистана и в столице Кабуле, было встречено с воодушевлением. Моджахеды, все как один, готовы выступить за Амударью против Красной Армии, чтобы ступить на родную твердь и вернуть наши святыни - в Бухаре, Самарканде, Хиве и Фергане.

По вопросу о расширении агентурной сети: на полученные средства существенно увеличилась база наших агентов во всех трёх среднеазиатских республиках.

Помимо дехкан, в неё, также вошли представители исполнительной и государственной власти, военные из национальных формирований Среднеазиатского военного округа, в их числе которых командиры разного уровня.

Касаемо претензий в отношении моих контактов с разведками стран «Оси»: насколько мне известно, в этом августе, германский посол в Кабуле Ганс Пильгер, не без вашего господства – Витцель и Расмус, участия, организовал встречу японского поверенного Кацуби с Бухарским эмиром Сеидом Алим-ханом, внешне соблюдавшим приверженность короля Захир-шаха политике нейтралитета и, потому, уклонившимся от сотрудничества.

Однако, после этой встречи, агенты разведок Японии, Италии, Турции, договорившись о денежной и военной помощи, установили тесный контакт с близким окружением эмира Бухары, их личности хорошо известны – это, сын эмира Сеид Умар-хан, личный представитель Хаджи Вава, сват Сеид Мубашир-хан Тирази, а также ряд узбекских и туркменских курбаши – Ишан Халифа Кызыл-аяк, Сеид Кудратулла, Нурмамад, Салах и Абдул Ахад Кара, Мухитдин-хан Тура, Абдулла Керим Минбаши, Абдурахман Максум, Мулла Клыч Ага, Кошут-бай и Давлет Сердар.

Со своей стороны, считаю необходимым напомнить, что наделён вами должностью главнокомандующего, и нашей договорённости, что вся помощь будет осуществляться через меня. Мои планы всем известны и ничем не разнятся от других курбаши – это захват территорий Бухарского эмирата и Хивинского ханства и возвращение на их престолы свергнутых правителей.

Теперь о создании в Кундузе опорного пункта – вместо одного, в Кундузе, я создал два опорных пункта, второй – в Баглане. Их руководителем, временно назначен, бывший офицер афганской армии Хамра Гуль-бек.

По вопросу численности басмаческих формирований – исходя из собранных у курбаши данных, общая численность басмачей по десяти афганским городам и их районам составила 22.300 – двадцать две тысячи триста басмачей, из которых надлежало вооружены лишь 15 тысяч.

Внезапно речь Махмуд-бека прерывает вопрос К.Расмуса:

- А как же данные, указанные в письме туркменского курбаши Ишана Халифы Кызыл-аяка, написанного в августе сего года, афганскому премьер-министру Мохаммеду Хашим-хану, в котором он просит взять под своё покровительство Бухару, выразив готовность поставить

под ружьё 40 тысячную группировку туркмен. Столько же, по его словам, вольются ещё, в случае поставок дополнительного вооружения и денежных средств. По нашим же, данным, Кызыл-аяк обладает войском, не превышающим 11 тысяч басмачей, и умышленно завышает цифру в 4 раза.

- Это одно из следствий нарушения вами единоначалия. По моим данным, общая численность туркменских формирований, базирующихся на левом берегу реки Амударьи, с началом 1939-го по осень 1941 года, возросла в два раза. Надо признать, что туркменская эмиграция наибольшая по численности, оттого и отряды у неё крупные.

По вопросу подготовки диверсионных групп из числа басмачей - определён список наиболее боеспособных отрядов, откуда в сжатые сроки можно провести отпор. Всё зависит от ваших средств.

В заключении хотелось бы отметить, что Кабул следит за событиями на фронтах Второй мировой войны, ожидая взятия вермахтом Москвы, Ленинграда и падения СССР, когда Афганистану представится исторический случай, штыками вторгшихся басмачей, установить власть над территориями Бухарского Эмирата и Хивинского Ханства.

А пока Кабул вынужден терпеть наше многотысячное войско на северных территориях, не предпринимая шагов по установлению над ними контроля. В отличие от Кабульской власти, у басмачей нет выбора, как не поставить на рейх. С ним мы можем вернуться к нашим очагам. Мы чужие в Афганистане. Кабул всех использует, вас как - денежный мешок, нас, как - пушечное мясо.

Закончив доклад, уточнив ближайшие задачи и, получив деньги, Махмуд-бек ушёл.

- Дитрих, а ведь, прав Махмуд-бек, отметил Расмус, Витцелю. Не верю, я их королю Захир-шаху и всей этой династии Баракзай. Они извечная креатура англичан. Я согласен с рейх-министром Риббентропом, считавшим его замену необходимой, на находившегося в изгнании в Риме, эмира Амануллу-хана.

В обмен на присоединение в войне к странам «Оси», они требуют от Германии гарантии, передачи им на севере - территории республик Советской Средней Азии, а на юге - выхода к Индийскому океану к портовому городу Карачи, и в дополнении к этому - поставок большого количества военных самолётов, артиллерийских орудий и танков.

Известно ли вам обер-лейтенант - спросил Расмус Витцеля: что к апрелю 1941 года начальник генерального

штаба Вермахта Франц Гальдер по распоряжению А. Гитлера разработал план операции «Аманулла», в соответствии с которым – четыре тысячи десантников должны овладеть Кабулом и сменить режим короля Захир-шаха? Затем войска Вермахта направятся к границам Британской Индии и при поддержке восставших пуштунских племён захватят её. Для его реализации планируется привлечь силы 17-ти дивизий: шести горнострелковых, 4-х пехотных, 4-х моторизованных и 3-х других подвижных соединений.

А созданная нами в Афганистане база будет использована, как плацдарм для наступления на Индию. Для адаптации личного состава к операции в стране с жарким климатом, в Греции уже сформировано специальное ударное подразделение Вермахта – «соединение Ф».

К 17-ти вышеупомянутым дивизиям присоединится и «тюркская дивизия» – из числа советских военнопленных-мусульман, уроженцев Средней Азии. В Польше, близ города Вроцлав уже создана секретная тренировочная база под названием «Лесной лагерь СС-20» или «Главный лагерь Туркестан» на ней ведётся подготовка диверсантов. Для идеологической обработки в подразделениях, состоящих из мусульман, подобраны «войсковые муллы».

Диверсионные группы, укомплектованные солдатами и офицерами «Туркестанского легиона», из созданных нами опорных пунктов в Баглане и Кундузе будут переброшены в Среднеазиатские советские республики. Вооружение в северный Афганистан будет доставлено самолётами люфтваффе».

Бруно дочитал главу и, отложив книгу, подумал – да, история возвращается на круги своя. Могли ли эти офицеры Абвера в далёком 1941 году предположить, что через три с лишним года в мае 1945 года Советские войска войдут в Берлин и фашистская Германия подпишет акт капитуляции, а спустя почти 60 лет – в декабре 2001 года, Бундесверу, в отличие от Вермахта, удастся войти Афганистан?

Что, действуя в составе международных сил западной коалиции ISAF, зоной ответственности Бундесвера станет северо-восточная часть страны – провинции Кундуз, Баглан, Тахар, Бадахшан, где базировались формирования басмачей, с которыми взаимодействовал Абвер, а в Кундузе будет размещено специальное разведывательное подразделение TF-47?

ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ

Привет из Сурхандарьи!

Привет брат-Андрей! У меня всё хорошо. Погода у нас стоит сухая, хотя и октябрь, солнце светит ярко и даже слегка припекает, днём температура + 25С, а вот ночью уже прохладно +10С.

Служба моя идёт своим чередом, в нашей разведроты служат парни из Красноярского края, Казахстана, Свердловской области, Хакасии, Украины, Ставрополя, Молдавии, Крыма, Москвы, Риги, Ленинграда, за десять дней, я успел со многими из них подружиться.

Скажу тебе по секрету, сильно скучаю по маминым котлетам и борщу, по пирогам и запеканке. Вкус капустного пирога, что мама испекла на проводах, до сих пор у меня на языке.

В нашей солдатской столовой, представлявшей собой огромный железный ангар, раскаляющийся под полуденным зноем, с жуткой духотой внутри, на стол для десятиерых курсантов, ставится чугунный котелок. В нём и первое, и второе одновременно, проще говоря - клейстер из кислой капусты и полустгнившей картошки с почерневшими глазками. Через день, на ужин дают бульон с кусками отварного свиного сала, вызывавшего у всех тошноту. На завтраки всегда жидкая каша на воде, без масла. Хлеб чёрный, белого не бывает.

Но для многих из нас, кто не может это есть, было бы большим счастьем, хотя бы пять минут - отведённых для еды, спокойно посидеть, дожидаясь пока желающие поедят. Но нет. Старшина Толстопёров и сержанты, в столовой отрабатывают команду «3/15» - «3 взвода/15 секунд». Суть её состоит в том, чтобы во время приёма пищи, услышав команду 3/15, резко прекратить приём пищи и за 15 секунд покинуть столовую и занять место в строю у входа.

А теперь представь себе: 100 курсантов разведроты, сидят за столом, только разложили еду по тарелкам, не успели положить в рот даже одной ложки, услышали команду 3/15, и вскочили из-за столов, перепрыгивая и даже наступая на них, снося под ногами тарелки и чашки, быстро побежали к выходу из столовой, чтобы встать в строй.

При этом, брат, прошу учесть, что столы нашей разведроты находятся в глубине зала – в 50-ти метрах от входа, а также то обстоятельство, что в момент команд 3/15 на выходе у дверей столовой, как в горловине бутылки, скапливается толпа курсантов из других рот.

И видя скоп народа, старшина намеренно начинает ускорять отчёт: «7, 6, 5, 4, 3....» и наши ребята, лишённые возможности поест и доведённые этим до иступления, разбегаясь,

вклиниваются в толпу, создавая давку и, усиливая навалившейся массой давление на четырёхметровые двустворчатые деревянные двери, вылетающие вместе с косяком, как «пробка от бутылки шампанского».

Видишь ли, Андрей! Никто не хочет остаться последним и навлечь на свой взвод коллективное наказание. Команду «3/15» мы выполняем регулярно, часто повторяя по три, четыре раза. Меня забавляет, что никто из командования части и хозяйственной службы, не высказывает нашему старшине и сержантам недовольство в связи с ежедневным ремонтом дверей и косяка столовой.

Чёрт с ним с повторением «3/15», но давка травмирует и приводит к стычкам между самими разведчиками, не говоря уже о других ротах. В одном из таких неумышленных столкновений при выполнении «3/15» сцепились два моих друга Руст и Стрела, но мы их быстро примирили.

А с едой, брат, как-то выходим из положения, мы ведь разведчики. Поняв, что столовскую похлёбку есть невозможно, два дня назад, мы шестером Монгол, Стрела, Костян, Руст, Сидор и я, забежали на кухню и, столкнувшись с возмущёнными возгласами, провели поварам жёсткие внушения, заставив их отдать блюда, приготовленные для себя.

Теперь слово «разведрота» заставляет их трепетать, а мы теперь, заходим в цеха кухню, как к себе домой, шарим по холодильникам и кладовкам, забираем продукты и готовую еду.

Видишь ли, большая физическая нагрузка требует большое количество еды, вот мы её и добываем, везде, где возможно.

Кстати, большое спасибо за посылку, с моими любимыми конфетами – «Ласточка», «Мишка на севере», «Красная шапочка», «Коровка», «Каракум» и юбилейным печеньем, их вкус напомнил мне дом. Содержимое посылок мы делим шестером. Правда, адаптация организма средней

полосы к внешней среде данного региона проходит медленно, сладкое приводит к сбою в работе желудка, вызывая понос.

Ну, а массовый всплеск диареи в роте, следом отражается на учебных занятиях. Потому, на построениях наш ротный, старший лейтенант Ровба В.И. сильно бранится словами, типа:

«Ну что обезьяны? У солдата живота болит? Повторяю ещё раз, если хоть одна обезьяна поест что-то за пределами столовой и выпьет что-нибудь вместо чая из колючки, спать и ходить под себя - будете стоя!»

Оттого, во избежание дизентерии, желтухи, тифа, малярии, едим мы, не из тарелок, как это принято, а из индивидуальных алюминиевых солдатских котелков с крышками. Нижняя часть котелка используется, как тарелка, а верхняя, как чашка. При этом сержанты строго следят, чтобы в котелки постоянно была налита дезинфицирующая хлорированная жидкость.

Хранятся они, до следующего приёма пищи, на этажерках у входа в палатку. Вот, «если вдруг, хотя бы у одной обезьяны», как говорит наш ротный Ровба В.И., в момент нежданной проверки, хлорки в котелке не окажется - это окажется очень нездорово.

Надо отметить, что питьевой воды в части нет. Воду привозят в ЗИЛах-водовозках и заполняют ею большие цилиндрические ёмкости, оборудованные у трёх умывальников, на высоте шести

метров. Нагреваясь от зноя и сильно остужаясь за ночь от перепада температур, вода стекает в двадцатикрановые умывальники, в которых моется вся часть.

Привозная вода, также используется при готовке пищи и заваривании чая из колючки, в пункте заваривания и розлива чая - «чайхане», расположенной сбоку от столовой.

Чайхана, представляет собой саманную надстройку с навесом от солнца и шестью вмонтированными в неё огромными казанами, нагреваемыми газовыми горелками, излучавшими сильный жар, суммирующийся с раскалённым, от полуденного зноя, воздухом, стоять, вблизи с которой, не выносимо жарко.

Над казанами с клокочущим чаем из верблюжьей колючки нависают повара-узбеки, сноровисто перемешивавшие его большими армейскими черпаками с чугунными наконечниками, а затем проворно заливавшими в горловины тысяч фляжек.

Оказывается брат-Андрей, чай из верблюжьей колючки обладает массой полезных свойств, в особенности сильным противомикробным действием, нормализующим работу желудочно-кишечного тракта. Он утоляет жажду, а главное – назван единственным разрешённым к питью нашими командирами, напитком.

Занятно, чтобы это узнать, надо было попасть армию и оказаться в Туркестане. Да что я, о себе, да о своей службе?!

Брат! Как твоя учёба? Как наша группа? Как наши девчонки – обо мне кто-то спрашивает? Если да, большой им от меня привет. Я уже по всем скучаю. Напиши мне, какое новое кино показывают в кинотеатрах и по телевизору? Ты только не ленись, пиши обо всех и обо всём подробно – мне интересно всё. Обними отца и поцелуй маму. Твой брат-близнец Иван.

ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ

Сурхандарьинская область Узбекская ССР.
Учебка ТуркВО.

Здравствуй Андрей!

Прости, что давно не писал. Уже потёмки и дали команду «отбой», но я на свой риск, сел под фонарь, освещавший пространство за нашей палаткой и решил написать тебе письмо. Уже ноябрь. Ночи в Сурхандарье холодные. Палатку топим по очереди, углём.

Служба моя течёт стремительно, очевидно из-за плотного графика занятий. Ведь, разведчик должен быть хорошо подготовлен и способен решать задачи, без сна и еды – это уже шутка.

А если серьёзно, брат-Андрей, то «самоидентичность разведчика обретается многими часами занятий по боевой, тактико-специальной, огневой и физподготовке – в том числе, рукопашному бою» – так нам командир роты старший лейтенант Ровба говорит.

Во время дневных и ночных стрельб, он постоянно находится с нами на стрельбище, выделяя каждому из нас отдельное время, учит меткой стрельбе из разных положений: лёжа, с колена, на ходу, с короткой остановки, снайперски, а также по движущимся целям.

Бывает, целый день проведён на стрельбище, вернёмся в палатку, не чувствуя ног, а после ужина, вновь дают

приказ получить оружие и выдвинуться на ночные стрельбы.

Старший лейтенант Ровба В.И. на стрельбах нам говорит: «в боевой подготовке разведчиков, важную роль, я отвожу огневой подготовке – совершенству владения разными видами оружия» и требует, чтобы у каждого в роте по огневой подготовке была пятёрка.

Особенно интересны занятия, на которых Ровба В.И. разъясняет назначение, боевые свойства, материальную часть оружия, правила и приёмы стрельбы, технику метания ручных гранат, учит – сохранности и уходу за оружием, способам разведки целей, определению дальности до них, способам управления огнём.

В перерывах между стрельбами он охотно делится примерами из личного опыта участия в боевых операциях. По его мнению, выдержка, психологическая устойчивость, умение экономить время и боеприпасы на войне – это залог успеха.

Например, говорит он: «Высадились вы в горах, и увидели бегущего между валунами «духа». В эйфории, не палите очередями, а переведите стрельбу на одиночный режим и продолжайте вести цель на мушке. Определите точное укрытие, из-за которого, он должен выскочить, прицельтесь и ждите – он предстанет, и вы его настигните».

Андрей, можешь мной гордиться, я владел стрельбой из АКС-74, ПКМ пулемёта Калашникова, гранатомёта АГС-17, метанием ручных гранат РГД-5.

Говоря о тактико-специальной подготовке разведчиков, рядом с палатками разведроты на окраине части, построен аналог душманского кишлака, идентичный афганскому, с множеством глинобитных жилищ и заборов, в том числе и по периметру.

В горах, на занятиях – мы отрабатываем тактические действия разведгрупп в условиях, максимально приближенных к боевым – передвигаемся в разведдозоре, в основной группе, ведём наблюдение, осуществляем засады, налёты, отражаем их, прочёсываем кишлак, снимаем часового, берём «языка» и так далее. Порой даже входим в раж, превышая соразмерность применённых сил.

Во время многокилометровых марш-бросков на длинную дистанцию с полной выкладкой, обладавший отличной спортивной формой – старший лейтенант Ровба В.И., присоединяется к строю и пробегает всё расстояние до

конечного пункта и обратно, вместе с нами, сохранив при этом силы и свежесть.

Вот Ровба В.И., Андрей, и есть эталон советского офицера. Он заслуживает называться «Советской военной угрозой». Высокий, сухощавый, подтянутый, выцветшая от зноя полевая форма, идеально выглажена, борта панамы слегка приподняты, ремень и портупея затянуты, на груди планка медали «За Отвагу».

При разговоре, сквозь русые усы проблёскивает металлическая фикса. Ровба В.И. обладает редким даром не ругаться матом, а им разговаривать. За строгий нрав, справедливость и тонкое чувство юмора, он снискал наше уважение.

В 1981-1983 годы, Ровба В.И., сам прошёл Афганистан, он служил в Газни, за боевые заслуги награждён медалью «За Отвагу». К твоему сведению, брат-Андрей, для офицера эта награда особая, поскольку ею награждают в основном солдат. После ДРА, с февраля 1984 года старший лейтенант Ровба В.И. стал командиром разведывательной роты в нашем учебном полку.

Командир разведроты Ровба В.И. и командиры взводов Крылов, Певцов и Кара, прививают нам гордость за службу в разведке и поощряют – смелость, дерзость и умение нестандартно мыслить. Есть несколько крылатых фраз, которые часто повторяет Ровба В.И.: «На гражданке вор, в армии разведчик», «рождённый быть застреленным, не подорвётся» часто повторяет, он перед строем. Как бы, не было трудно служить под его началом, это особая честь.

О, брат, мне машет старшина. Иду на ковёр. Обними отца, поцелуй маму. Твой брат-близнец Иван.

ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ

Сурхандарьинская область Узбекская ССР.
Учебка ТуркВО.

Здравствуй Андрей!

У меня всё хорошо. В службу, можно сказать уже втянулся. Только что прибежали с многокилометрового марш-броска с полной выкладкой, с рюкзаками наполненными песком. В горах вместо песка каменистая осыпь. Всё зависит от того, в какой местности бежим.

Днём бегать хорошо, а ночью не очень. Вот, например два дня назад - после команды «отбой», пришли мы помытые с умывальника, смертельно уставшие от занятий на полигоне, мечтая дойти до кроватей и упасть, как вдруг, старшину Толстопёрова переклинило от того, что в тумбочке Сидора, он обнаружил русско-английский разговорник, и поэтому устроил всей роте разнос.

В наказание, обхватив, свёрнутые в матрасы, одеяла и подушки, мы совершили ночной марш-бросок к афганской границе и, обратно - всего шесть километров. До того, три раза, по тому же маршруту, бегали с прикроватными тумбочками. Представляю, как ты смеёшься.

Порядок в палатке, это извечный повод для пресса. Возможно ли, сохранить чистоту бетонного пола, если ветром с пустыни постоянно задувает песок, или «навести углы» на прохудившихся бесформенных матрасах и одеялах, или уложить форму на табуретах, когда их не хватает? Любая из этих позиций используется старшиной и сержантами для коллективного наказания. Особенно, если учесть, что повод порой, создаётся ими намеренно и искусственно.

Вот тебе пример из наших весёлых солдатских будней. Пока вся рота была на занятиях, дежурный и дневальные роты, пред лицом угрозы солидарной ответственности, как и полагается, филигранно следили за чистотой и порядком в палатке.

Рота вернулась с ужина и, перед вечерней поверкой, под койками Монгола и Стрелы - некурящих, надо отметить, сержанты, обнаружили два окурка. Старшина Толстопёров пришёл в исступление и инициировал проверку всей палатки. Самолично залезал под кровати Костяна и Сидора, кстати, также, некурящих и, с изумлением, достал два окурка. Сам Толстопёров, отмечу - курит.

Смешно, правда? В итоге, история с окурками вылилась в массовое, хорошо отрежиссированное театральное действие под названием «похороны бычков».

Через два часа после команды «отбой», когда мы уже спали, роте объявили тревогу и вывели на построение.

Перед строем старшина Толстопёров объявил о проведении этой ночью церемонии погребения бычков и подробно рассказал об этапах ритуала, распределив четырём группам задачи. Несмотря на комичность затеи, сам он сохранял серьёзное лицо.

100 курсантов разделили на четыре группы. Первая, 33-ри человека - «копатели ям», старшим в ней был

назначен Руст. Его группе было поручено направиться на окраину части и вырыть два глубоких рва, габаритом «2/2/2», по одному на два окурка.

Вторая, 18-ть человек – «несущие простыни с окурками» – условно, покойниками. В неё вошли Костян и Стрела. Далее, самая многочисленная из 42-х курсантов – «безутешные родственники», рыдавшие и причитавшие, с Сидором и мной; четвёртая группа наиболее малочисленная 7-мь человек – похоронный оркестр. Он должен был «лабать Шопена», то бишь, играть похоронный марш. Туда, сам напросился Монгол.

По приказу старшины, за полтора часа, пока группа Руста активно рыла, осыпавшийся песочный грунт, столярный мастерской Костян сколотил два креста, мы со Стрелой, из подрезанной с заборных ограждений стальной колючей проволоки, сплели четыре ритуальных венка и обвесили их отрезками чёрной, красной и белой материи, а Сидор и Монгол притащили откуда-то старый баян, пробитый барабан, бубен, духовой горн, керосиновые лампы, свечи и простыни.

Ожидая окончания землекопательных работ, сержанты уточнили группам их задачи и отрепетировали отдельные элементы. Затем, выстроив «коробку» из несущих тела, плачущих родственников и оркестра, стали ждать приказа к началу похоронной процессии.

Приблизительно в 1.00. траурное шествие началось. Впереди, с важным видом, шёл колоритный похоронный церемониймейстер по имени Мамед – двухметровый азербайджанец. В вытянутых вперёд руках, вместо портрета покойного, он нёс пустую пачку сигарет с открытой крышкой. За ним, шестеро парней, держа по обе стороны, несли три венка – от каждого взвода, с надписями на лентах «скорбим».

Далее, шла группа, несущая на уровне плеч, четыре белых простыни, растянутых в гладкое полотно, в центре которых расположили четыре спичных коробка с бычками – условные гробы с телами покойников. За ней двигалась группа из многочисленных родственников с зажжёнными свечами. Замыкал траурное шествие оркестр, издававший шум и грохот неизвестного музыкального произведения.

Подвигаясь сбоку и, оббегая шествие по кругу, сердито горланя в рупорный громкоговоритель, Толстопёров требовал от родственников большей безутешности: «Драмы не вижу! Горя больше, горя! Больше натуральности! Усиьте плач!». Видя, мои с Сидором,

пересмешки и хихиканья – Толстопёров сильно нервничал, несколько раз подбегал, грозил указательным пальцем и приставлял к носу кулак.

Когда на горизонте, под звуки оркестра, игравшего вариации на тему похоронного марша Фредерика Шопена и шаманских камланий, появилось траурное шествие, у места погребения – двух глубоких рвов, по стойке смиренно, уже построилась команда копальщиков ям. Прежде чем, опустить «тела с покойниками» в ямы, старшина произнёс траурную речь:

«Сегодня, мы провожаем в последний путь четыре окурка, нагло и бесцеремонно брошенных под кровати. Пусть эти похороны будут вам уроком в поддержании чистоты и порядка в палатке – Вечная память!». И тут же посмотрел на нас, безмолвно вымогая повторить фразу и, мы разом проголосили: «Вечная память!». Закончив речь, он повернулся к строю и кивнул головой, давая сигнал окончательно попрощаться с «покойными».

После укладки простыней на дно ям, свечи затушили, а оркестру приказали временно не греметь. Первыми, чтобы бросить горсти песка в могилы, прошли «родственники», за ними другие. После этого, старшина Толстопёров, как дирижёр поймал взгляд оркестрантов и родственников и, взмахнув ладонями, возобновил траурный марш и рыдания.

В завершение траурной процедуры, все дружно взяли лопаты и быстро забросали ямы. На могильных холмах установили кресты с датой захоронения, приставили к ним венки, и рота направилась спать. А через три часа, мы, как ни в чём не бывало, совершили утреннюю пробежку.

Но на этом, брат-Андрей, наша театральная эпопея ещё не закончилась. Через два дня после этого представления наш товарищ Дархан Бадмаев – Монгол, вовлёк нас в шаманские камлания – обряд изгнания злых духов.

Для этого мы вшестером ушли ночью в пустыню, разожгли костёр, а он, облачившись в шаманские одеяния, бегал вокруг костра, побивая в бубен. А в остальном всё идёт своим чередом, очень по вас соскучился. Обнимаю отца, целую маму. Твой брат-близнец Иван.

ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ

Сурхандарьинская область Узбекская ССР.
Учебка ТуркВО.

Здравствуй Андрей!

В учебку мы прибыли 9-го октября в утеплённой форме и в пилотках. Всем ротам, за исключением нашей разведывательной, уже неделю, как вещевая служба выдала новое обмундирование - хб для жаркого климата, к тому же - громоздкие кирзовые сапоги, заменили на короткие берцы, а пилотки - на панамы.

На вопрос, когда же, наконец, и нам выдадут новое обмундирование, старшина ответил: «Никогда! Разведрота всегда, всё добывает сама». Это был сигнал к действию.

С наступлением ночи, выждав, когда дневальные прикорнут на посту или отвлекутся, сквозь полумрак мы тайком прокрадывались вовнутрь палаток других рот, унося новую форму, панамы и берцы.

Днём же, применив силу, забирали обмундирование в столовой, у чайханы, у умывальников, в бесперегородочном отхожем месте - у сидящих в ряд по нужде, а также крали у заснувших на киносеансах под открытым небом.

Уже через два дня на утреннем построении разведрота стояла полностью в новом обмундировании, тогда как, в другие роты вернулась старая форма.

Полевые занятия в нашей роте продолжительны и трудоёмки, а дисциплина строгая. Передвижения по расположению части, осуществляем бегом или быстрой ходьбой, без разброда и шатаний.

В расположении части есть три умывальника: у столовой, у чайханы и на окраине части, откуда мы совершаем марш-броски и выходим на полевые занятия. Поскольку, душевых в части нет, в умывальниках, мы моемся и стираемся.

С полевых занятий, мы всегда возвращаемся бегущим строем - с сильно разогретыми телами, залитые потом и, с пропитанной насквозь формой. Во рту сухо так, что язык кажется лишним.

К этому моменту, все умывальники уже заняты, а моющиеся, окружены плотным кольцом ожидавших очереди.

Распуская наш строй, сержанты умышленно дают нереально короткое время, по его истечению рота, в полном составе должна покинуть умывальники. Ограниченность кранов, тонкость струек, скопившаяся

толпа, не внушают оптимизма. А если не помыться сейчас, теряешь возможность освежиться до позднего вечера, когда температура воды в кранах сильно опустится.

В этом случае, мы пускаем в ход, отработанный в местах скопления рот, приём. Взявшись за руки - Костян, Руст, Монгол, Сидор, Стрела и я - с разбегу вклиниваемся в пространство между умывальниками и моющимися и, оттеснив, занимаем их место. Затем, прикрыв спиной друг друга, отражаем атаки оттеснённых.

В заключение своего письма, прошу тебя Андрей, передать всем нашим ребятам из группы большой привет, особенно девчонкам - Марине, Свете и Виктории. На этом с тобой прощаюсь. Обними отца, поцелуй маму. Твой брат-близнец Иван.

ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ

Привет из Сурхандарьи!

Рукопашному бою здесь уделяется особое значение - приёмы отрабатываем с сильным противником и порой даже с несколькими, а затем применяем их в учебных засадах. С согласия командира части, старший лейтенант Ровба В.И. приказал командирам взводов регулярно проводить учебные засады, поскольку они, решали важные задачи.

Во-первых, это была эффективная борьба с самоволкой - задерживались самовольно покинувшие часть в ночное время для похода в кишлачный продмаг. Во-вторых, разведчики отрабатывали профессиональные навыки.

Перед началом засады, мы переодеваемся в камуфляжную форму, делимся на группы и под покровом ночи, не обнаруживая себя, выдвигаемся на позиции за пределами части.

Там выбираем позиции и скрытно ведём наблюдение за следующими из части в кишлак, и задерживаем их на обратном пути с грузом. В случае сопротивления, применяем силу и связываем.

Засады проводят командиры взводов, а нашими действиями руководят сержанты. Задержанных, несмотря на их звание и занимаемую должность, мы ведём к дежурному в штаб части. Спиртное, если оно есть, остаётся в штабе, продукты - наш трофей, мы забираем себе.

Командир роты Ровба В.И., хоть и не командует действиями роты на засадах, полностью посвящён в их

ход, и по завершению проводит «разбор полётов», указывая на ошибки и объявляя благодарность.

Участие в ночных засадах, несмотря на плотную дневную загрузку, вызывает азарт, будто ты на охоте, к тому же, это возможность добыть нормальную еду. При этом действия наших парней на выходах, порой очень рискованны. Взять к примеру, вынос с колхозной бахчи десятка арбузов под носом у вооружённой охраны, приведшей к обстрелу из охотничьего ружья.

Умение скрытно проникнуть и унести, оставаясь незамеченным – поощряется, а за провалы отвечает вся рота. Офицеры нашей разведроты, многое знают и предполагают, но никогда не сдают.

В нашей роте не приветствуется пребывание в очередях – у умывальников, в чайхане, при разливе чая во фляги, на входе в столовую, при наборе дезинфицирующей жидкости в котелки и других местах.

Стычки с курсантами из других рот часто приводят к массовым кулачным баталиям и под клич «разведка!», несмотря на численное превосходство не в нашу сторону, мы обязаны прийти на поддержку. К смекалке, дерзости и внезапности, требуется и слаженное взаимодействие.

Умывальники, столовая, пункты заполнения чая во фляги и заливки дезинфицирующей жидкости в котелки – являются местом обновления кожаных ремней, панам, фляжек и формы.

Каждое утро после завтрака и обеда, перед убытием на полевые занятия, мы обязаны наполнить индивидуальную фляжку мутно-жёлтым чаем из колючки. Лишаясь во время отработки команд «3/15» возможности хоть что-то съесть, мы озлобляемся.

Выйдя из столовой и направившись к чайхане, чтобы наполнить фляжки чаем, нашему взгляду предстаёт непроходимая толпа. Распуская строй, наши сержанты объявляют время, отведённое на заправку чая, – 5 минут.

За отсутствие чая в чьей-либо фляжке, роту ждёт коллективное наказание. Это мотивирует к общим решительным действиям, мы группируемся и разбиваем очередь, расталкиваем толпу и встаём первыми, пропуская к разливавшему чайханщику только своих.

Однажды эти притеснения от частных потасовок переросли в массовый конфликт разведроты и танкового батальона, на 95%, состоявший из парней армянской национальности.

Побоище, по принципу «стенка на стенку», мобилизовало до 100 курсантов разведроты и свыше 150 танкистов. Помимо кулаков, в ход пошли все подручные средства – деревянные штакетики, кожаные ремни с заточенными бляхами, а также поварские черпаки, длиной с лопату и увесистыми, более трёх килограмм, чугунными ковшами, отнятые у поваров-узбеков, перемешивавших в казанах верблюжью колочку.

После десятиминутного массового побоища, прерванного криками «замполит», все кто смог, убежали, оставив лежать на земле от 5 до 10 курсантов с каждой стороны, с признаками повреждений и несколько сломанных черенков с чугунными ковшами.

На определённом этапе наши коллективные стычки с танкистами происходили повсеместно – у столовой, у чайханы, у умывальников, у пункта наполнения котелков дезинфицировавшей жидкостью.

В случае возникновения конфликта и явного перевеса сил в пользу противоборствующей, стороны отправляли за подкреплением.

Можно констатировать, что не проходит и дня, без драк и потасовок с участием разведроты.

Замполит части майор Каримов, ставший свидетелем побоища у чайханы, узнав, что конфликт разведроты и танкового батальона принял устойчивый характер, назначил двум подразделениям общее построение. Он сказал нам крылатую фразу, которая запомнилась мне особо: «Завтра вам вместе идти в бой, а вы бьёте друг друга до полусмерти». После этих слов, он заставил стороны примириться и пожать друг другу руки.

РУСТ

С первого дня службы на термезском полигоне, своей смекалкой и эрудицией, Руст расположил к себе, двух солдат-узбеков из экипажа бронированной разведывательно-дозорной машины БРДМ разведроты – механика-водителя Надира и наводчика-оператора Махмуда, способствующих скорому освоению им, узбекского языка.

Не сталкиваясь, за свои 18 лет, с узбеками, Руст сразу уловил сходство узбекского и татарского языков, входящих в одну тюркскую группу.

День за днём, слушая их диалог и разговоры с земляками – в столовой, в пункте разлива чая, на ночных земляческих посиделках в пустыне за готовкой плова и в

других местах, Руст не стеснялся ошибок в произношении слов и построении речи, и всегда стремился разговаривать с ними на их языке.

Он внимательно вслушивался в их речь, скрупулёзно уточняя значение, того или иного, слова, устанавливал закономерность в сходстве наших слов и запоминал разницу, когда же затруднялся подобрать слово по-узбекски, то использовал татарские слова.

Руст быстро изучил национальный узбекский этикет, выучил традиционные приветствия, слова бытового межличностного общения и, в скорости пополнил словарный запас, позволяющий мне расширить темы общения, окончательно, перейдя на узбекский язык.

Вскоре узбеки Надир и Махмуд ввели его в свой тесный круг общения и помогли установить полезные связи со своими земляками на «тёплых местах» - на складах, в столовой, в чайхане и других.

Надир и Махмуд были выходцами из разных областей Узбекистана - Кашкадарьинской и Бухарской. Когда кашкадарьинец, будучи недовольно ворчал на бухарца, называя его «таджиком», Руст спросил, почему он так говорит. «В Бухаре - все говорят по-таджикски» - ответил кашкадарьинец. На поверку бухарец-Махмуд, оказался таджиком.

Продолжив в будущем, общение с узбеками и таджиками, я смог для себя многое открыть. Например: то, что в черте ряда крупных узбекских городов - Самарканде, Бухаре, и ряде населённых пунктов Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Ферганской областей Узбекистана проживает значительное фарсыязычное население.

После овладения узбекским, сохраняя тягу к языкам, благодаря податливости Махмуда, перед Афганистаном я успел, нахвататься множества слов межличностного общения на таджикском языке. Жизнь, в скором будущем, показала, что это было, совсем не напрасно.

ГОРНЫЙ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ШЕРАБАД

Близился к завершению декабрь 1984 года. Несмотря на зиму, погода, в Сурхандарье изредка сменяясь на ненастье, днём - в основном стояла сухая и тёплая.

После месячного курса молодого бойца и принятия Военной Присяги на полигоне в пустыне Термезского района в двух километрах от Советско-Афганской границы

учебная разведрота для прохождения горной подготовки была передислоцирована в «Горный Учебный Центр» (ГУЦ) в Шерабадском районе на 89-ть километров северо-западнее вглубь советской территории.

ГУЦ Шерабада находился в гористой местности. На вершинах холмов учебного центра были оборудованы – стрельбище, душманский кишлак, палатки разведывательной и горно-стрелковых рот.

Палатки разведроты стояли особняком на окраине тыльной части военного городка. Рядом находился учебный душманский кишлак, построенный по точному подобию глинобитного афганского кишлака, с хижинами и узкими улочками для проведения занятий по тактико-специальной подготовке разведчиков. К солдатской столовой, кино-клубу под открытым небом, расположенным в низине, с окружавших холмов вёл крутой спуск.

В Шерабадском ГУЦ за два месяца, курсантам-разведчикам предстояло пройти горную, тактико-специальную и огневую подготовку.

В ходе горной подготовки были быстрые восхождения, длительные переходы и крутые спуски, с полной выкладкой и догрузкой, а также преодоления с девизом: «Сопка наша, сопка ваша».

Проснувшийся ночью от судороги ног после тяжёлых дневных нагрузок, крайне сожалел – поскольку смрад произвольного выброса углекислых газов и испарения потной влаги от сохнувших портянок в нагретой за день палатке, был непереносим.

Физические нагрузки в ГУЦ Шерабада и на полигоне Термеза были тяжёлыми, поэтому на этапе подготовки разведчикам несколько раз выдавали таблетки, стабилизирующие работу сердца.

Подготовка войсковых разведчиков была на контроле разведывательного отдела ТуркВО. Прибывшие из Ташкента с итоговой проверкой офицеры разведотдела штаба ТуркВО, посетили душманский кишлак ГУЦ Шерабада, где оценили тактико-специальную подготовку и показательные выступления разведроты по рукопашному бою.

МАЙДАН

ГУЦ Шерабад, на многие километры был изолирован от цивилизации. Единственным местом, где неподалёку теплилась гражданская жизнь, был кишлак Майдан – вытянутой формы маленький населённый пункт, стиснутый

горами и примыкавшим вплотную, большим прудом, окаймлённым зарослями высокого густого камыша, с немислимым количеством карасей, которых никто не ловил.

Традиционно занятые скотоводством, местные жители выращивали бахчевые культуры и фрукты – арбузы, дыни, персики, абрикосы, виноград, хурму и занимались базарной торговлей. Рыбу они не снедали и промыслом её, не занимались.

Во многом структура шерабадского общества сохранила характер дореволюционного уклада. Здесь, на самом юге Узбекистана рядом с афганской границей советская власть была номинальной, наследие басмачества и кормчих курбаши Ибрагим-бека, явствовало вплоть до середины 1960-х годов.

К примеру, несмотря на должность, самой статусной персоной кишлака Майдан середины 1980-х годов, находившегося в 3-х километрах от «ГУЦ Шерабад», был заведующий крошечным продмагом.

Истрата калорий тяжёлыми физическими нагрузками, отсутствие нормального питания, в особенности – мучного и сладкого, наталкивали друзей-разведчиков на мысль о целесообразности установления с местным населением кишлака Майдан делового контакта и, случай к этому был представлен.

Продолжая практиковать узбекский язык, в разговоре с жителем кишлака Майдан, водителем ЗИЛа-водовозки, привёзшим в ГУЦ воду, Руст выяснил, что одно неновое солдатское одеяло, заведующий продмагом – Хамидулла, меняет на рюкзак сушёного урюка, но доставка одеял до магазина и урюка до расположения части не входят в его обязанности. Руст подробно уточнил локацию магазина и дома завмага Хамидуллы.

Вечером того же дня, Руст поделился полученными сведениями с Сидором, Монголом, Костяном, Костром и Стрелой.

– «Одеяла я беру на себя» – сказал Сидор, и продолжил: «мне будут нужны две пары рук, к примеру – ты Стрела и ты Костёр».

Так и решили. Вечером, после ужина в полковой кинотеатр под открытым небом привезли к показу киноленту «Пираты XX-го века». На просмотр поспешил и заведующий вещевым складом – старший прапорщик Солодуха. Отвлёкшись остросюжетностью боевика, он не заметил, как Сидор сноровно вытащил из кармана его галифе связку ключей.

Пока шёл фильм – Сидор, Стрела и Костян, открыли амбарный замок вещевого склада, вынесли тридцать списанных солдатских одеял, а затем, вернувшись в амфитеатр, незаметно оставили у ног Солодухи.

После вечерней поверки и наступления темноты, дождавшись пока все заснут, Руст, Костёр и Монгол, плотно забили шесть рюкзаков одеялами и спешно двинулись в путь.

– Парни! – обратился Руст к Костру и Монголу и продолжил:

– К кишлаку Майдан, ведут два пути – лёгкий и сложный. Первый тянется по асфальтовой дороге от контрольно-пропускного пункта КПП ГУЦ до восточной окраины кишлака, он удобнее, но сулит высокую вероятность встреч с офицерами части, следовательно, большие неприятности.

Второй – длиннее, труднее, но безопаснее, с точки зрения нежелательных встреч, и никого, кроме шакалов, не предвещает. Он пролегает по дну петляющего ущелья, от душманского кишлака до стыка с тыльной частью кишлака Майдан, – изложил варианты Руст.

– Нет, неприятности нам не нужны – сказал Монгол: предлагаю идти по второму. Лучше быть покусанным шакалами, чем попасть на гауптвахту – пошутил Монгол.

– Соглашусь с тобой – поддержал Костёр.

– Хорошо – резюмировал Руст: идём по ущелью.

Путь к Майдану в полумраке освещала яркая остроконечная луна и россыпь из звёзд. Время в дороге пролетело быстро, спустя сорок минут, горы расступились, распахнувшись в долину, и вывели друзей к кишлаку Майдан.

– А вот и Майдан – констатировал Руст.

– Как же нам, в такой темени отыскать магазин, не говоря уже, дом завмага – недоумевал Костёр.

– Надо стучаться в ворота жилищ – предложил Монгол.

– Так и сделаем – резюмировал Руст.

Руст постучался в калитку ближайшего дома. Спустя минуту послышался скрип внутренней двери, и к воротам вышел невысокого роста, коренастый бородатый мужчина. Он окинул служивых взглядом и, увидев на их плечах рюкзаки, спросил: «Магазин?»

Друзья согласительно кивнули. Мужчина, бросив слово домашним, вышел и, молча, повёл их по холмистой местности, со спусками и подъёмами, вдоль узких улочек

Майдана, пока Руст, не прервал тишину и не заговорил по-узбекски:

- Я Рустам, а это Костя и Дархан.

- Моё имя Хасан - представился проводник и продолжил ход.

Пройдя приблизительно пятьсот метров, Хасан и друзья подошли к высоким воротам, выделяющимся от других размером.

Сильным стуком в ворота, Хасан разбудил хозяина дома - смуглого, сухощавого среднего роста мужчину, с гладковыбритой головой и густой чёрной бородой по имени Хамидулла.

Хасан, приложил правую ладонь к сердцу и, слегка склонив голову, поприветствовал «АсСаламу Алейкум».

- «Солдаты по вашу душу, Хамидулла-ока» - произнёс он. К разговору на узбекском, тут же подключился Руст. Представив себя и друзей, он объяснил причину позднего визита.

Хамидулла, взяв ключи и, подняв пятнадцатилетнего сына Халима, вместе с друзьями направился к магазину. Путь к маленькому кирпичному строению с вывеской «Магазин», стоявшему на вершине холма, занял около пяти минут.

- Хасан, вы можете остаться - предложил Руст.

- Ну, если Хамидулла-ока не будет возражать - допустил Хасан.

Открыв, запертую, кованной перекладиной и большим амбарным замком дверь, Хамидулла включил свет и прошёл за длинный деревянный прилавок. Махнув зазывающе, выложить одеяла, каждое, расправлял и скрупулёзно осматривал, на наличие порчи.

В итоге, три одеяла, всё же забраковал. К окончательному расчёту завмаг предложил двадцать семь рюкзаков урюка.

Руст, переглянулся с Костром и Монголом и согласился. Ведь, главной задачей на текущем этапе, было закрепить деловые отношения. Три забракованных одеяла, единогласным решением друзей, с благодарностью, были переданы Хасану.

В завершение, Хамидулла поручил сыну-Халиму, быстро наполнить рюкзаки сушёным урюком, и тот спешно удалился. Хамидулла остался доволен новым знакомством и общению Руста на узбекском языке.

- «Мой рабочий день не нормирован» - сообщил он: «Когда дверь продмага заперта, меня всегда можно отыскать дома».

Спустя короткое время, Халим вернулся. У дверей магазина стояли, связанные в цепь, пять серых ишаков, нагруженных двадцатью семью рюкзаками ароматного сушёного урюка.

Он держал за узду ведущего, будучи в готовности сопроводить Руста и Костра и Монгола в часть. Поздравив друг друга с почином и, высказав пожелание роста сотрудничества, Хамидулла и друзья попрощались.

Ночь шла на убыль, в расположение роты, непременно, нужно было вернуться за час до команды «подъём», чтобы успеть спрятать рюкзаки с урюком и не ни быть изобличёнными в отсутствии, старшиной, по обыкновению, просыпавшимся раньше.

Быстро добравшись до окраины ГУЦ и разгрузившись в низине сопки душманского кишлака и палаток разведроты, Руст, оставил Костра и Монгола постеречь рюкзаки, а сам отправился за Сидором, Стрелой и Костяном.

Ещё спавшая рота, проснулась от шума при заносе рюкзаков. Три рюкзака, друзья сразу же передали старшине и сержантам, чтобы те не изъяли всё целиком, а остальные двадцать четыре, распределили по трём взводам роты.

ЗАВМАГ ХАМИДУЛЛА

Шло время, сотрудничество Руста и Хамидуллы продолжалось, завязавшись в добрые человеческие отношения.

Хамидулле импонировало, что Руст татарин, говорит по-узбекски и предприимчив. Узнав, что к нему должен приехать Отец, Хамидулла настоял, чтобы, он непременно, остановился в его доме.

К приезду отца, наудачу Руста, «за успехи в боевой и политической подготовке», командир разведроты В.И Ровба, объявил трое суток увольнительных. Хотя и, сутки эти, были неполноценными - с вечерней поверки и до подъёма, нужно было находиться в ГУЦ, всё же, времени для общения с Отцом было достаточно.

Отец, как на том настаивал Хамидулла, остановился в его доме, но вопреки отказу не брать с него плату за проживание и питание, в накладе хозяина, не оставлял.

Три дня, пока Отец гостил в Майдане, они с Рустом гуляли по округе, рыбачили на пруду, полёживали на топчане, застеленном верблюжьим ширдаком, попивая зелёный чай и срывая, нависший сверху красный виноград, говорили о жизни.

- У тебя нет желания остаться? - неожиданно спросил Отец, и уточнил свой вопрос: имею в виду - не лететь в Афганистан?

- Отец, как ты себе, это представляешь? Все мои друзья отправятся «за речку», а я останусь служить в Союзе. Это исключено! И прошу тебя, не предпринимай каких-либо действий на этот счёт. Это будет самым постыдным поступком, за который я буду корить себя всю жизнь - ответил Руст категорично.

- Ты понимаешь, что на войне существует угроза сложить голову, или вернуться, как твой дед Ахмадулла-бабай, безногим, или полностью оглохнуть, как мой отец Мисбахетдин-бабай? - спросил Отец.

- Я понимаю. Вместе с тем, это моя жизнь. Афганистан - это вызов моему поколению, а значит и мне! - объяснил Руст.

- Ну хорошо! Но, о нас с Мамой, ты подумал? - спросил Отец.

- Всё будет хорошо! Не переживайте! - успокоил Руст.

- Хорошо. Я сказал тебе своё мнение. Решай сам! Только бы не пришлось пожалеть о своём решении - предупредил Отец.

- Я не пожалею - заключил Руст.

В завершении данной темы, Отец поделился с Рустом информацией:

«Вчера поздно вечером, когда ты убыл в расположение роты, беседуя с Хамидуллой за чаем, он мне сообщил, что у него есть возможность удержать тебя от отправки в Афганистан.

Он сказал, что считает тебя перспективным, ему импонирует, что ты татарин, мусульманин, хорошо говоришь по-узбекски, учишься в Москве и так далее - перечислил Отец с улыбкой, и продолжил: он ждал от меня какой-то реакции».

- А, что ты ему на это ответил - спросил Руст.

- Я пропустил вопрос, оставив его без ответа. А, что я мог ему сказать? - сказал Отец.

- Спасибо Отец - поблагодарил Руст.

Вечерело. Неожиданно появилась дочь Хамидуллы Дильбар, которая принесла горячий чай, орехи и изюм. Она была симпатичной, но ещё очень юной – на вид лет тринадцати, край, четырнадцати. Две её сплетённые косы при движении разлетались по сторонам или вытягивались до середины «куйлак» платья ярко красного цвета, типичного для Сурхандарьи, в тон верху – внизу выглядывали короткие штаны «лозим» и расшитая куполообразная тубетейка «дюппи».

На протяжении всего времени, пока Отец Руста гостил в доме Хамидуллы, она ухаживала за гостями – подавала еду и, одновременно хлопотала по хозяйству. Хамидулла был хорошим отцом, а у меня впереди были большие планы.

НАКАНУНЕ ОТПРАВКИ В АФГАНИСТАН

К концу января 1985 года курс учебной части подходил к завершению. За неделю до возвращения из ГУЦ Шерабада на Термезский полигон курсантам сделали обязательную комплексную вакцинация от инфекционных заболеваний – гепатита В и Е, тифа, дифтерии и малярии.

После трёх месяцев тяжёлых физических нагрузок и недоедания, курсантам-разведчикам были даны три дня свободного режима – формальные подъёмы и отбои, никаких построений. Кормить стали значительно лучше, на столах появились: компот, макароны и, один раз – тушёнка и стужёнка.

Накануне формирования списков для отправки в Афганистан командир разведроты Ровба В.И. перед строем спросил:

– Желаящие остаться в Союзе, выйти из строя?!

Но, таких, не оказалось.

Каждый курсант-разведчик, ждал от Афганистана избавления от изнурительных занятий учебного курса и муштры, ощущения свободы и, испытания себя войной.

Первого февраля 1985 года началась переброска в Афганистан. К знаменитому мосту через Амударья, проводить подопечных прибыли все офицеры разведроты.

В строю стояли сто крепких восемнадцатилетних парней, с разных концов нашей Родины. Три месяца подготовки по военно-учётной специальности, в горном учебном центре Шерабад и на полигоне пустыни Сурхандарьи, сделали из них настоящих воинов-разведчиков.

Старший лейтенант В.И. Ровба произнёс трогательную речь, в которой строго наставлял и тепло напутствовал. В заключение, он вместе с командирами взводов, обошёл весь строй, каждому пожал руку и обнял. Затем последовал приказ грузиться на КамАЗы и разведчики пересекли советско-афганскую границу.

Дисклеймер и Копирайт: Все события и персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реально живущими или когда-либо жившими людьми случайно.

Все авторские права на текст и содержание Концепта защищены.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

1. СОБЫТИЯ октября 1993 года
2. ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ
3. СИДОР
4. ПОЕЗДКА В ЛЕНИНГРАД
5. ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ
6. АФГАНИСТАН. СОЛДАТСКАЯ ПАЛАТКА
7. МОНГОЛ
8. ЗАСАДА в АЛИАБАДЕ
9. НАЧАЛЬНИК РАЗВЕДКИ ВАСИЛИЙ ПРОХОРОВ
10. ОПЕРАЦИЯ в КИШИМЕ и ДЖАРМЕ АФГАНСКОГО БАДАХШАНА
11. СИДОР и КОМАНДИРСКАЯ КОЛБАСА
12. ПАНДЖШЕРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ июня 1985 года
13. ОПЕРАЦИЯ «МАНЁВР»
14. ОПЕРАЦИЯ «ЗАПАДНЯ»

ЧАСТЬ II

15. ЦУГЦВАНГ ОБЕР-ЛЕЙТЕНАНТА БРУНО ТЕВСА
16. Авиабазы Бундесвера МАЗАРИ-ШАРИФ АФГАНИСТА
17. 14 АПРЕЛЯ 1929 года. СОВЕТСКО-АФГАНСКАЯ ГРАНИЦА
18. ОПЕРАЦИЯ «ДЖОКЕР»
19. КОРРЕСПОНДЕНТ «DER SPIEGEL» ОТТО ГРИНБЕРГ
20. ОБЕД в ЧАЙХАНЕ ЯКУБ-ХАНА
21. АВИА-УДАР ISAF в УМАР-ХЕЙЛ
22. ПОХИЩЕНИЕ ОТТО ГРИНБЕРГА и СУЛТАНА МУХАДИ
23. НОВАЯ ФАЗА ОПЕРАЦИИ «ДЖОКЕР»
24. ГОСПИТАЛЬ «ВРАЧИ без ГРАНИЦ» MSF

25. ИЮНЬ 1930 года. СОВЕТСКО-АФГАНСКАЯ ГРАНИЦА
26. СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ
27. ПОЕЗДКА в ХОСТ-ВА-ФЕРЕНГ
28. СИТА АХМАДЗАЙ
29. КОНЕЦ ОПЕРАЦИИ «ДЖОКЕР»
30. АВИАУДАР по медресе в кишлаке ДАФТАНИ
31. СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ АФГАНИСТАН 1930-1931 год
32. АВИАУДАР по ГОСПИТАЛЮ «ВРАЧИ без ГРАНИЦ» MSF
33. ОБМЕН АЛЬФРЕДА ЮНГА
34. КУНДУЗ северо-восточный АФГАНИСТАН 1942 год

ЧАСТЬ III 20 ЛЕТ НАЗАД

35. ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ
36. ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ
37. ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ
38. ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ
39. ПИСЬМО ИВАНА КОСТРОВА БРАТУ-БЛИЗНЕЦУ АНДРЕЮ
40. РУСТ
41. ГОРНЫЙ УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР ШЕРАБАД
42. МАЙДАН
43. НАКАНУНЕ ОТПРАВКИ в АФГАНИСТАН